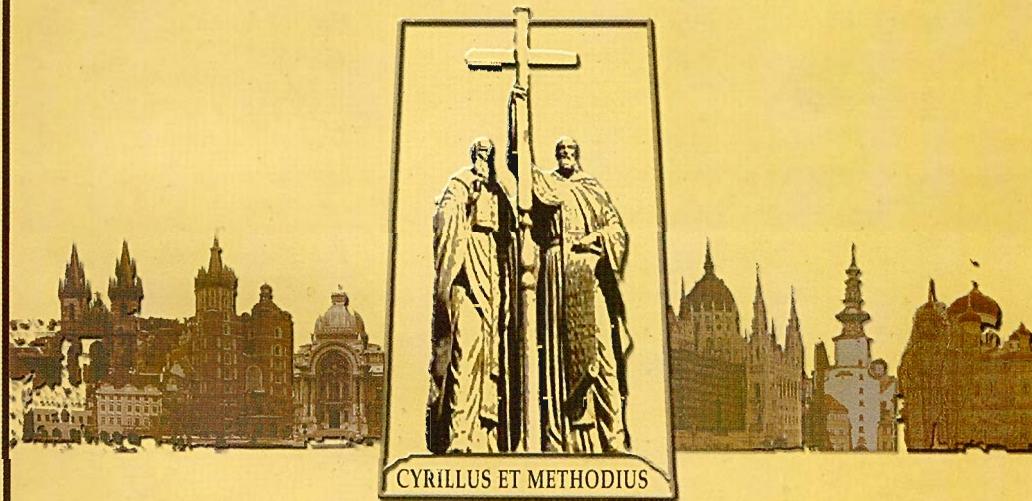

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CYRILLUS ET METHODIUS

I

2005

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EAST EUROPEAN STUDIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Редакторы:

Н.В. КОРОВИЦЫНА (*Институт славяноведения Российской академии наук*)
Ладислав МАХАЧЕК (*Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия*)

Редакционная коллегия:

В.К. ВОЛКОВ (*Институт славяноведения Российской академии наук*)

Хенрик ДОМАНЬСКИЙ (*Институт философии и социологии
Польской академии наук*)

Имре КОВАЧ (*Институт политических исследований Венгерской академии наук*)

Илияна МАРЧЕВА (*Институт истории Болгарской академии наук*)

Клаус МЮЛЛЕР (*Свободный университет, Берлин*)

В.А. ТИШКОВ (*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
Комиссия российских и словацких историков*)

Милан ТУЧЕК (*Институт социологии Академии наук Чешской Республики*)

119334 Россия, Москва, Ленинский просп., 32-а

E-mail: korovicyna@mail.ru

91701 Slovenska republika, Trnava, Nám. J. Herdu, 2

E-mail: machacek@chello.sk

© Институт славяноведения РАН, 2005

© Редколлегия журнала «Восточноевропейские
исследования» (составитель), 2005

© ООО «Алгоритм-Книга», 2005

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Международный журнал
по социальным и гуманитарным наукам
№ 1, 2005

Содержание

КОРОВИЦЫНА Н.В. (Россия), МАХАЧЕК Ладислав (Словакия) Новый этап сотрудничества восточноевропейских обществоведов: опыт международных сравнительных исследований после 1989 г.	3
 Статьи	
ПИХОЯ Р.Г. (Россия) Эволюция системы власти и управления в СССР и России во второй половине XX в.: от Советов и КПСС к Президенту и Думе	12
ТОЩЕНКО Ж.Т.(Россия) Формы и методы политической трансформации в России	27
ДАНИЛОВ А.Н. (Беларусь) Постсоветская трансформация — выбор будущего для всего мира	41
РОШКО Роберт (Словакия) Гражданское общество: попытка историко — социологической рефлексии	57
МАХОНИН Павел (Чешская республика) Кристаллизация социального статуса и постсоциалистическая трансформация	67
ДОМАНЬСКИЙ Хенрик (Польша) Средний класс при переходе от коммунизма к капиталистическому обществу	81
ГОРЛАХ Криштоф (Польша) Конец крестьянства	97
ЛАЗИЧ Младен (Сербия и Черногория) Постсоциалистическая трансформация в Сербии: изменения в процессах пополнения экономической элиты	114
НИКИФОРОВ К.В. (Россия) Сербия и Черногория: общее и особенное на путях трансформации	125

Эмпирические исследования

- МАХАЧЕК Ладислав (Словакия) Молодые люди о «чехословацкой»,
национально-государственной и европейской идентичности134
- ДАНИЛОВА Е.Н. (Россия) Россияне и поляки в зеркале этнических
и гражданских идентификаций146

Научная жизнь

- БИЛАСОВА Вера, ЖЕМБЕРОВА Вера, КОСТЕЛНИК Штефан (Словакия)
«Феномен славянства»: концепция и первые результаты
исследования (проект Прешовского университета)163
- МАРЧЕВА Илияна (Болгария) Сотрудничество в области культуры как
проявление славянской взаимности (дискуссия в Софийском
университете)172

Рецензии

- СКОВАЙСА Марек (Чешская республика)
Sociologický časopis/Czech Sociological Review (Praha)176
- КЛОБУЦКИЙ Роберт (Словакия)
Sociológia/Slovak Sociological Review (Bratislava)181
- МУХА Януш (Польша)
Studia Socjologiczne (Warszawa)186
- КОВАЧ Имре (Венгрия)
Szociológiai Szemle/The Review of Sociology (Budapest)190
- Авторы.....192

**Н.В. КОРОВИЦЫНА,
Ладислав МАХАЧЕК**

**Новый этап сотрудничества
восточноевропейских обществоведов:
опыт международных сравнительных исследований
после 1989 г.**

Прошло ровно полтора десятилетия со времени революционных перемен современного мира, повернувших исторические судьбы стран и народов Европейского континента. Распался «восточный блок», возникший после Второй мировой войны. Ушла в прошлое составившая своеобразие XX века советская цивилизация. Был отвергнут особый путь развития — антикапиталистический, альтернативный западному. По этому пути, проложенному Советским Союзом, в середине прошлого столетия пошли страны Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) — «регион между Востоком и Западом». Смена общественной системы в условиях второй, неолиберальной Великой Трансформации конца XX века, как и первой, социалистической, для этого региона одновременно означала и смену geopolитических приоритетов: последовали стремительные процессы западной, евро-атлантической переориентации стран ЦЮВЕ. Они выразились в интеграции бывших социалистических стран в Европейский союз.

Результатом крушения коммунистического режима и распада «советского блока» явилось нарастание неоднородности прежде относительно единого восточноевропейского пространства. Оно сформировалось в 1950—1980-е годы в ходе ускоренного выравнивания экономических и культурных уровней — одного из ключевых пунктов программы соцмодернизации всей этой обширной территории, включающей самые различные по цивилизационным параметрам народы и общества. Подъем в большинстве своем «отстающих», т.е. преимущественно сельских и аграрных на старте социалистических преобразований стран, сочетался с дефицитом стимулов интенсивного развития промышленных, прежде всего Чешских земель и Восточной Германии.

Несмотря на возникшую в 1990-е годы геополитическую разделенность России и ЦЮВЕ, ее субрегионов, на несоответствия в степени и характере продвинутости по пути общественного перехода от социализма к капитализму, трудно отрицать определенную общность траекторий и этапов нашего развития — и в силу сходства целого ряда стартовых параметров, и под влиянием процессов глобализации рубежа веков.

Все без исключения соцстраны — власть и общество — после 1989—1991 гг. и уже в ходе перестройки пытались более или менее успешно копировать потребительские стандарты Запада, «демонстрационный эффект» которых, как известно, стал решающим фактором бархатных революций.

Спустя 15 лет после начала трансформационных сдвигов, очевидно, правильно говорить об их завершении — не только в передовых центральноевропейских странах, но на всем пространстве от Эльбы до Тихого океана, которое раньше именовалось «СССР и Восточная Европа»¹. Хотя результаты совершенного перехода для отдельных стран неодинаковы, как и национальные вариации возникшего (полу) капиталистического общества, его характерный «постсоциалистический, восточноевропейский» тип, пожалуй, стал реальностью в этой части мира. Специфика этого типа решающим образом предопределена последствиями и форсированной, консервативной модернизации по советскому образцу, и демократических, неолиберальных реформ по западному, точнее американскому образцу.

Посттрансформационный проект и стратегия развития производны от объективной оценки исторического смысла и последствий общественных преобразований 1990-х годов, сложившейся в результате их социально-политической и социально-культурной ситуации. Потребуется мобилизовать потенциал всего комплекса социогуманитарных наук большой группы стран, прошедших трудный и болезненный путь перемен, в стороне от которых не остался никто. Следует заметить, что отсутствует ясное, деидеологизированное представление и о предшествующем цикле социалистической трансформации: ее содержании, периодизации, национальных и социальных проявлениях, что очень важно — значении. Основы послевоенной общественной системы в регионе ЦЮВЕ были заложены в 1950-е годы в процессе беспрецедентных по массовости и темпам, преимущественно восходящих, социальных и образовательных перемещений эпохи первых пятилеток. Они явились оборотной стороной индустриализации и кооперирования сельского хозяйства.

Изучение «восточноевропейского пути развития» через две системных трансформации второй половины XX столетия — задача стратегическая и долгосрочная для России и ее западных, европейских соседей. Нас объединяет общность судеб: национальных, поколенческих, социально-профессиональных, личных². Серия одновременных и однонаправленных межформационных и межцивилизационных переходов, совершенных обществами и народами с разными уровнями развития, со своим историко-культурным прошлым, представляет собой уникальный объект комплексного изучения — неповторимую «живую лабораторию». Такого рода конкретные исследования откроют реальную перспективу выхода на концептуальные

¹ См.: Коровицына Н.В. От изучения социальных трансформаций к обновленным восточноевропейским исследованиям // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 13 — 22.

² См.: Коровицына Н.В. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. 284 с.; ее же — Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 9 — 18.

обобщения, недостаток которых все острее ощущается нашим преимущественно «практико-ориентированным» знанием.

Решение столь масштабной задачи составляет естественную нишу фундаментальной академической и университетской науки, поле многостороннего международного сотрудничества. Традиции творческого взаимодействия в гуманитарной сфере сохранились в среде нынешнего старшего и среднего поколений восточноевропейской интеллигенции, они восприняты молодой постсоциалистической генерацией ученых, которая активно выходит за рамки узкодисциплинарных и национальных исследовательских программ.

Несомненна нарастающая актуальность *восточноевропейских исследований*. О ней свидетельствует, например, очевидная аналогия между нынешним десятилетием и 1960-ми годами, как симметричными этапами двух циклов модернизации нашего региона. Шестидесятые начались у нас с повсеместного провозглашения завершения строительства «основ социализма», а закончились событиями Пражской весны 1968 года, переломным моментом в истории коммунистического режима. В какое новое качество перевоплотится общество восточноевропейского типа после создания там «основ капитализма» — уже к концу текущего десятилетия, тоже первого посттрансформационного? Что ждать от новой волны — уже не бархатных, а оранжевых — революций в постсоветских республиках? Или от первых кризисных явлений внутри Европейского союза через год после его расширения за счет десяти государств восточной части континента?

Поиски ответа на эти и другие вопросы — об обществах, народах, людях, дважды за полувековой период вынужденных радикально менять свои жизненные цели и ценности, познавших время единства, уникального для их истории, и время охлаждения, если не сказать распада отношений, — вот, на наш взгляд, магистральное направление развития научного сотрудничества обществоведов России и стран Центральной и Восточной Европы в начале XXI столетия. Действительно, пришло время начать профессиональный диалог о событиях, непосредственными свидетелями которого явились и сами его участники — носители неповторимого исторического опыта, и изучаемые ими народы. Именно сейчас, когда, наконец, приходит время восстановления утраченных в предшествующее десятилетие связей России и стран ЦЮВЕ, осознания — на новом историческом этапе и в новом geopolитическом контексте — общности наших национальных культур и интересов.

Мы пытаемся приблизить это время, начиная такой «исторический диалог» на страницах международного журнала по социальным и гуманитарным наукам под названием «*Восточноевропейские исследования*». Это совместная российско-словацкая инициатива. Уже на первых этапах реализации она встретила активную и заинтересованную поддержку со стороны академического сообщества стран региона — исследовательских институтов, аналитических центров, университетов, ведущих журналов, известных ученых, внесших вклад в подготовку первых выпусков журнала. Трудно переоценить важность, значительность и своевременность данного проекта. Он ориентирован на постепенное преодоление ряда идеологических стереотипов, которые были неотделимы от революционных перемен рубежа 1980—1990-х годов и в последние полтора десятилетия безраздельно господствовали в общественной науке и общественном сознании стран региона.

Все более очевидно это наследие периода «шоковых реформ» не соответствует важнейшим тенденциям развития современного мира, новой, нарождающейся на наших глазах, европейской, в том числе восточноевропейской, а особенно российской реальности. Мы не вправе недооценивать всю сложность осуществления столь масштабного — по широте охвата проблематики и стран — проекта, серьезные трудности и препятствия, которые ожидают нас на этом пути, как и те, с которыми уже пришлось столкнуться. Однако мы отдаем должное не только высокой квалификации, но и потенциалу гражданской активности участников проекта из разных стран региона. Основным ресурсом достижения поставленной цели является неоценимый опыт научного сотрудничества на этом направлении, накопленный в период после 1989 г. центральноевропейскими учеными, преимущественно социологами. Речь идет о целом ряде организованных ими международных встреч и совместных публикаций, посвященных сравнительному изучению по своей сути исторических процессов общественной трансформации и модернизации в условиях смены систем конца XX в. Последовательно и целеустремленно такую программу с начала прошлого десятилетия осуществляют специалисты Польши, Чехии, Венгрии и Словакии. Назовем основные этапы и результаты их деятельности.

Уже в период 1994—1997 гг. польские и чешские ученые совместно с французскими, опираясь на традиционные культурные и научные связи этих стран, которые получили развитие с начала 1980-х годов, провели широкомасштабное исследование социальной трансформации под влиянием рыночных реформ начала прошлого десятилетия. В центре внимания специалистов Института философии и социологии Польской академии наук (ИФиС ПАН), Института социологии Академии наук Чешской Республики (ИС АН ЧР) и Института социологии Словацкой академии наук (ИС САН) находились «пути развития событий, последовавших за крушением коммунистических, или государственно-социалистических режимов»³. На основе эмпирических исследований анализировались общие и национально-специфические черты общественной трансформации в Польше, ЧР и Словакии, проводились некоторые параллели с процессами модернизации во Франции. Это действительно коллективное исследование сопровождалось интенсивными научными контактами в ходе четырех рабочих встреч (Workshop) в Париже (1994 и 1997 гг.), Смоленице (1995 г.) и Праге (1996 г.). Один из главных выводов, к которым пришли эксперты,ставил под сомнение господствовавшую в то время упрощенную транзитивную концепцию модернизации общества в пользу концепции трансформационной: изучаемые процессы оказались глубоко укорененными в истории стран и народов. По результатам исследования в 1999 г. в Варшаве вышла книга *«Системные изменения и модернизация: Восток-Запад в сравнительной перспективе»* под редакцией поляка Владислава Адамского, словацкого Яна Бунчака, чеха Павла Махонина и француза Доминика Мартэна.

Следующим важным этапом реализации долгосрочной программы взаимодействия центральноевропейских ученых была рабочая встреча в Берлине весной 2000 г. и, наконец, в Праге. Пражскую конференцию (май 2001 г.) по ее значению и количеству вышедших в результате публикаций на сегодняшний день можно считать кульминацией данного направления международного научного сотрудничес-

³ System Change and Modernization: East-West in Comparative Perspective / Ed. W. Adamski, J. Bunčák, P. Machonin, D. Martin. Warsaw, IFiS Publishers, 1999. P. 9.

тва, на этот раз прежде всего польско-чешско-немецкого. Подводились итоги десятилетия общественной трансформации.

Тема конференции получила название: «*Структурные изменения в постсоциалистической Центральной Европе и актуальные модернизационные вызовы*». Выступления основных докладчиков впервые были построены в форме Национальных докладов коллективов специалистов разного профиля из отдельных стран — Германии («Трансформация через объединение», рук. — *Вольфганг Цапф*, Берлинский научный центр социальных исследований), Польши (рук. — *Владислав Адамский*, ИФиС ПАН), Чешской Республики (рук. — *Павел Махонин*, ИС АН ЧР) и Венгрии (рук. — *Жолт Шнейдер*, Венгерский институт демографических исследований). Отдельные содоклады представили *Хенрик Доманьский*, а также *Анджей Рихард* и *Эдмунд Внук-Липиньский* (Польша), *Ян Келлер* (ЧР). Анализ реальных проблем развития центральноевропейских обществ сочетался с предложением новых методологических и методических подходов, в том числе опирающихся на междисциплинарные исследования, с обоснованием необходимости новой парадигмы социальной науки. Концепция модернизации, в том числе «догоняющей» и «рефлексивной», в ряде докладов подверглась критике за неспособность адекватно отразить многомерность переходных процессов, разнообразие культурных факторов трансформации, особенности характера и степени восприятия происходящих перемен населением.

Результаты национальных эмпирических исследований произошедших за десятилетие перемен комментировали эксперты из 11 стран — с точки зрения как поставленных теоретических проблем, так и стратегии, или политики трансформации. Среди них были Эрик Аллард (Финляндия), Клаус Мюллер (Германия), Андреас Пикель (Канада), Доминик Мартэн (Франция), Ян Делей (Германия), Якоб Юхлер (Швейцария), Христиан Харпфер (Австрия) и др. Они обосновали комплексность и историзм, отсутствие изначальной заданности переходных процессов, необходимость соответствия структурных реформ объективной логике развития стран и народов. Подтверждена эффективность межрегионального, межнационального и межкультурного анализа трансформирующихся обществ. Важно заметить, что отличительной чертой центральноевропейской и особенно польской социологии является ее ретроспективный, органически близкий исторической науке характер: процессы 1990-х годов рассматриваются не изолированно, а в контексте социокультурной динамики 1970—1980-х годов, более того, учитывая специфику национального развития в новое время. Такую возможность открывает всемирно известная польская социологическая школа, ориентированная на понимание культурных смыслов общественных процессов и явлений, как и традиционно высокоразвитая чешская социометрия.

Материалы пражской конференции опубликованы в Германии⁴ и Чехии⁵, в Польше им посвящен XV том англоязычного журнала ИФиС ПАН «*Sisyphus. Social studies*» (главный редактор — *В. Адамский*). Практически в полном объеме эти материалы увидели свет в русском переводе в журнале «*Социологические исследования*», № 5—9 за 2002 г.

⁴ Structural Change and Modernization in Post-Socialist Societies / Ed. W. Adamski, P. Machonin, W. Zapf. Hamburg: Kramer, 2002. 344 P.

⁵ Transformace a modernizační výzvy. Česko — Německo — Maďarsko — Polsko — Slovensko / Ed. W. Adamski, P. Machonin, W. Zapf / Sympozium evropských sociologů v Praze 2001. Praha: SÚ AV ČR, 2001. 239 s.

Уже осенью 2001 г. состоялась следующая рабочая встреча, организованная Варшавой и Берлином: на этот раз еще дальше к востоку и впервые — на постсоветском пространстве. В Киеве прошла конференция на тему: «*Социальная динамика постсоветского общества: Украина в сравнительной перспективе*». Материалы ее вышли в следующем, XVI томе «*Sisyphus*» под ред. Владислава Адамского, Евгения Головахи и Ольги Иващенко⁶. В предисловии к этому выпуску говорится: «Несмотря на интенсивные социально-политические исследования постсоциализма в Центральной и Восточной Европе, в евро-азиатском регионе бывшего СССР, отсутствует методология изучения постсоветского перехода, которая выходила бы на широкую межрегиональную сравнительную перспективу». Центральный вопрос киевской дискуссии формулировался следующим образом: «Почему некоторые страны региона оказываются более успешными, чем другие, в преодолении институциональных и культурных ограничителей исторической предопределенности «path dependancy» и «догоняющем» использовании возможностей рыночной экономики и представительной демократии?»

Украинское общество рассматривалось как типичный, хотя и специфический случай постсоветского общества, в социальной и социетальной динамике. Польские и украинские обществоведы ставили перед собой задачу и более широкого плана — понять природу эндогенных процессов социальных изменений и оценить человеческий потенциал общества постсоветского типа сквозь призму межнационального сравнения. В ходе организации встречи в Киеве и подготовки публикации сложились тесные связи ученых, представляющих Центральную и Восточную Европу, были определены направления развития долговременного научного сотрудничества двух стран.

Важный шаг в этом направлении сделан по прошествии нескольких лет, в декабре 2004 г. В рамках осуществления проекта «Польская модель социальных трансформаций: опыт для Украины» состоялась конференция в Институте социологии НАНУ. Серия статей польских ученых была опубликована в № 1 и 2 за 2005 г. украинского журнала «*Социология: теория, методы, маркетинг*». В свою очередь, статьи ведущих украинских обществоведов вышли в свет в тематическом, целиком посвященном проблемам развития украинского общества, номере польского журнала «*Studia Socjologiczne*» — № 4 за 2004 г. (см. подробнее об этом ниже, в рубрике «Рецензии» материал главного редактора этого журнала Януша Мухи). Главный редактор украинского социологического журнала Евгений Головаха в предисловии к польской подборке подчеркивает важность учета «опыта коллег из стран бывшего социалистического лагеря» при изучении «современных социальных феноменов» и пишет о планах дальнейшего расширения научных контактов украинских и польских обществоведов с выходом на реализацию широкомасштабных совместных научных проектов⁷. Препятствием тому в последнее время была господствующая ориентация на западноевропейскую и американскую социологию, а не, к примеру, польскую. Однако это характерно не только для Украины, но в не меньшей степени и для России, ее социологического сообщества.

⁶ The Post-Soviet Society: Ukraine in a Comparative Perspective / Sisyphus. Social Studies. 2002. Vol. XVI. / Ed. W. Adamski, E. Golovakha, O. Ivashchenko. Warsaw: IFiS Publishers, 2002. 166 P.

⁷ Головаха Е. Украина и Польша: партнерство без границ // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 1, с. 5.

Попытка организации сотрудничества историков и социологов стран Центральной и Восточной Европы в изучении новейших процессов общественного развития была предпринята на основе Института славяноведения РАН в марте 2001 г. на конференции «Славянский мир в эпоху системных трансформаций второй половины XX века: междисциплинарный подход». В ней участвовали чешские, словацкие, польские социологи. По материалам конференции вышел сборник «Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы». Его открывает статья *П. Махонина*. Он хорошо известен отечественным специалистам как руководитель авторского коллектива классического труда «Чехословацкое общество. Социологический анализ социальной стратификации» (Братислава, 1969) и как активный участник движения Пражской весны, в период «нормализации» надолго отстраненный от профессиональной деятельности. Чешский социолог высоко оценил возобновление после тридцатилетнего перерыва контактов «с русскими учеными, так типичных для 60-х годов XX века»⁸. В словацком журнале «Sociológia» в том же, 2001 г. появилась наша совместная аналитическая информация об этой конференции⁹. Мы подчеркивали необходимость междисциплинарной историко-социологической рефлексии постсоциалистического развития и писали о важности и своевременности перехода к новому этапу сотрудничества восточноевропейских обществоведов. В заключение обзора материалов конференции приведены прозвучавшие в ходе дискуссии слова *П. Махонина* о том, что российским и центральноевропейским специалистам предстоит еще «съесть не один мешок соли», или «vypíť kalih horkosti do dna» прежде, чем в полной мере восстановится взаимопонимание.

Спустя четыре года мы вновь возвращаемся к идее сотрудничества в изучении общих для наших стран проблем современной истории. За это время получили развитие прежде всего российско-чешские и российско-словацкие связи в изучении процессов общественной трансформации (на основе двусторонних договоров между Институтом славяноведения РАН с Институтом социологии АН ЧР и Университетом св. Кирилла и Мефодия в Трнаве). В ходе систематических профессиональных контактов, участившихся в начале текущего десятилетия, шел процесс обновления научных связей России со странами, в недавнем прошлом относившимися к «братским». Результатом общей заинтересованности в сравнительном историко-социологическом изучении современности стала российско-словацкая инициатива создания международного русскоязычного журнала как постоянно действующего академического печатного органа социального и гуманитарного профиля, объединяющего ученых стран региона¹⁰. Первые выпуски журнала «Восточноевропейские исследования» выходят в 2005 г.

⁸ Махонин П. Социальная трансформация и модернизация в Средней Европе // Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы / отв. ред. Н.В. Коровицына. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. с. 19.

⁹ Macháček L., Korovičupová N. Slovanský svet v epoce systémových transformácií — medzinárodná vedecká konferencia // Sociológia. 2001. Roč. 33. č. 4, s. 387—392.

¹⁰ Решение о создании международного журнала регионального профиля в рамках реализации двустороннего российско-словацкого договора о научном сотрудничестве, заключенного в июле 2004 г. между Институтом славяноведения РАН и Университетом св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, принято в ходе рабочей встречи российской и словацкой сторон, которая состоялась 3—10 декабря 2004 г. во время визита в Москву проф. Ладислава Махачека.

В центре внимания нового журнала находится историческое, социальное, демографическое, этнокультурное многообразие действительности нашего быстро измениющегося региона. Цель издания — в сравнительном плане представить самые новые теоретические воззрения и эмпирические исследования обществ и народов этого обширного пространства в контексте революций и реформ середины и конца XX века, освещать проблематику выбора путей и стратегий развития в начале XXI века. Журнал служит объединению усилий ученых-обществоведов широкого профиля в поиске ответов славянского мира на новые глобализационные вызовы, взаимодействию историков, филологов, социологов, антропологов в изучении актуальной региональной проблематики.

Международный журнал призван способствовать преодолению дезинтеграционных тенденций 1990-х годов, укреплению культурных, духовных связей России и соседних с ней стран, развитию научного сотрудничества и контактов гуманитарной интеллигенции стран Центральной и Восточной Европы. Значительную часть объема журнала составят материалы из Чехии, Словакии, Польши, Венгрии, балканских стран и постсоветских республик. Это ежеквартальное издание, представляющее важнейшие результаты исследований специалистов, профессионально решающих во многом сходные проблемы выбора путей (пост) трансформационного развития данной группы стран.

Международная по составу редакция русскоязычного журнала берет на себя функцию центра координации — наряду с другими центрами аналогичной направленности, существующими в США, Великобритании, Германии, Австрии и других странах Запада, — *восточноевропейских исследований*. В самом изучаемом регионе, т.е. в России, центрально-восточной, юго-восточной и восточной частях Европы такой центр прежде отсутствовал. Журнал выступит инициатором проведения научных конференций и рабочих встреч по ключевым вопросам современной истории и социокультурной динамики наших стран, в сравнительной перспективе.

В первый том вошли наиболее интересные, на наш взгляд, работы восточноевропейских ученых, посвященные основным тенденциям и результатам перехода от социализма к капитализму, или либерально-демократической трансформации конца XX — начала XXI веков. Особенность этого выпуска — широкая представленность работ ведущих социологов стран региона. Надо отдать должное, именно они внесли, пожалуй, наибольший вклад в объективное изучение процессов социальных и культурных преобразований последних полутора десятилетий. Накоплены многочисленные «человеческие документы» — итоги опросов населения разных лет. Этот вид документального исследования является одним из самых перспективных для понимания процессов и явлений новейшей истории, особенно к ее последним двум-трем десятилетиям. Среди авторов аналитических и информационных материалов данного тома шесть главных редакторов академических социологических журналов — российского, белорусского, чешского, словацкого, польского и венгерского. Они анализируют реальную ситуацию в системе власти и особенности нынешнего этапа развития в отдельных странах, место постсоциалистического мира в глобальной действительности начала XXI века, а также состояние изучения социальной сферы (см. обзоры социологических журналов Чехии, Словакии, Польши и Венгрии в рубрике «Рецензии»).

Основу первого выпуска «Восточноевропейских исследований» составляет подборка статей, раскрывающая малоизвестные отечественному читателю выводы из исследований специалистов стран региона после 1989 г., новое, характерное для данного научного сообщества, видение произошедших в этот период исторических по своим масштабам перемен, их последствий. Серию статей центральноевропейских авторов открывает концептуальный материал одного из основоположников историко-социологических исследований современности в Словакии Р. Рошко, который предлагает новое понятие «гражданократия» вместо традиционного «демократия». Далее анализируется динамика социальных процессов и судьбы основных групп общества в период межинформационных и межцивилизационных сдвигов, вызванных сменой политической системы рубежа 1980—1990-х годов. Относящиеся к сфере исторической науки выводы — об изменяющемся характере неравенства и усилении расслоения общества, о формировании «незападной» версии среднего класса, исчезновении традиционного крестьянства, воспроизведстве правящей номенклатуры через превращение политической власти в экономический капитал — основываются преимущественно на результатах конкретных социологических исследований. Эмпирическая рубрика первого выпуска посвящена сравнительному анализу изменившейся за годы реформ этнической и государственной (гражданской) идентификации словаков, поляков, россиян. Эти разработки выходят на ключевую сейчас проблематику проекта общественного развития, т.е. создания его долгосрочной стратегии — для Восточной Европы и России. Рубрика «Научная жизнь» представляет новейшие трактовки идеи славянской взаимности в Словакии и Болгарии.

В заключение выражаем благодарность всем авторам, предоставившим свои статьи для публикации в первых выпусках нашего журнала, всем тем, кто увлеченно и бескорыстно участвовал в подборе материалов, в контактах со специалистами и учреждениями в разных странах, т.е. непосредственно содействовал организации работы журнала, его становлению, а значит реинтеграции на новой основе научных и культурных связей на восточноевропейском пространстве.

Мы благодарим Национальный комитет историков России, его председателя академика С.Л. Тихвинского и председателя Комиссии историков России и Словакии члена-корреспондента РАН В.А. Тишкова, академика-секретаря историко-филологического Отделения Российской академии наук академика А.П. Деревянко за предоставленную возможность выхода в свет первых выпусков журнала. Мы высоко ценим их помощь и поддержку в реализации исторической по своему значению российско-словацкой инициативы, которая не ограничится публикацией международного периодического издания, а позволит восстановить и вывести на качественно более высокий уровень сотрудничество отечественных и восточноевропейских ученых в социогуманитарной сфере.

Статьи

Восточноевропейские исследования 1, 2005

P.G. ПИХОЯ

Эволюция системы власти и управления в СССР и России во второй половине XX века: От Советов к КПСС и Президенту и Думе

Анализируя эволюцию власти в стране во второй половине XX в., представляется целесообразным обратить внимание на ряд сравнительно малоизученных, но важных процессов, влиявших на изменение политического режима, а позже — и политической системы.

Номенклатура: от сословия к собственности. Важнейшим элементом механизмов управления в СССР была номенклатура. Номенклатурный принцип управления предполагал:

- ответственность партийного или государственного чиновника перед партийным органом, утвердившим его в его должности; своего рода «ответственность по вертикали»;
- невозможность сместить чиновника со своей должности иначе, чем по решению назначившего его или вышестоящего органа;
- широкое применение специфических методов в управлении людьми, включенными в номенклатуру. «Чистки», террор, политические обвинения были обычным способом смены чиновников.

Обратной стороной этого положения были специфические отношения между «патронами» («кураторами» — по партийной терминологии) и их «клиентами» в аппарате, зависимость чиновников от назначивших их руководителей партии и государства. «Команды» Сталина, Троцкого, «ленинградская группа» Жданова, «кавказская группа» Кирова — Орджоникидзе — Микояна существовали внутри аппарата, нередко участвовали в борьбе за политическое влияние и власть. Столкновения этих групп могли сопровождаться, маскироваться политическими обвинениями¹.

Террор как метод управления номенклатурой более или менее последовательно применялся на протяжении всего советского периода. Кровавый каток реп-

¹ Отсюда — обвинения в участии в «правом» и «левом» уклонах, в «военно-фашистских заговорах», «космополитизме», а позже — в «антипартийных группах», «волонтеризме» и т.д.

рессий по высшему слою номенклатуры прокатился вскоре после окончания Великой Отечественной войны. «Поколение победителей» — генералы, сделавшие свою карьеру в годы войны, директора военных заводов, секретари обкомов, научившиеся не только неукоснительно выполнять приказы, но и самостоятельно изыскивать способы для решения поставленных задач, — отвыкли от постоянного контроля. Более того — опытные организаторы, неплохо образованные в отличие от своих предшественников 20—30-х годов, связанные за годы войны с армией, военной промышленностью, — они стали мишенью при попытке восстановления довоенных механизмов управления [1].

Сталинская послевоенная политика по отношению к номенклатуре низводила этот слой к состоянию 20—30-х годов с характерной для него прямой личной зависимостью и беззащитностью назначенца на должность от тех, кто его назначил. Такое положение противоречило реально формировавшемуся статусу номенклатуры как управленческо-бюрократического слоя, который к рубежу 40—50-х годов обладал профессиональной квалификацией и опытом организационной деятельности в условиях усложнения системы управления огосударствленными промышленностью и сельским хозяйством, социальной и культурной сферами жизни общества.

Отметим еще два важных обстоятельства. Во-первых, к этому времени пришло уже второе поколение номенклатуры. Смена эта произошла и из-за чисто возрастных причин, и из-за того, что она была ускорена чистками конца 30-х годов и суровыми испытаниями войны. Во-вторых, это второе поколение находилось в расцвете своей деятельности, воспринимало себя победителем в войне, обладало иным, чем предшественники, личным и социокультурным опытом. Закономерно, что сразу же после смерти Сталина был инициирован пересмотр результатов большинства политических процессов конца 40 — начала 50-х годов против «второго поколения» номенклатуры — «дело врачей», «дело МГБ», «дело авиаторов», «картиллистов» и др.

В 1953—1954 гг. отчетливо обозначилась тенденция некоторого доминирования государственной ветви власти (Совмина СССР) над партийной. Специальным Постановлением мартовского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС были расширены права Совета Министров СССР. Секретарь ЦК КПСС Хрущев не получил ни одного государственного поста, в то время как Председатель Совмина Маленков имел право председательствовать на заседании Политбюро.

Такое положение сохранялось недолго. Заложенный в основе номенклатурного назначения принцип партийного утверждения любого чиновника позволил партийному аппарату взять реванш. В столкновении государственных институтов власти, представленных в Президиуме ЦК, с высшим аппаратом ЦК КПСС победил аппарат ЦК, став полным хозяином в стране. Испытанный механизм номенклатуры, находившийся в руках партийного аппарата, позволил ему окончательно подчинить, поставить под свой контроль весь высший государственный аппарат. Закономерным продолжением этого политического процесса стало устранение с политической арены так называемой «антипартийной группы» — Молотова, Маленкова, Булганина, бывших в разное время Председателями Правительства СССР, их заместителей — Кагановича, Сабурова, Первухина, как и их антагониста — ми-

нистра обороны СССР маршала Жукова, который дважды — летом 1953 г. и летом 1957 г. — вмешивался в политическую борьбу в стране.

В конечном счете, и сам Хрущев стал жертвой партаппарата, когда попытался утвердить принцип систематического обновления партийных органов, главным образом в его низших звеньях — от обкома до райкомов КПСС. Заговор против Хрущева стал выражением осознания единства интересов номенклатуры. Заговорщиков поддерживал КГБ, армия и МВД², раздраженные массовыми увольнениями офицеров, сокращением льгот.

Время правления Брежнева стало «золотым веком» номенклатуры. «Несталинизм» Брежнева включал сохранение основных идеологических ценностей, унаследованных от предшествующих периодов истории СССР, при гарантии «стабильности кадров». Партийный аппарат был в это время «системообразующим» для всего государственного устройства страны. Структура аппарата ЦК дублировала госаппарат не только на уровне министерств и ведомств, но и главков, управлений и отделов этих министерств. В свою очередь, функционирование власти предполагало необходимость предварительного согласования любого сколько-нибудь важного документа со всеми заинтересованными министерствами. Таким образом, возникла взаимозависимость между партийным и государственным аппаратами, своего рода срастание и ротация кадров. Частью властной элиты были также представители высшего звена политического руководства — на местах и в центре — секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик (в начале 1990 г. число их должностей составляло 799) [2, с. 19—20], министры, заместители министров и члены коллегий министерств и союзных ведомств (по моим подсчетам, около 1 тыс. чиновников), высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, входившие в число членов и кандидатов в члены ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии КПСС (около 500 человек) [3, с. 337—339]. Добавим к этому перечню тот слой управленцев, который обладал реальной властью на местах, — заведующих отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик (в 1986 г. — 2113 должностей) [2, с. 20].

Некоторые представления о численности высшего слоя власти дает количество абонентов знаменитой московской АТС-1, правительственный связи. Принадлежность к списку этих абонентов означала причастность к «телефонному праву» — к возможности непосредственно, в обход многих бюрократических сложностей решать самые различные вопросы. В список входили члены политбюро и секретари ЦК КПСС, политические обозреватели и главные редакторы, представители высшего генералитета и Президиума Академии наук СССР, руководители министерств и ведомств, директора заводов и ректоры крупнейших университетов. Главных действующих лиц советского государства, судя по справочнику АТС-1 от 1 июня 1991 г., насчитывалось 634 человека [4].

К этому необходимо добавить руководителей, живших в столицах союзных и автономных республик, в краевых и областных центрах. Список абонентов автоматических междугородних телефонных станций правительенной междугородней связи включал высших партийных и государственных чиновников, директоров

² Министерству внутренних дел СССР досталось больше всего — в 1960 г. оно было расформировано, и его функции переданы республиканским министерствам.

крупнейших промышленных предприятий, командующих местными военными округами и крупными воинскими частями, начальников управлений КГБ. Этот перечень для всего СССР учитывал примерно 2800 местных начальников [5]. Между двумя слоями власти — местной и центральной — существовали тесные связи. К просьбам и предложениям первого секретаря обкома партии в Москве во всех звеньях управления — от аппарата ЦК до Совета Министров и отдельных министерств — внимательно прислушивались. Хорошие отношения с первыми секретарями — это гарантия исправного функционирования «машины голосования» на пленумах и съездах партии. Представители местной власти постоянно пополняли ряды столичной бюрократии, включая высшие их звенья: достаточно вспомнить карьеры Хрущева и Брежнева, Андропова и Горбачева.

Брежневская «стабильность» означала, среди прочего, значительное возрастание значения местных республиканских элит. «Ценой» за выражение лояльности центру стало невмешательство Москвы в дела республик. Сами местные элиты были заинтересованы в сохранении связей с Москвой — источником средств, путем к властным полномочиям в рамках Союза.

60—70-е годы — время прихода в номенклатуру ее третьего поколения. Это в большинстве своем люди с хорошим образованием, включавшим, как правило, базовое высшее в одном из институтов или университетов и второе специализированное — в Высшей партийной школе или Академии общественных наук при ЦК КПСС. Деятельность их происходит в качественно иных экономических условиях. Власть, пытавшаяся осуществлять экономическую реформу во второй половине 60-х годов, была вынуждена отказаться от нее на рубеже 60—70-х годов. Открытие нефти и газа, экспорт энергоносителей на Запад приглушили негативные тенденции в экономике. Однако уже к концу 70-х годов кризисные явления в экономике стали очевидны³. К этому следует добавить неэффективность аппарата как обратную сторону гарантiiй «стабильности кадров».

Нарастало недовольство и внутри части аппарата. В.И. Воротников, партийный чиновник, сделавший свою карьеру при Андропове и Горбачеве, писал в своих мемуарах, что «многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств, поражало равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур, видевших и молчаливо взиравших, как страна теряет темпы развития». Кроме того, нижние этажи номенклатуры раздражали привилегии высших этажей. Чиновник, утративший свой статус в номенклатуре или просто оказавшийся пенсионером, в одночасье терял многое из прежних привилегий. Тем более, нельзя было передать эти привилегии, свой статус по наследству. Доказательством «от противного» стало содержимое многих «запечатанных конвертов» при «особых папках» в архиве Политбюро⁴. Там расписывались привилегии родственникам покойных ру-

³ В 1979 г. был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Этот доклад заказал Совет Министров СССР, руководителем группы, работавшей над докладом, был заместитель председателя Совета Министров СССР академик Кириллин. В документе содержалась реалистичная картина экономического положения страны, указывалось, что неизбежно будут нарастать финансово-экономические проблемы, что промышленность нуждается в радикальном, структурном реформировании, что страна начинает безнадежно отставать в использовании передовых технологий. Доклад вызвал раздражение, недовольство. Кириллина сняли со своего поста, а сам доклад на десять с лишним лет оказался засекреченным.

⁴ «Запечатанный конверт» — это высшая категория секретности, принятая в советском партийном делопроизводстве.

ководителей партии и правительства, персональные пенсии детям и внукам, закрепление за ними права пользоваться служебными дачами, машинами «по вызову». Высочайшая секретность этих решений лишь подчеркивала политическую невозможность признать тенденцию превращения ее из номенклатуры в сословие в условиях формально декларировавшегося «бесклассового общества».

Деятельность Андропова, председателя КГБ, ставшего Генеральным секретарем ЦК, была связана с попыткой укрепить зависимость номенклатуры от источника ее власти. В политической практике СССР это означало возврат к репрессивной практике как минимум 30-летней давности. Андропов отказался подтвердить прежний принцип «стабильности кадров». Начались расследования так называемого «краснодарского», «хлопкового дела». Резко была повышена исполнительская дисциплина в гос — и партаппарате. Новый генсек санкционировал публикацию материалов негативного характера о хозяйственных преступлениях [6]. Курс высшего руководства партии по отношению к номенклатуре был полностью усвоен М.С. Горбачевым. На этот раз репрессии из сферы внутренней торговли переместились на торговлю внешнюю, обрушились на внешнеэкономические ведомства. Были произведены аресты в МИДе, Государственном комитете по экономическим связям, Министерстве внешней торговли. Арестовывали чиновников, как правило, на уровне заместителя министра [7, с. 4—5, 20]. Я не намерен рассматривать правомерность этих арестов и последовавших за ними суровых приговоров. Отмечу лишь, что предпринималась масштабная попытка восстановить репрессии как способ управления номенклатурой.

Однако репрессивная политика в ее прежней форме уже не могла быть эффективной, улучшить социально-экономическое положение в стране. В этих условиях Горбачев предпринял беспрецедентный в советской истории шаг, отказавшись от фундаментального принципа номенклатуры — зависимости от вышестоящих звеньев в аппарате. Не доверяя собственному аппарату, он попытался применить новые, политические методы, методы публичной политики для «уокорота» властных претензий номенклатуры.

В августе 1986 г. во время поездки на Дальний Восток Горбачев начал публично обвинять «среднее звено» управляемской системы страны в недостатках, в саботаже. Стиль местных организаций, по его словам, не меняется, остается консервативным [8, с. 108—109]. Вскоре, на заседании Политбюро 25 сентября 1986 г. он провозгласил лозунг «бить по штабам» [8, с. 109]. «Такие кадры нам не нужны, — говорил в запале Горбачев. — *Разрушить эту номенклатуру*» (Курсив мой — Р.П.) [9, с. 370—371].

В противостоянии номенклатуры с породившей ее властью Генерального секретаря Горбачев пошел по пути политической реформы, первым шагом которой стал январский (1987 г.) Пленум ЦК «О перестройке и кадровой политике», а последним — созыв Съезда народных депутатов СССР. Одновременно с этим в советском обществе произошел пересмотр социально-политических оснований самой политической системы. Споры об «истинном социализме», «не деформированном сталинизмом» привели к разочарованию широких слоев населения страны в социализме вообще. В обществе нарастало ожидание перемен, своего рода массовое «западничество».

Внедрение альтернативных выборов как способа заменить «консервативную часть номенклатуры» привело к совершенно иным результатам. Прежде всего, изменились отношения между высшими и низшими слоями партаппарата. На 1 января 1990 г. в партии насчитывалось 18 856 113 членов КПСС, объединенных в 433 192 первичные партийные организации. Большинство первичных организаций были невелики. 39,8% первичных организаций имели менее 15 человек; 40,1% — насчитывали от 15 до 45 человек [2, с. 16]. Прежде партия управлялась по принципам «демократического социализма» — то есть сверху вниз. Сейчас, в условиях реальных выборов, поддержку населения получали те, кто отражал интересы местного населения. Номенклатура, участвовавшая в выборах, должна была не повторять «установки центра», а говорить то, что хотели слушать избиратели. Партия из централизованной системы стремительно развалилась на республиканские (национальные), региональные, профессиональные организации.

Местная партийно-советская и хозяйственная номенклатура уже не считала выгодным для себя сохранение полной зависимости от Москвы. Да она и не могла ее сохранить, так как массовые национальные движения, проникая в партийные организации республик, оказывали политическое давление на руководство республиканских ЦК. Ирония судьбы для ленинской национальной политики состояла в том, что местные элиты, состоявшие в большинстве своем из функционеров КПСС, на практике пытались реализовать (и, как известно, не без успеха) ленинский принцип «права наций на самоопределение вплоть до отделения». Дополнительным и важным обстоятельством нараставшего сепаратизма стала невозможность в условиях экономического кризиса масштабных субвенций союзного центра в экономику союзных республик. Власть в Москве оказалась неспособной поддерживать советскую империю силой. Более того, сила не была применена даже тогда, когда в этом действительно была необходимость — на начальных этапах конфликта в Карабахе.

Сходные, неоднозначные процессы шли в России. Радикально ослабла зависимость местных властей от центра. Отныне он — не столько источник благоденствий, сколько причина неприятностей и осложнений. Начавшаяся перетряска партийного аппарата заставляла вспомнить о «волюнтаристских годах» Хрущева. В 1986—1989 гг. сменилось 82,2% секретарей райкомов и горкомов партии, 90,8% секретарей обкомов, крайкомов и республиканских партийных организаций [2, с. 18, 20]. Как правило, это уже не оборачивалось трагедией для отставленных чиновников. На глазах формировалась новая, независимая от центра власть — денежная, где этим людям было уготовано свое место. В мае 1988 г. был принят закон «О кооперации». Его результатом стало возникновение системы коммерческих банков. В ряде случаев инициаторами их создания были непосредственно партийные органы, начался процесс акционирования государственной и партийной собственности. ЦК КПСС и его Управление делами было завалено просьбами обкомов акционировать типографии и помещения Высших партийных школ, издательства и автохозяйства. Шел массовый, по всей стране сброс партийных средств в коммерческие банки. «Новые русские» в сильной мере формировались за счет старой номенклатуры. Впредь они уже не зависели от решений секретариата ЦК КПСС.

Кризис номенклатуры стал частью общего кризиса советско-партийной системы. Он подготовил ослабление, а позже и разрушение КПСС. В свою очередь,

номенклатура — в значительной своей массе — смогла «разменять» политическое влияние на новый социально-экономический статус, завершила сложный и противоречивый процесс превращения ее из профессиональной группы в сословие.

Начало возрождения парламентских процедур. Съезд народных депутатов СССР, собранный в мае 1989 г., а вслед за ним — Съезд народных депутатов РСФСР и образованный им Верховный Совет ответственно отнеслись к своей роли органа законодательной власти парламентского типа. С другой стороны, утверждение полновластия Съезда народных депутатов, когда он вправе решать все вопросы, относящиеся к ведению РСФСР, и наделяется вместе с Верховным Советом рядом исполнительских функций, отличало эти органы представительной власти от классического парламента [10, с. 50]. Так закладывалось фундаментальное противоречие в деятельности новой представительной власти в России.

Сам Верховный Совет — и союзный, и российский, — действовавшие по Конституциям 1936 и 1977 г., носили отчасти декоративный характер. Депутаты приезжали только на короткие сессии Верховных Советов. Основное время — между сессиями — работал Президиум, правовой статус которого в Конституции формально не был определен. Тем не менее, в 1938 г. он получил право объявлять военное положение, принимать в гражданство СССР и разрешать выход из него, в 1948 г. — право денонсировать международные договоры. В вопросах государственного строительства он устанавливал систему и компетенцию центральных органов управления народным хозяйством и социально-культурным строительством, образовывал и ликвидировал министерства и ведомства, издавал указы законодательного характера.

В результате среди законов, принимавшихся на сессиях Верховного Совета СССР, стали количественно преобладать законы об утверждении указов Президиума [10, с. 205—206]. По существу, происходило перераспределение полномочий — от избранных депутатов к чиновникам, работавшим в аппарате Президиума.

Уже на начальных этапах съезда среди депутатов появились люди, стремившиеся упорядочить процедурные вопросы. Явными лидерами депутатского корпуса стали ученые — В.Б. Исаков, С.Н. Бабурин, С.М. Шахрай. Отметим, что, например, предложения Исакова о проекте повестки съезда стали основополагающими для дальнейшей его работы.

Во время первого съезда началось «политическое структурирование» депутатов, появлялись депутатские группы. Среди них — «Коммунисты России», фракция, существовавшая с начала работы съезда, хотя официально зарегистрированная только 21 мая, близкий ей «Рабоче-крестьянский союз», очень активная группа «Смена», располагавшаяся в политическом спектре, аналогичном «Демократической России», собственно «Демократическая Россия», члены фракции которой настаивали на необходимости политического и экономического реформирования страны, а также ряд групп, образованных по профессиональному признаку и составлявших своего рода парламентское «болото» — «независимые профсоюзы РСФСР», «группа медицинских работников», «группа по вопросам воспитания, образования и культуры», «группа продовольствия и здоровья», «группа депутатов — военнослужащих», «группа «Север», «Чернобыль», «автономии России», группа беспартийных депутатов [11].

Важным компонентом законодательной деятельности стал Верховный Совет (председатель — Б.Н. Ельцин, первый заместитель — Р.И. Хасбулатов, заместители — С.П. Горячева и Б.М. Исаев). В составе его были две палаты — Совет Федерации (председатель — В.Б. Исаков, заместитель — А.А. Вешняков) и Совет Национальностей (председатель — Р.Г. Абдулатипов, заместитель — В.Г. Сыроватко). Деятельность Верховного Совета носила открытый, публичный характер, часть заседаний транслировалась по телевидению, стенограммы заседаний регулярно публиковались в «Советской России» и позже — в «Российской газете».

Важно отметить, что уже на одном из своих первых заседаний Верховный Совет принял Временные правила представления в Верховный Совет РСФСР и рассмотрения в его комитетах и постоянных комиссиях его палат проектов законов РСФСР и предложений о принятии законов. Эти Временные правила были подписаны Председателем Верховного Совета 13 июля 1990 года. В них «прописывалась» процедура работы над законами. Предусматривалось, что проекты законов и предложения об их принятии могут представляться в Верховный Совет РСФСР «органами и лицами, обладающими в соответствии с Конституцией РСФСР правом законодательной инициативы». Верховный совет и сам мог разрабатывать проекты законов. Именно Президиум Верховного Совета РСФСР должен был вносить на рассмотрение Верховного Совета РСФСР вопрос о включении в повестку дня сессии проекта закона РСФСР или предложения о принятии закона РСФСР.

О деятельности Президиума Верховного Совета РСФСР в период с мая 1990 г. по декабрь 1991 г. известно мало. Прежний Президиум Верховного Совета с его чрезвычайно широкими полномочиями был скомпрометирован в глазах значительной части депутатского корпуса. Уже на первом съезде возник вопрос о том, нужен ли вообще Президиум Верховного Совета. Б.Н. Ельцин, избранный Председателем Верховного Совета РСФСР, выразил сомнение в целесообразности существования Президиума Верховного Совета.

Однако эта точка зрения не получила поддержки на съезде. Уже в постановлении Съезда народных депутатов РСФСР от 22 июня 1990 г. «О высшем экономическом совете Республики» было предусмотрено создать этот орган именно при Президиуме Верховного Совета РСФСР.

Президиум должен был собираться раз в месяц, в первый понедельник, в 9 часов утра [12]. В действительности он собирался гораздо чаще, не реже двух раз в месяц, в том числе и во время заседаний Верховного Совета. Очевидно, что Ельцин первоначально был намерен ограничить функции Президиума по преимуществу организационно-техническими вопросами, а крупные, сущностные вопросы деятельности Верховного Совета должны были обсуждаться только на его заседаниях. Примечательно, что вскоре после начала второго заседания Президиума один из членов Президиума В.А. Югин заявил, не пытаясь скрыть раздражения:

«У меня такое ощущение, что мы собирались бумажки перекладывать... У нас очень важный вопрос, который мы должны рассмотреть.

— Ельцин Б.Н. А какой важный вопрос?

— Югин В.А. По структуре будущей, по работе аппарата.

— Ельцин Б.Н. Нет, сегодня не имелось в виду его рассматривать. Это мы будем рассматривать в Верховном Совете, а не на Президиуме» [13].

Следует отметить, что нами не выявлены факты оформления документов «вкруговую»: предварительного согласования документа всеми членами Президиума без созыва специального совещания и последующего подписания «первым лицом». Эта практика, вполне обычная в партийном делопроизводстве, в тот период не применялась.

Президиум намечал порядок рассмотрения законопроектов, степень их готовности. По его мнению, к числу не терпящих отлагательства, относились законы: о собственности, о земле, о предприятии и предпринимательской деятельности, о налоговой системе, о финансово-кредитной системе, о внешнеэкономической деятельности.

В законодательной деятельности переплетались все более устойчивая процедура подготовки законов и политическая мотивация, далеко не всегда укладывавшаяся в утвержденные и тщательно обсужденные долгосрочные планы законодательной деятельности. Это противоречие — типичное для законодателей любого парламента — стало и характеристикой российского Верховного Совета. Однако была существенная специфика. Возможность Советов всех уровней решать вопросы, относящиеся к компетенции исполнительной власти, — при легитимной (!) возможности едва ли не «с голоса» изменять на Съезде народных депутатов текст Конституции — превращала Советы во главе со Съездом в поистине всевластный орган не только представительной власти, но и власти исполнительной и отчасти судебной.

Неразделенность власти как источник конфликта. Президент или Советы: кто кого. Характерным признаком политico-конституционного кризиса и в СССР в последние годы его истории, и в Российской Федерации в 1991—1993 гг. стал спор о власти. Основанием для этого конфликта стало противоречие между лозунгом «Вся власть Советам», определявшим ход политического развития страны в конце 80-х годов, и стремлением закрепить принцип «разделения властей», усилившимся после введения постов Президентов СССР и РСФСР и избрания Б.Н. Ельцина Президентом Российской Федерации. Выход из этого противоречия был в принятии новой Конституции. Но политическая цена ее была слишком высока — отказ от советской формы организации государства, казавшейся незыблевой для большинства участников политической жизни в стране.

Внутри Верховного Совета стала формироваться открытая и радикальная оппозиция Президенту, которая начала применять не только «парламентские» методы борьбы, но и призывала к формам прямого неповиновения власти. 24 октября 1992 г. состоялся учредительный конгресс Фронта национального спасения (ФНС) (депутаты С. Бабурин, Н. Павлов, В. Исаков, генералы А. Макашов и А. Стерлигов, лидер компартии Г. Зюганов и ряд других), ставшего «ударной силой» оппозиции.

Первая открытая схватка за власть между Советами в лице Съезда народных депутатов и Президентом произошла на очередном, 7-ом Съезде в декабре 1992 г. Хасбулатов вынес на Съезд новые поправки к Конституции. Согласно им, Правительство должно было быть подчинено Съезду, затем — Верховному Совету и лишь потом — Президенту. Съезд получал право утверждать не только председателя Правительства, но и всех его заместителей, силовых и ключевых министров [14, с. 206—207]. Исполнительная власть оказывалась под полным контролем Советов.

Президент, выступив на Съезде 4 декабря 1992 г., попытался переломить ситуацию. Но на этот раз не удалось. Депутаты пошли не за Ельциным, а за Хасбулатовым.

В работу Съезда вмешался председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин. В обстановке стремительно нараставшего конфликта он взял на себя роль посредника между Хасбулатовым и Ельциным. 11—12 декабря при участии Зорькина состоялись переговоры между Ельциным и Хасбулатовым. Итогом этих переговоров стал согласительный документ «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации». Согласно этим договоренностям, на очередной Съезд — но не позднее 11 апреля 1993 г. — выносился проект новой Конституции. Съезд должен был отказаться от только что принятых поправок к Конституции, ставивших Правительство под контроль Съезда, а Ельцин удовлетворил бы большинство депутатов, отправив в отставку Гайдара. Новым премьер-министром 15 декабря 1992 г. назначался В.С. Черномырдин.

Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов смог привлечь на свою сторону руководителей местных Советов. Накануне открытия 8-го Съезда, 6 марта 1993 г. было опубликовано заявление 73 руководителей Советов субъектов Федерации, фактически обвинивших Президента в попытке нарушить Конституцию. Обращаясь к депутатам Съезда, они заявляли: «Экономическое и социальное положение России продолжает ухудшаться, финансы расстроены, страну захлестнула преступность, растут обнищание и массовое недовольство людей». Руководители Советов угрожали, что «немедленно используют все законные способы для пресечения любых попыток нарушения Конституции Российской Федерации, от кого бы они ни исходили» [15, с. 266—267].

8-й Съезд шел по прописям Хасбулатова. Докладчик — Н.Г. Рябов — заместитель председателя Верховного Совета, объявил, что договоренности, достигнутые на 7-м Съезде в декабре 1992 г. были ошибкой; что уступки, сделанные Президенту, были нарушением Конституции, что референдум не нужен. Депутаты поддержали предложения Верховного Совета. На Съезде по существу произошел конституционный переворот: в Конституцию были включены поправки, подготовленные еще 7-м Съездом. Согласно этим поправкам, Правительство должно было быть подчинено Съезду и Верховному Совету. Главная задача антиельцинской оппозиции заключалась в том, чтобы не допустить проведения референдума и отменить декабрьское постановление о соглашении, достигнутом на VII съезде [16, с. 294]. Важнейшим политическим итогом этого Съезда стало реальное подчинение всех ветвей власти в России Съезду и Верховному Совету. «Русским политическим феноменом» стало то, что кризис приобрел не конституционный характер, так как не было стабильного текста Конституции и, следовательно, не могло быть конституционного организованного политического процесса по разрешению кризиса. Кризис превращался в структурно-политический. Его признаками становились попытки борющихся политических сил найти «островки легитимности». Сам факт выборов не являлся в данном случае серьезным аргументом — и Президент, и депутаты были избраны и равны в правах, хотя Президентская сторона всячески подчеркивала общенародный характер Президентских выборов. В поисках легитимности Верховный Совет и Съезд апеллировали к Конституции. Формально эта аргументация была безкоризненной. На стороне Съезда был и закон, и обычай, прецедент, проявившийся в со-

бытиях августа 1991 г., когда подавление путча шло под лозунгами восстановления попранных путчистами конституционных норм.

20 марта 1993 г. Президент выступил по телевидению, взывая к воле народов России как высшему аргументу. Инструментом выявления воли народов, по его мнению, должен был стать референдум. Именно референдум ответил бы на вопросы: должна ли Россия стать Президентской республикой? Должен ли сохраниться советский строй? Именно на референдуме общенародно должна была быть утверждена и новая Конституция. Так как Верховный Совет фактически отказался сотрудничать с Президентом в деле подготовки новой Конституции (хотя именно Президент был председателем Конституционной комиссии), эту работу выполняло бы Конституционное совещание, созванное по инициативе Президента.

Отмечу и еще одну, специфически российскую черту этого конфликта: он был, по большому счету внепартийным или, точнее, надпартийным. Своего рода маргинализация политического процесса воздействовала и на субъектов политического процесса, и на формы его разрешения. Политические партии играли в этом конфликте явно подчиненную роль. Раскол политически активных слоев российского общества прошел по линии отношения к Президенту и Верховному Совету. У каждой из этих сил были свои сторонники.

Не успела отзвучать в эфире телевидения запись выступления Президента, как на экранах появились председатель Конституционного суда Зорькин, первый вице-спикер Верховного Совета Воронин, генеральный прокурор Степанков и вице-президент Руцкой. Они публично осудили как антиконституционное заявление и Указ Президента, обвинили его в совершении государственного переворота. Уже на следующий день, 21 марта 1993 г. Президиум Верховного Совета постановил созвать заседание Верховного Совета и принял Обращение «К гражданам Российской Федерации», направив его субъектам Федерации. В тот же день собрался Верховный Совет и оценил Обращение Президента к гражданам России как покушение на конституционные основы Российской государственности, постановил обратиться в соответствии со статьей 74 Закона Российской Федерации «О Конституционном суде РСФСР» в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности действий Президента в связи с его Обращением от 20 марта 1993 г., а также к Генеральному прокурору России с предложением рассмотреть вопрос об ответственности всех должностных лиц, принимавших участие в подготовке Обращения Президента Российской Федерации. Тогда же было принято решение о срочном созыве внеочередного — 9-го Съезда народных депутатов. Конституционный суд уже 22 марта 1993 г. рассмотрел Обращение Президента к гражданам России 20 марта 1993 г. и признал его неконституционным по многим пунктам⁵.

26 марта 1993 г. начал свою работу 9-й Съезд. Его главной целью стала отставка Президента на основании обвинения в совершении государственного переворота. Главным действующим лицом для предъявления обвинений и запуска процедуры импичмента становился председатель Конституционного суда [17, с. 109]. Попытки Ельцина пойти на частичные уступки, внести изменения в состав Правительства, в социально-экономическую политику при сохранении главного требова-

⁵ Хитрость президентской команды состояла в том, что Указ Президента, «озвученный» 20 марта, был опубликован только 24 марта 1993 г. Ряд пунктов, осужденных Конституционным судом, просто отсутствовала (была сознательно убрана) из окончательного текста Указа.

ния — проведение референдума — только усилили сопротивление оппозиционно настроенных депутатов. Для того, чтобы отправить Президента в отставку, требовалось собрать голоса $\frac{3}{4}$ депутатов Съезда. Кульминацией Съезда стали подготовка и проведение тайного голосования по вопросу об отрешении от должности Президента и о доверии Председателю Верховного Совета поздним вечером 28 марта 1993 г. Телевидение транслировало обсуждение на Съезде, демонстрировало подготовку кабин к голосованию, нагнеталось ожидание голосования и его итогов... Президент, не будучи уверен в благополучном исходе этой процедуры, был готов применить крайние меры. Начальник его службы безопасности А.В. Коржаков написал позже в своих мемуарах, что были подготовлены такие меры (силовой разгон Съезда или арест — блокирование депутатов).

После подведения итогов голосования выяснилось, что против Ельцина, за его отрешение от власти проголосовали 617 депутатов. Противники Ельцина недобрали около 30 голосов. Ельцин остался Президентом. Против Хасбулатова проголосовали 268 депутатов. Хасбулатов остался Председателем Верховного Совета. Работа 9-го Съезда продолжилась.

Съезд был вынужден согласиться на проведение референдума о доверии Президенту, его политике, а также Верховному Совету. 25 апреля 1993 г. состоялся референдум. Его результаты стали неожиданными для всех. В голосовании приняли участие 69 млн. человек, или 64,2% от имевших право голоса. Политической сенсацией стала не только поддержка Президента, но и одобрение его социально-экономического курса. По итогам референдума, доверили Президенту 58,7%, не доверили — 39,2%; одобряли социально-экономическую политику Президента и правительства 53%, не одобряли — 44,6%; считали необходимым досрочные выборы Президента 31,7%; досрочные выборы народных депутатов — 43,1% избирателей, принявших участие в референдуме.

Однако политического перелома и успокоения этот референдум не принес. Президент и его сторонники оценивали его итоги как безусловную свою победу и свидетельство поддержки курса Президента гражданами страны [15, с. 329]. Их политические противники — лидеры Верховного Совета — утверждали, что итоги референдума не имеют смысла так как «конституционного большинства» президент на референдуме не получил, и поэтому все конституционные изменения могут осуществляться только через Съезд.

Тем временем политическая оппозиция решила использовать внепарламентские формы борьбы. 1 мая 1993 г. состоялась многочисленная демонстрация под антипрезидентскими лозунгами. Ее участники под красными знаменами начали жестокую драку с милицией, спровоцированную организаторами демонстрации. На Ленинском проспекте Москвы, на площади Гагарина начались жестокие стычки с милицией. Было много раненых, горели милиционерские машины. События 1 мая 1993 г. объективно стали репетицией применения силовых действий: для Верховного Совета — путем использования своих сторонников в качестве инструмента непарламентского давления на власть, для власти — необходимости применять милицию, силовые структуры для подавления политических противников.

Стремясь устраниТЬ Съезд и Верховный Совет от процедуры принятия новой Конституции, Президент издал 29 мая 1993 г. Указ о созыве конституционного

совещания для выработки окончательного варианта Конституции. Участники Конституционного совещания — это члены Конституционной комиссии Верховного Совета, представители от каждой депутатской фракции, 50 представителей, назначенных Президентом и Правительством, представители органов власти субъектов Федерации, а также 250 представителей местного самоуправления, политических партий, религиозных конфессий, профсоюзов и т.д. Обозначилась тенденция сделать Конституционное совещание управляемым со стороны Президента. Президент и не скрывал этого. На выступлении в Кремле перед Советом глав администраций краев, областей, автономных образований 28 мая 1993 г. Президент объявил, что «в июне работа над проектом новой Конституции вступит в финальную fazу». По его словам, «регламент Конституционного совещания будет жестко определен распоряжением Президента, оно не должно превратиться в подобие Съезда или в политические дебаты» [18, с. 423—424].

Уже на следующий день — 29 мая — в «Советской России» Хасбулатов попытался парировать: «Демократия и представительная власть — это практически синонимы». Он угрожал: «Если будет накаляться обстановка, неизбежно начнется распад Российской Федерации, ее «балканизация» [18, с. 424—425].

24 июля состоялся 2-й конгресс Фронта национального спасения, уже проявивший себя в ходе майских беспорядков. Верховный Совет приостановил многие Указы Президента, остановил законодательные инициативы правительства. Обстановка в стране стремительно осложнялась. Ни одна из сторон не могла ни принять, ни сохранить Конституцию. Конституционный кризис все больше приобретал характер острого политического конфликта.

В 20 часов 21 сентября 1993 г. на телевидении стали транслировать записанное заранее Обращение Президента, где сообщалось, что он издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В Указе сообщалось, что в стране сложилась «политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны», что Верховный Совет противодействует проведению реформ в стране, что не учитывается воля граждан страны, выраженная ими на референдуме 25 апреля 1993 г. Съезд и Верховный Совет обвинялись в том, что они «предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, даже и судебную функции», в том, что «конституционная реформа в Российской Федерации практически свернута».

Президентский Указ предписывал:

— конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии;

— ввести в действие Положение «О выборах депутатов Государственной Думы», разработанное народными депутатами Российской Федерации и Конституционным совещанием;

— провести в соответствии с указанным Положением выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации;

— назначить выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на 11—12 декабря 1993 года.

В Указе также сообщалось, что «заседания Съезда народных депутатов ... не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются». Исключение делалось только для тех депутатов, которые входили в состав Конституционной комиссии. Им разрешалось и далее продолжать работу в составе Комиссий. Конституционному суду предлагалось не собирать свои заседания до начала работы двухпалатного Федерального собрания. Этот Указ, нарушавший тогдашнюю Конституцию, немедленно вызвал отпор со стороны Верховного Совета и Съезда. Президент был обвинен в совершении государственного переворота, решением Конституционного Суда и Верховного Совета Ельцин был отрешен от должности и исполняющим обязанности Президента был утвержден Руцкой. Верховный Совет стал формировать свое правительство, попытался подчинить себе силовые структуры страны. Стало складываться двоевластие.

2 октября, в субботу, в центре Москвы начались беспорядки, ожесточенные столкновения сторонников Верховного Совета с милицией. Против милиционеров были применены металлические палки, в них летели бутылки с бензином. Из газосварочного аппарата было сделано подобие огнемета, который применили против милиции. Милиция отвечала дубинками, пластиковыми и боевыми пульями. 3 октября многотысячная колонна сторонников Верховного Совета смяла заграждения вокруг «Белого дома», захватила здание мэрии на Новом Арбате, разогнала милицейские кордоны. Вечером того же дня была предпринята попытка захвата телекомпании в Останкино, однако войска, охранявшие здание, ответили шквальным огнем на поражение. Утром 4 октября танковая рота на глазах всей страны и мира расстреляла здание Верховного Совета.

«Силовое разрешение» конституционного кризиса стало своего рода завершающим символом советской эпохи, политического строя, исходившего из принципиальной неделимости представительной и исполнительной властей. Начавшаяся с выстрелов крейсера «Аврора» по зданию Зимнего дворца и с разгона Учредительного Собрания, советская эпоха завершилась штурмом последней цитадели Советов — Белого дома.

В декабре 1993 г. на референдуме была принята новая Конституция России, проведены выборы в Федеральное собрание. Стала складываться новая система организации власти.

Исторический опыт эволюции политической системы в России в XX в. привел к восстановлению принципа разделения властей. Другое дело, что за этот опыт стране пришлось дорого заплатить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее о репрессиях послевоенного времени см.: Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000.
2. Здесь и выше цит. по: Материалы делегатов XXVIII съезда КПСС. М., 1990.
3. См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987.
4. Список абонентов правительственный автоматической телефонной станции АТС-1 на 1 июня 1991 г. (М., 1991).

5. Список абонентов автоматических междугородних телефонных станций правительства междугородной связи республик, краев и областей. 1 февраля 1990 г. (М., 1990).
6. ЦХСД, № Ст-133 / 11гс. Выписка из протокола № 133 заседания секретариата ЦК КПСС от 23 ноября 1983 г. «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торга «Гастроном» Главного управления торговли Мосгорисполкома».
7. См., например: *Сушкин В.* Заключенный по кличке «министр». М., 1995.
8. *Воротников В.И.* А было это так.... М., 2003.
9. АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро. 1988 г.
10. См.: *Лазарев Б.М.* «Разделение властей» и опыт советского государства // *Коммунист*. 1988, № 16.
11. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 4. Л. 82; Д. 5. Л. 4—5. Д. 7. Л. 95.
12. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1247. Л. 3.
13. Там же. Л. 8—9.
14. *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 206—207.
15. *Исаков В.* Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997.
16. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001.
17. *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. Т. 1.
18. Ельцин—Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

Формы и методы политической трансформации в России

Политическая жизнь современной России представляет особенные формы реализации интересов государства, политических партий и объединений, классов, наций, социальных групп, добровольных организаций, а также самих людей по осознанному или стихийному использованию существующих властных отношений. Разобраться и дать объективную научно-обоснованную интерпретацию происходящих политических процессов — того, что происходит и что получается в результате осуществляемых преобразований — достаточно сложно. Мы обратим внимание на попытки анализировать политическую жизнь, исходя не из неких предлагаемых правовых или логических схем, а из *тех реальных тенденций*, которые объективно в ней складываются и характеризуют важнейшие направления развития российского общества.

Рассмотрим структуру и деятельность правящего субъекта с помощью типологии, основанной на оценке характера и качества власти, на степени соучастия населения в ее осуществлении, на полноте представительства интересов самых различных социальных групп. Это очень продуктивный подход, который позволяет выявить сущность и специфику политической трансформации России, а значит раскрыть содержание и качественные характеристики ее политического режима [1]. Исходя из этого, определим тенденции, которые имели и/или имеют реальное проявление и нашли отражение в современной российской действительности.

Демократическая тенденция

Теоретически эта тенденция связана с осуществлением народом властных полномочий, с развитием навыков самоуправления, направлена на регулярный учет потребностей и интересов народа. Политическая власть, в свою очередь, нацелена на постоянный поиск взаимодействия с народом, строит свою тактику на неудовлетворенности достигнутым и на стремлении постоянно учитывать новые потребности времени. Этим требованиям отвечает такая форма политического управления, как демократия, которая, по словам У. Черчилля, является весьма несовершенной формой правления, но лучше которой человечество еще ничего не придумало.

Демократия, которая функционирует в рамках гражданского общества и правового государства, воплощается в универсальных процедурах, связанных: 1) с избранием законодательных органов народом; 2) со всеобщим избирательным правом; 3) со свободным волеизъявлением; 4) с правом большинства ограничивать (но не отменять) права меньшинства; 5) с доверием народа органам власти; 6) с общественным контролем над государством и т.д. (В данной интерпретации мы применяем современное понимание демократии, в отличие от Аристотеля, который характеризовал демократию как стихийную форму реализации власти) [2].

Однако на нынешнем этапе развития политической жизни России реализуется скорее предложенная Дж. Шумпетером «процессуальная» концепция демократии как *«институциональной организации для достижения политических решений, с помощью которой индивиды приобретают посредством конкурентной борьбы за голоса народа власть принимать решения»*. Главными в демократии оказываются, таким образом, власть имущие, а политическая роль народа в основном сводится к участию в выборе своих представителей и к некоторому контролю над ними. С этой точки зрения существует принципиальное сходство между западными элитистскими и российскими теориями демократии и их разновидностями. Одни из них, опираясь на материал эмпирических исследований политического сознания и поведения людей, обычно подчеркивают консерватизм, склонность к авторитаризму, ограниченные способности людей к рациональному пониманию. Им противопоставляются политические лидеры, элита, обладающие особыми качествами, делающими их приверженцами и защитниками демократических институтов и норм. Поэтому демократии по этой логике, находящей определенное подтверждение в реальности, важно обеспечить некоторую автономию избранных политических лидеров, оградить их от чрезмерного давления и необоснованных требований со стороны граждан. Эти взгляды в значительной степени разделяют и пытаются реализовать в своей политической жизни радикальные демократы в России, явно или скрыто стремящиеся ограничить доступ к власти «черни» как неразумной и разрушительной силы. В этой ситуации, по их мнению, власть должна находиться в руках «знающих и умеющих» осуществить политические преобразования [3]. Однако наиболее дальновидные из них, увидев противоречивость и неоднозначность попыток практической реализации демократических принципов в России, пытаются найти выход из весьма противоречивого положения, предлагая некие экстравагантные теории вроде *либеральной империи Чубайса*.

Сторонники плюрализма в качестве необходимых для российской демократии условий называют наличие и деятельность многообразных заинтересованных групп, которые выступают посредниками между индивидами и государством. В такой ситуации государственные лидеры выполняют преимущественно функции арбитра, призванного через систему сдержек и противовесов (как это было в политике Ельцина) сохранять равновесие соперничающих групп и примирять их интересы путем обеспечения им равного доступа к принятию решений и выработке политической линии. Однако и в этом случае подчеркивается особая роль в этом конкурентном процессе политического истеблишмента: он не должен быть единым (монолитным) и открытым для влияния снизу. Именно в этой плоскости может быть расценена попытка партии «Единая Россия» вложить в себе все политические ас-

пекты — от правых до левых, устранив конкурентов на политическом пространстве России и тем самым монополизировать претензию на власть. Все это дает серьезное основание сделать следующий вывод: «...в современной теории демократии решающим является участие меньшинства — элиты, а не участие апатичного рядового человека, испытывающего чувство политического бессилия, рассматривается в качестве главного бастиона против нестабильности» [4]. При этом наряду с политической элитой, под которой понимаются люди, имеющие высшую верховную власть или капитал, понятие «элита» стало использоваться чрезмерно широко. Появилась даже местная элита. По этой логике начальник ЖЭКа тоже элита?

Вместе с тем, под влиянием молодежного и студенческого движения 1960-х годов, а также теоретиков «новых левых» осуществляются попытки реализовать концепцию «демократии участия» (или партиципаторной демократии). Этим уже изначально определяется ее леволиберальная или социал-демократическая направленность. Критикуя представительную демократию как фактически элитистскую, «новые левые» настаивают на неотъемлемом праве граждан участвовать, в том числе на самоуправленческих началах, не только в «символической политике», но и в фактическом принятии решений в политической и других сферах общества. Рост интереса к политическому участию в российском обществе связан с усложнением социально-экономической жизни, с неудовлетворенностью неотложных интересов и требований, что особенно наглядно проявилось в акциях против монетаризации льгот и предстоящей реформы жилищно-коммунальной сферы, народного образования и здравоохранения. Тем более, что прошедшие преобразования не прошли бесследно: все более значимым для личности становится чувство самоуважения, возможность реализации своих этических и интеллектуальных способностей, в защите своих гражданских прав и свобод, своего человеческого достоинства [5].

Сторонники «демократии участия» выдвинули требование разрушить барьеры между рядовым гражданином и избранным депутатом, должностным лицом, политическим лидером. Это возможно, по их мнению, путем децентрализации процесса принятия решений и прямого вовлечения в этот процесс рядового гражданина. Наиболее радикальные из них, солидаризируясь по существу с идеями анархизма, считают, что необходимо ликвидировать представительство как политический принцип и институт, создав самоуправленческие общности (общины), в которых каждый индивид получает возможность прямого, безотлагательного и равного участия в решении всех вопросов жизни этих общностей и объединяющего их национального сообщества. Однако большинство сторонников «демократии участия» выступают за сочетание прямой и представительной формы демократии. Возможности прямой демократии ограничиваются в основном сферой местного управления и в какой-то мере производственной демократии.

В современной России проблемы демократии стали предметом большого и противоречивого интереса. Самая общая характеристика состояния и тенденций развития демократии состоит в том, что представления о ней конца 1980-х годов явились тогда одним из мощных средств, приведших к отторжению советского строя, к отказу от его поддержки и защиты. Именно в конце 1980-х — начале 1990-х годов демократия в политическом сознании людей олицетворяла самое лучшее, самое передовое, более того, самую желанную форму политической власти, с

которой были связаны надежды и светлые ожидания. Под влиянием экономических, политических и социальных реалий оценки демократии в середине и второй половине 1990-х годов стали резко ухудшаться, ибо значительная часть населения разочаровалась, отвергла реальность российской демократии как формы политического существования российского общества и государства. В результате слово «демократия» для многих людей приобрело отрицательный, даже оскорбительный оттенок.

Таким образом, тенденция демократического устройства России оказалась весьма противоречивой и даже в значительной степени ущербной, ибо наряду с реализацией некоторых демократических завоеваний (свобода передвижения, свобода получения информации) российская модель демократии слабо учитывает интересы народа, особенно его малозащищенных слоев. Власть все больше сосредотачивается в руках группы лиц или небольших социальных групп, среди которых огромную роль играли и продолжают играть олигархические и обслуживающие их группы людей.

Олигархическая составляющая политических процессов

Прежде всего, стоит напомнить, что олигархия как форма власти имеет несколько значений: 1) обладание политической властью обособленной группой, преследующей корпоративные цели, для реализации которых она использует государственные механизмы управления; 2) безраздельное господство сложившейся группы лиц для достижения целей в некоторых сферах жизни общества (финансовая, политическая олигархия); 3) символ власти корыстной группы лиц, что в античности отождествлялось с понятием «тимократия» (Платон).

Политическая, финансовая и другие виды олигархии отчетливо стали проявлять себя в жизни постсоветской России с середины 1990-х годов. Анализ политической жизни России показывает, что в это время произошло резкое усиление власти олигархов в обмен на их поддержку, которая обеспечила избрание Ельцина на второй президентский срок. Они стали диктовать решение практически всех основных вопросов жизни общества и весьма преуспели в этом. Назначение и избрание на высшие политические посты происходило с их согласия. Законы принимались с их благословения. Например, они добились, что в Уголовном кодексе РФ была изъята статья о конфискации имущества. С их ведома захватывались лакомые куски государственной собственности. Именно это беспрецедентное вмешательство в политику власти и привело к такому российскому феномену как «семибанкирщина» (аналогия с исторической ситуацией в России в XXVIII веке, когда господствовала семибоярщина), что означало полное подчинение капиталу всех общественных преобразований в России. При этом *полностью игнорировались интересы народа, хотя в политике формально провозглашался их учёт*. Иначе говоря, реальная практика демонстрировала, что политический режим воплощает олигархическую и плутократическую формы власти.

Основными характеристиками российской олигархии стали: осуществление небольшой группой (социальным слоем) политического и экономического господства в обществе, высокая степень проявления групповщины, протекционизма, прямое или косвенное воспрепятствование выборам властных органов и замена их

назначениями (в крайнем случае, выборы осуществляются в рамках самой группы), формирование монопольных прав и полномочий, принадлежащих только этой социальной группе, спонсирование, приватизация государственного аппарата [6].

Структура олигархического правления представляет собой достаточно сложное, глубоко эшелонированное образование, включающее замкнутую систему взаимосвязанных и взаимообеспечивающих средств и форм поддержания и закрепления политического и/или экономического господства. *Во-первых*, это финансовое обеспечение в форме промышленных монополий, мощных банков, владельцев огромной частной собственности. *Во-вторых*, это создание вертикалей властных полномочий, которые реализуются через экономический блок, с постоянным стремлением подчинить функционирование народного хозяйства интересам представителей только своего социального слоя. *В-третьих*, это выработка идеологии господства олигархических групп, обеспечивающей пропагандистское оправдание и внедрение в общественное сознание идеи легитимности действий данной группы, обычно средствами манипуляции (осуществляется через подчинение всех основных СМИ тем или иным олигархическим группам). Для этой цели существуют объединенные общностью целей стратегические и тактические идеологии. *В-четвертых*, попытки создания политической партии для реализации идеологических устремлений и амбиций данной социальной группы. *В-пятых*, научное обеспечение олигархическими группами своих притязаний, покупка как прямых исполнителей их воли, так и «носителей влияния» из числа деятелей отечественной, а иногда и зарубежной науки, искусства, литературы. *И наконец*, структура олигархии не исключает возможности подчинения себе силового блока политической системы для обеспечения своей устойчивости и предотвращения социальных потрясений своих «империй».

Олигархия как в древние времена, так и в современных российских условиях таит в себе пороки, которые неизбежно приводят к смене подобных режимов. Однако эта смена происходит либо насильственными методами, всегда чреватыми значительными кровавыми последствиями, либо относительно спокойными методами, но обязательно влекущими за собой огромный социальный и экономический урон для жизни большинства населения. Поэтому для политической практики рациональнее предотвращение прихода в реальной власти олигархических сил, чем устранение их господства. В мировой практике для этого применяется достаточно апробированный и оправдавший себя набор средств: антимонопольное законодательство, ограничение и запрещение экстремистских политических сил, деполитизация вооруженных сил, ограничение методов манипуляции общественным сознанием [7].

Об олигархических характеристиках российского политического строя много пишется в современной научной и публицистической литературе. В большинстве материалов подчеркиваются амбициозные планы российской олигархии, ее стремление к экспансионизму, монополизму, безраздельному подчинению политических институтов их интересам. В этом смысле они готовы сами стать у политического руля и создать особую форму политического устройства, при которой властные функции исполняет группа ее ставленников, получившая название *плутократии*. Именно эти претензии вынудили политическую власть предпринять меры против

чрезмерного влияния олигархов на власть: переход к «равноудаленности» олигархов, отстранение ряда олигархов от СМИ (дело Гусинского), от власти (дело Березовского), некоторые правоохранительные акции вроде дела ЮКОСа. Однако влияние олигархических групп продолжает оставаться высоким, и говорить, что эта тенденция в политической жизни России уже преодолена, преждевременно.

Этнократизация политической власти

В политической жизни России в 1990-х — начале 2000-х годов можно заявил о себе этнический фактор, который многие назвали новым этническим ренессансом. Вкупе с претензией на власть, он породил такую форму участия в политической жизни, как этнократия — политическая власть, при которой управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами осуществляется с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб интересам других наций, народностей и национальностей. Суть этнократии заключается в игнорировании прав национальных (этнических) групп других народов при решении принципиальных вопросов общественной жизни, когда реализуется одностороннее представительство интересов господствующей нации, а не интересы человека, социальных групп независимо от этнического происхождения, религиозной и классовой принадлежности.

Каковы же лики этнократических тенденций, существующих на постсоветском и российском пространстве, и в чем их опасность?

Во-первых, по прежнему в той или иной мере давлеет желание многих национальных лидеров иметь обособленную форму государственного устройства и особые политические права для «своего» народа. В постсоветской России было допущено принятие решений, которые мобилизовали амбиции этнических и националистических сил. Это проявилось в создании республик, образование которых не было вызвано объективной необходимостью и целесообразностью (как, например, республика Ингушетия). Областные автономии перевелись в ранг республик при очень ограниченной численности коренного населения (Хакасия, Адыгея, Карачаево-Черкессия, Алтай). Сюда же можно отнести получение полномочий (политических и экономических) рядом республик сверх того, что записано в Конституции России (Татарстан, Башкирия и частично Коми, Тыва, Бурятия). И наконец, это наделение автономных округов полномочиями самостоятельных субъектов федерации, входящих в состав других субъектов федерации (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский и Чукотский и другие национальные округа). Очевидно, такое отношение к национально-государственному устройству провоцирует этнических лидеров на доказательство правомочности принимаемых ими решений и на новые политические претензии. Если принять логику таких рассуждений, то нужно признать, что подобные права должны получить, согласно переписи 2002 г., более 170 народов и народностей нашей страны. Если и сейчас многие национальные образования не имеют никакой реальной экономической базы, то что говорить об этой гипотетической возможности? Однако не что иное, как желание получить ту или иную форму государственности толкает этнических лидеров на «обоснование» такого решения. Неужели ради права кому-то именоваться прези-

дентом, министром, послом? Или ради доступа к разделу национальных богатств? Одно ясно, что все это ничего общего не имеет с действительным и эффективным решением проблем этнонациональных отношений. Напротив, политические амбиции и претензии этнолидеров становятся основой для возникновения конфликтных ситуаций [8]. Хотя в последние годы принятые определенные меры по сокращению мнимых национальных образований (Коми-Пермяцкий округ, а в 2005 г. Эвенкийский и Таймырский округа), национальные лидеры уже сейчас резко выступают против такого возможного подхода к их образованиям, что, например, проявилось в выступлении президента Адыгеи Совмена.

Следствием политических притязаний этнических амбициозных лидеров становится монополизация ключевых позиций в управлении национальными территориями, т.е. этнизация государственного и общественного руководства. Сверхпредставительство народов, давших название той или иной республике, доходит до абсурда. Так, в Адыгее, где адыги составляют 20% населения, они занимают 70% руководящих постов [9]. В республике Саха, где якутов 34% населения, на них приходится 69% должностей в правительственные структурах. По данным Ю.В. Арутюяна, в Татарстане до перестройки только 2% предприятий возглавлялись татарами, а конце 1990-х годов — 65%. При 48,3% татарского населения 78% руководящих должностей замещается представителями этого народа [10]. Данный процесс усугубляется нередко и тем, что часть русскоязычных представителей в правящей верхушке скорее подыгрывает национальным амбициям, чем противостоит им, ложно понимая соотношение национальных и общественных интересов. Более того, знание этой социальной группой национального языка и культуры приводит, в конечном счете, к осуществлению убогой и радикально-националистической политики.

Во-вторых, этнократия проявляет себя в территориальных претензиях к другим государственным образованиям или к другим народам. Для доказательства претензий на чужую территорию используются исторические источники, и политические обвинения в основном в адрес советской власти, и аргументы о несправедливости ранее принятых политических решений и т.д. и т.п. К сожалению, эти претензии раздувают наиболее экстремистские силы, сея недоверие и подозрительность между соседями. Это проявляется в определенных политических акциях некоторых этнополитических лидеров Дагестана, в экстремистских выступлениях ряда деятелей Татарстана, Ингушетии и Северной Осетии. Опасность таких акций состоит в том, что они консервируют и поддерживают экстремистские, крайне националистические силы и способны серьезно омрачить взаимоотношения между соседями вплоть до возможных и реальных вооруженных столкновений.

В этой связи хотелось бы сказать о необходимости неотложной корректировки Закона о реабилитированных народах в той его части, где говорится о территориальной реабилитации, провозглашенной в лжедемократической горячке начала 1990-х годов без должного просчета возможных, в том числе трагических последствий. Именно это положение явилось мощным стимулом для появления «горячих» точек, как осетино-ингушский конфликт 1992 г.

В-третьих, этнократия спекулирует на экономических проблемах, особенно нерешенных, которые связаны как с наличием природных богатств или серьезного

индустриального потенциала, так и их отсутствием. На этой основе часто высказываются претензии в адрес и федеральных властей, и государственных органов власти соседей. А ведь, например, экономический потенциал Башкирии развивался не только башкирским народом — не меньшую, если не большую заслугу в создании его имеют все народы нашей страны и особенно русский. И нужно ли содержать государственные образования, которые на 80—95% существуют за счет централизованного бюджета (Калмыкия, Ингушетия)? [11]. Не менее опасно поведение политических лидеров национальных округов, богатых нефтью и газом, когда под прикрытием защиты интересов малых народов Севера они пытаются получить преимущества, привилегии и даже политическую власть для реализации своих групповых интересов.

К проявлениям этнической напряженности и конфликтности можно отнести и факторы, вызывающие миграционные потоки на данной территории. Обычно такой анализ показывает, какая атмосфера создана для представителей других наций, каково процентное соотношение между людьми коренной и некоренной национальности. И если данное соотношение достаточно стабильно (или нестабильно), то это служит основой для серьезных и обоснованных выводов. Любой сдвиг в показателях движения населения в этнонациональном плане — важный ориентир для обоснования соответствующей политики и принятия политических решений.

В-четвертых, мощным дестабилизирующим фактором, провоцирующим этнические тенденции, выступает деятельность национальных и националистических партий и движений, которые зачастую включают ультраправые или ультраправые силы, практически всегда претендующие на захват политической власти. Именно от этих этнополитических сил исходят безответственные заявления о стремлении к «чистоте нации», о «титульных» народах, о «защите родного языка» и т.д. и т.п., вплоть до прямого противопоставления себя другим народам, другой культуре, другим верованиям. Эти партии и движения обычно немногочисленны. Но они мобильны, хорошо организационно оформлены, агрессивны в своих намерениях и способах реализации своих целей (например, деятельность ряда исламских организаций). Поэтому коэффициент их влияния на общественное сознание достаточно высок и провокационно значителен. Как показывает опыт функционирования этих партий и движений в ряде республик, они серьезно усиливают межэтническую напряженность, сеют недоверие между людьми разных национальностей и, самое главное, обещая прийти к власти (а это уже происходит в ряде регионов страны), вызывают резкое обострение межнациональных отношений. Более того, эти силы болезненно реагируют на изменение ситуации и используют любой предлог для демонстрации своих притязаний. Так, политика упорядочения взаимоотношений между центром и регионами и установление соответствия федеральных и республиканских законодательств привели к тому, что, например, татарский Милли Меджлис (народный парламент) и Милли назариат (народное правительство) обвинили руководство страны в ликвидации национально-государственных образований, а руководство Татарстана — в попустительстве при осуществлении данной политики, призвав все националистические движения объединиться для «защиты суверитета» в «Народный фронт» [12]. Анализ таких акций и таких форм органи-

зации ультранационалистических сил чрезвычайно важен с точки зрения возможного предотвращения этноконфликтов.

По сути, силы, выступающие в виде националистических движений и создаваемых на их основе организаций, олицетворяют известные в политике и науке группы давления, которые реализуют не столько общенациональные, сколько групповые и корпоративные интересы. Этническая окраска лишь усиливает их деструктивный характер, ибо на этой основе начинаются противопоставления одних народов другим.

В-пятых, этнократия не гнушается использовать конфессиональный фактор, подчеркивая преимущества той или иной религии по сравнению с другими верованиями. Особенно наглядно эта спекуляция проявляется в республиках, где соседствуют православие и ислам. Хотя противостоящие силы проявляют себя частично в скрытой и измененной форме, они не становятся менее опасными для отношений межнационального доверия. На наш взгляд, это особенно проявилось в Чечне, где элементы влияния ислама внедрялись в процесс осуществления власти, а в судопроизводстве применялись законы шариата.

В-шестых, этнократия мощно использует социокультурный фактор, когда под видом заботы о родном языке, о национальной литературе и искусстве, о подрастающем поколении ущемляются права других народов. Это проявилось, например, в материальном поощрении за знание чиновниками только языка титульной нации, как в Татарстане, за создание преимуществ только соответствующей национальной интеллигенции, как в Якутии или Туве. Иначе говоря, языковая и культурная политика приобретает подчеркнуто политический характер [13].

На наш взгляд, правы те, кто предлагает в социокультурной политике ориентироваться на билингвизм (или трилингвизм), когда люди свободно владеют двумя или тремя языками. Этот метод перспективен, ибо он обеспечивает сохранение родного (пусть и малочисленного) языка, но в то же время дает возможность приобщиться к мировой культуре через знание русского (или западного) языка. Ограничиваться только родным языком — это делать себя неравноправным и неконкурентоспособным в современном мире. Однако, например, в Чечне и Туве статус государственного языка закреплен только за языком коренного населения. Как можно объяснить, что в России, в стране русского языка как государственного на отдельных территориях он таковым не признается?

Кстати, значение русского языка не только в России, но и в целом на постсоветском пространстве после эйфории провозглашения независимости стало корректироваться самой жизнью, что нашло уже отражение в признании русского языка официальным (в Казахстане, в Молдавии) или вторым государственным (в Киргизии).

Этнократия прикрывает свои амбиции посредством противопоставления народных обычаяев и традиций таким же обычаям и традициям других народов, доказательством их преимуществ. Эти акции осуществляются не во имя возрождения национального самосознания, а ради поиска аргументов для укрепления и оправдания этнократических притязаний. Поэтому требуется тщательный анализ, что, как, каким образом пропагандируется и возрождается из исторического наследия, насколько это соответствует образу жизни и мышления населения данного региона, не ущемляются ли интересы людей другой национальности.

Иногда ставится вопрос — а как обнаружить влияние обычая и традиций, стиля жизни на возможное возникновение межэтнической напряженности и конфликтности? По нашему мнению, наиболее действенным инструментом получения такой информации являются социологические исследования, которые фиксируют состояние общественного настроения, выявляют «болевые точки» реального повседневного сознания людей. Именно эта информация, а не утверждения политиков, стремящихся к власти под националистическими лозунгами, отражает реальность этнических отношений.

Инаконец, этнократия базируется на клановости в осуществлении властных полномочий, когда оживаются и возрождаются амбиции и претензии различных племен, тейпов, джузов и других родоплеменных образований. Этот аспект этнических отношений является достаточно острым, взрывоопасным и может тлеть долгие годы. Примеры родоплеменного противостояния характерны практически для всех средне — и малочисленных народов и составляют основу (иногда тщательно скрываемую) противостояния различных этнополитических групп, как свидетельствует реальная жизнь в Калмыкии, Бурятии, Туве, Хакасии, Адыгее и других республиках.

Таким образом, этнократия даже в стертом, приглушенном виде представляется собой крайне опасную форму политического управления, которая ведет к обострению межнациональных отношений, потому что преследует эгоистические, узко-групповые интересы. Такое ее поведение — источник конфликтов самого разного плана. Это удобная форма мимикрии и фальсификации общенародных интересов, внешне привлекательная форма властовования, за которой обычно скрываются политические амбиции и корыстные интересы.

Теократические притязания

На современном этапе исторического развития достаточно отчетливо проявились тенденции вовлечения во властные отношения представителей религиозных конфессий и использование религиозной идеологии в борьбе за достижение, сохранение и поддержание власти.

Интенсивно происходящий процесс возрождения религиозного сознания, религиозной культуры затрагивает политические проблемы, обнаруживая сопричастность служителей культов к распределению властных полномочий и демонстрируя их заинтересованность в решении государственных проблем, во властных отношениях в обществе. Можно говорить об усилении клерикализма.

Анализ реально существовавших и существующих теократических государств показывает, что основными признаками этой формы политического управления являются: религиозно-правовая регламентация общественной и государственной жизни, осуществление судопроизводства по нормам религиозного права, политическое лидерство религиозных деятелей, провозглашение религиозных праздников государственными, притеснение или запрещение других религий, преследование людей по религиозным мотивам, активное вмешательство в сферу образования и культуры. Но, что особенно важно — в теократических обществах устанавливается тотальный контроль за поведением, образом жизни личности, ибо статус личности определяется принадлежностью к религии и ее институтам. Поз-

тому правы те исследователи, которые подчеркивают наличие в теократиях таких черт, как авторитарность и даже тоталитарность.

Теократия (от греч. *teos* — бог, *kratos* — власть) — форма государственного управления, при которой политическая власть осуществляется с позиций религиозной регламентации государственной и общественной жизни. На рубеже двух тысячелетий сложилась весьма противоречивая религиозная ситуация. Во многих странах мира и особенно в Западной Европе происходит секуляризация общества, утверждает французская исследовательница Даниель Эрвье-Леже, что, по ее мнению, выражается в уходе церквей с общественной сцены, в отделении религии от политики, в ослаблении религиозной практики среди населения, в переходе религиозного чувства в сферу личной жизни. В других странах мира, включая США, наблюдается противоположный процесс, когда религиозность повышается и влияние (и вмешательство) религии в политическую жизнь растет [14].

Не менее противоречива религиозная обстановка в России и других постсоветских государствах. Наряду с тем, что в общественном сознании явно увеличилась доля тех, кто признал себя причастным и принадлежащим к той или иной религии (об этом заявляют до 70% опрошенных), уровень религиозной практики остается достаточно низким. Но это в известной степени компенсируется активизацией деятелей всех религиозных конфессий и особенно их желанием влиять на политическую жизнь своих (и не только своих) стран.

В каких же формах реализуются *притязания и намерения или, иначе говоря, попытки реанимировать теократию и ее лики в российском обществе?*

Прежде всего, это проявилось в создании политических партий с религиозным уклоном — христианско-демократических, исламских. Соответственно организуются молодежные религиозные и полурелигиозные организации, различные сообщества, целью которых становится не столько религиозное просвещение, сколько активное участие в общественной и политической жизни страны, оснащенное религиозной атрибутикой. Особенно мощным наступление политico-религиозных союзов, партий и движений оказалось в период парламентских выборов в 1995 г., когда несколько партий, особенно исламского толка, пытались стать частью законодательной власти [см. подробнее: 15, с. 259—260]. И хотя в современной России создание национальных и религиозных партий законодательно запрещено, вместе с тем не следует упускать из виду непрекращающиеся попытки иерархов различных религий овладеть властью через политические партии (и не только в нашей стране).

Не менее значимой формой проявления современных теократических притязаний являются попытки превращения религиозных установлений и правил в государственно-правовые нормы. Многие религиозные постулаты, регулирующие жизнь людей, являются отражением достигнутого этапа в развитии человечества и конкретных народов. Их механическое перенесение на реалии XX века приводит к серьезным противоречиям, особенно, когда это касается норм права. Большинство стран мира руководствуются нормами права, характерными для принципиально новой ситуации в мире, кардинальным образом изменившей социальное положение людей. Заместить их или подчинить религиозными нормами прошлого означало бы вызвать им массовое противостояние. Вот почему вызывает недоумение и отторжение опыта решения правовых проблем в Иране на основе предписаний шариата.

Аналогичное отношение встретили попытки заменить шариатом советское, а затем и российское судопроизводство в Чечне. Несовершенство последнего и несоответствие отдельных его положений обычаям и традициям не могут служить основанием для замены их устаревшими юридическими нормами, не соответствующими современным правам и свободам человека.

К теократическим притязаниям можно отнести постоянно возобновляющиеся попытки осуществить клерикализацию общества; вмешаться в светские дела, навязать некоторые религиозные положения и внедрить их в реальную жизнь. К таким попыткам следует, например, отнести введение в государственный общеобразовательный стандарт России обязательного изучения такого предмета, как теология. Крушение коммунистического (советского) мировоззрения создало благоприятную основу для религиозной идеологии, успешно осваивающей образовавшийся идеологический вакuum. Этому в немалой степени способствует обладание значительными финансовыми ресурсами, собственными средствами массовой информации — телевидением, радиовещанием, газетами, журналами, крупными книгоиздательствами. Этот опыт, особенно ярко проявившийся в жизни стран Латинской Америки, успешно осваивается на постсоветском пространстве, что позволяет религиозным иерархам претендовать на владение умами и сердцами миллионов людей. Примечательны в этом отношении акции церкви, препятствующие этому процессу и в других странах. Так, в современной Греции, одном из немногих европейских государств, где церковь не отделена от государства, тот, кто не крещен в церкви, не имеет гражданских прав; брак обязательно должен быть зарегистрирован в церкви; все государственные служащие приносят присягу на Святой Троице. Если умерших не отпевают, их даже не хоронят на кладбище. Известный швейцарский теолог Карл Барт (1886—1968) разделял и поддерживал тезис о необходимости отделения церкви от государства, ибо, по его мнению, любое государство — и капиталистическое, и социалистическое — несет в себе как положительные (с точки зрения христианства), так и отрицательные черты; церковь в такой ситуации призвана проявлять максимальную гибкость в конкретных ситуациях [16].

На наш взгляд, к современным теократическим проявлениям следует отнести стремление представителей религиозных культов добиться определенных преимуществ «своей» религии по сравнению с другими вероисповеданиями. Это стремление многократно усиливается, когда и государство в лице своих законодательных и исполнительных органов осуществляет действия, которые позволяют трактовать их с позиций поддержки только одной религии. Это проявилось в действиях руководства России, провозгласившего Рождество государственным праздником (в противовес другим религиям?), в попытках внедрить институт православного священника в войсках (без участия представителей других религий и игнорировании прав неверующих?). Не считаясь с чувствами и устремлениями людей, придерживающихся иных религиозных установок, такое предпочтение «своей» религии пытаются в той или иной мере осуществить руководители ряда бывших советских республик, нередко пряча, «упаковывая» его в национальную идентичность, национальные интересы.

И наконец, нельзя не отметить такую существенную черту теократических тенденций, как присущий им экспансионизм, направленность интересов на рас-

пространение религии и подчинение других народов ее влиянию. Это проявляется в практике экспорта религиозных ценностей и норм жизни. Так, ваххабизм как экстремистское течение в исламе открыто провозгласил три метода распространения теократии: мирный (идеолого-пропагандистский, культурологический, дипломатический), полу военный (подрывной) и военный. И сейчас создание единого великого исламского общества, исламской цивилизации остается вдохновляющей идеей, хотя в настоящее время сторонники исламизации в большинстве случаев все более ориентируются на мирный путь решения данной проблемы [17].

Заключение

В целом, политическое управление в России находится в интенсивном поиске как концептуализации своего построения, так и прикладных форм ее реализации. Сегодня, возможно, актуально как никогда утверждение одного из видных деятелей западноевропейской социал-демократии Э. Бернштейна, что «демократия есть высшая школа компромисса». Однако это положение реализуется с большим трудом по всем вышеназванным параметрам. Результатом стала острая критика всех, за исключением президента, властных структур, массовое отторжение от многих политических партий. Именно это позволило мэру Москвы Лужкову в своей последней книге «Развитие капитализма в России. Сто лет спустя» выразить тревогу, что призрак революции бродит по России.

Таким образом, реальная ситуация в России показывает, что политическое сознание людей, их гражданская позиция, их отношение к власти предержащим как бы остается на втором, а то и на третьем плане. Такое отношение к субъективному фактору ведет к нарушению процесса функционирования любого политического строя и прежде всего государства, обрачивается социальными конфликтами, катастрофами, волнениями, революциями. Именно поэтому проблемы взаимосвязи человека и власти приобретают огромное научное и политическое значение.

Иначе говоря, взаимоотношения личности (людей) с государством, его конкретными органами в центре и в регионах выступают (или должны выступать) основным фактором, который определяет главные направления развития политических отношений. От способности политической власти рационально, своевременно и эффективно обеспечивать взаимодействие между различными экономическими, социальными и культурными институтами, согласовывать интересы всех субъектов политической жизни зависит динамизм общественных процессов, будущее российского государства.

Поэтому мы предлагаем анализировать основные формы политических режимов — реальных общественных феноменов, без которых трудно представить процесс функционирования современной политической истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Три особенных лица власти. М., 2002.
2. Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1991; Ковлер А.И. Исторические формы демократии: политico-правовые теории. М., 1990; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных

- обществах. М., 1997; *Лобер В.Л.* Демократия: исторические корни, содержание и тенденции развития. М., 1992; *Салмин Л.И.* Современная демократия: история, структура, культурные конфликты. М., 1992; *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992; *Шахназаров Г.Х.* Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории. М., 1974; *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
3. Цит. по: *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1994.
 4. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1994.
 5. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
 6. См.: *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1989; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992; *Манигейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1992.
 7. См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
 8. *Тощенко Ж.Т.* Постсоветское пространство: супервизация и интеграция. М., 1997.
 9. Независимая газета. 2000. 21 марта.
 10. См.: *Арутюнян Ю.В.* *Дробижева Л.М.*, *Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999. С.124; ПОЛИС. 1997. № 2. С. 108—115.
 11. *Филиппов В.* «Нулевой вариант» в этнополитике — путь к гражданскому равноправию в обществе // *Федерация*, 1997, № 2.
 12. *Бронштейн Б.* Октябрьская резолюция // *Известия*. 2001. 22 октября.
 13. См. подробнее: Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции. М., 1996; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.
 14. См.: *Салыгин Е.Н.* Теократическое государство. М., 1999. С. 18—19.
 15. *Митрохин Л.Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб., 1997. С. 472.
 16. См.: *Исаев С.А.* Теология смерти (Очерки протестантского модернизма). М., 1991. С. 20.
 17. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995.

А.Н. ДАНИЛОВ

Постсоветская трансформация — выбор будущего для всего мира

На рубеже веков проявила невиданная ранее активность на политическом поле бывших стран социалистического мира. Причин системной трансформации называется много, но еще исторически слишком близки произошедшие перемены и столь неоднозначны их последствия для многих ныне живущих, чтобы делать какие-то однозначные выводы. Мы можем лишь констатировать то, свидетелями чего были сами, опираться на результаты собственных исследований, которые вели последнее десятилетие, на мнение наших коллег.

Трансформационный период в общественном развитии — особая историческая система, в которой обнаруживается своя структура, свое устройство, свои тенденции развития и свои методы. Трансформационный процесс зиждется наialectическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения. По самой своей сути он нацелен на новое качество явления или системы.

Трансформацию, охватившую страны Центральной и Восточной Европы, можно определить как системную, затрагивающую весь спектр общественной жизни, политику, экономическую и социальную структуру, духовную жизнь.

С распадом СССР процесс мировой трансформации обрел новые качественные признаки. Мир стал однополюсным, многие международные структуры, созданные в качестве противовесов в конкуренции двух сверхдержав в холодной войне, потеряли свою значимость. На постсоветском пространстве начался болезненный процесс системных изменений — явление глобального порядка, вызвавшее гигантские geopolитические смещения. В новых странах кардинально изменились политические и государственные системы, приняты новые конституции. Весь мир, некогда застывший как мертвый вулкан, вдруг проснулся и пришел в движение.

Разумеется, степень демократичности установившегося строя в разных странах различна, она обусловлена как особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, характеристикой управленческой элиты. Изменились экономические основы общества. К настоящему времени практически во всех новых государствах создана правовая база для развития рыночной экономики, хотя и государственный сектор продолжает играть

важную роль. Произошла либерализация общественной среды, изменились общекультурный ландшафт, система ценностных ориентаций, социокультурных предпочтений различных социально-демографических групп населения. Произошли перемены в сфере духовных ценностей и приоритетов.

Закономерной чертой трансформационных процессов стала маргинализация части населения. Этим термином обозначается процесс утраты индивидами своей идентификации с определенными социальными общностями и изменение социального положения отдельных групп — их общественного статуса, уровня дохода и т.п. Маргинализация является прямым следствием структурных изменений в экономике и падения жизненного уровня большинства населения. Массовая маргинализация препятствует быстрому становлению гражданского общества, основанного на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод.

Социальная мобильность в трансформационный период достаточно высока. Немалая часть членов общества быстро, добровольно или вынужденно меняет свои социальные роли, исчезают, возникают или меняют свой статус профессиональные группы. Общество становится более открытым. Социальная мобильность все в меньшей степени зависит от социальных характеристик семьи и в большей мере определяется личностными качествами и уровнем образования индивида.

Неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт. Причем изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергаться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям даже вызвать кризис человека и системы.

Характеризуя изменения в мироощущениях, нужно указать на возрастание чувства личной свободы, которое основывается, прежде всего, на свободе передвижения и свободе выражения своих политических пристрастий, и одновременно на утрату чувства определенности в отношении будущего. У части населения (преимущественно старшего и среднего возраста) развиваются пессимизм и отчаяние, ощущение напрасно прожитой жизни.

В общественном сознании населения трансформирующихся стран еще не выработались общепризнанные критерии имущественного расслоения. Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части трудоспособного населения порождают известную реакцию отторжения, в том числе рост преступности, депрессию и другие негативные психологические последствия.

Все более полно осознается, что успешная трансформация новых независимых государств возможна лишь при реализации программы реформ, учитывающих специфику национального менталитета и достижений этих государств в прошлый, социалистический период. Сложное положение, в котором оказалась значительная часть населения этих стран сегодня, является не только свидетельством их экономической слабости, но и фактором их перманентной политической нестабильности. Люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, — в этом своеобразие всего процесса перемен.

Естественно, что мир в результате этих перемен не стал более устойчивым. Не располагая достаточным потенциалом для структурной перестройки и не будучи полностью включенными в процесс мировой интеграции, страны СНГ оказываются не в состоянии в короткие сроки и без помощи извне разрешить свои проблемы. А попытки самостоятельных действий, если они и предпринимаются, постоянно наталкиваются на противодействие со стороны блоковых государств, обрекая эти страны на роль аутсайдеров в мировом цивилизационном пространстве. Фактически перед каждой из этих стран стоит дилемма: либо прямое, весьма рискованное вхождение в мировое сообщество в качестве фактически неполноправных партнеров, либо опосредованное, более затяжное включение через механизмы совместной интеграции путем делегирования своих полномочий другому, скорее всего политическому субъекту.

Как показывает практика, у стран бывшего социалистического содружества нет иного выбора, как двигаться по пути интеграции. Интеграция предполагает сосуществование и конкуренцию альтернативных вариантов, т.е. не просто компромисс между сторонами, а оформление их интересов в новое качество развития. Человечество объективно и неуклонно продвигается ко все более тесному и всестороннему единству. Выбор, который осуществляется сегодня на постсоветском пространстве и который в перспективе и предопределит лицо западного мира, всего мироустройства XXI века, как раз и покажет, что это будет за единство и каким путем оно будет достигнуто.

К началу нового века усилилась угроза истощения природных ресурсов на планете. Естественно, у крупнейших мировых держав не могло не возникнуть соблазна отбросить идею всемирного процветания и начать открыто перераспределять ресурсы в свою пользу. Военные действия США и Англии в Ираке тому яркий пример. Возникла и новая идеология «золотого миллиарда», согласно которой прогресс желателен и осуществим лишь в пределах западного мира. На остальных территориях целенаправленно консервируется отсталость. Более того, стали появляться теории, в которых доказывается, что и в отставании может быть прогресс.

Процесс трансформации, начатый по единым шаблонам, в течение последних лет приобретает практически в каждой стране свои особенности, в каждой из стран образуется свой вариант рыночной экономики. Какой из них пробьет себе дорогу? Очевидно, что данный процесс трансформации постсоветского мира будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен претерпеть преобразования вместе с Востоком в новую систему. Сформулированные в XIX веке понятия и идеи не годятся более для объяснения изменений XXI столетия. На Западе, как и на Востоке, нет четкого ответа на вопрос, как мы собираемся жить дальше.

Изменение характера развития десятков стран, которое происходит ныне, — чем оно закончится? Хорошо это или плохо — слом сложившегося, традиционного хода событий? Получит ли в результате трансформационных перемен Запад именно то, на что рассчитывает? Это непростые вопросы, на которые даже сегодня, спустя более десяти лет со времени начала реформ, очень трудно дать однозначный, а тем более положительный ответ.

Обзор процессов трансформации как системы перемен ставит перед исследователями, может быть, главнейший вопрос о том, в какой мере реформы учитывают на их завершающей стадии национальные особенности и специфику каждой страны, ее традиции и культуру. Распространяется представление о том, что «рынок» — это система принципов, будто бы не имеющая никакой связи с национальным характером народа, создающего свою «рыночную экономику».

Отметим, что экономическая политика стран бывшего «восточного блока» в начальный период трансформации в соответствии с концепциями, которые развивал Дж. Сакс, гарвардский профессор, советник польского, словенского и российского правительства, уже через два года выявила свою неэффективность. Экономисты заговорили о «сверхадаптации»: лекарство оказалось слишком сильным и убивает больного.

Многие нашли, что программа стабилизации перестает быть правильной, как только страна входит в инфляционную депрессию, ибо приоритетной становится необходимость выйти из депрессивной спирали и проводить активную экономическую, особенно структурную политику. Между тем данное объяснение оставляет в стороне основное: монетаристские тезисы основаны на ряде гипотез о поведении в сфере предложения, которые не всегда верны для развитых стран, редко соответствуют реалиям развивающихся стран и лишь в виде исключения отвечают реалиям постсоциалистических государств. Крах «экономики предложения» свидетельствует об определенном «реванше прошлого», о сохранении большинства прежних структур и типов поведения и, следовательно, о незнании конкретной ситуации западными советниками.

В этой связи открытым остается вопрос о природе специфического поведения, а в конечном счете — о существовании «гомо советикус». Идет ли речь о влиянии общей культуры, унаследованной от «мира общины», на которую впоследствии наложились особые отношения с государством, законом и властью, а также другие черты славянской души? Или же, напротив, как видно на примере развивающихся стран, это поведение нерационально лишь внешне и объясняется отсутствием информации, высокими издержками перехода к рынку и противоречивостью способов регулирования, свойственных переходному периоду и порождающих конфликтность разных типов рационального поведения?

Сегодня стала очевидной старая истина о том, что перемены народного быта не определяются произвольными пожеланиями политиков. Во всех без исключения странах, отвергших путь социалистического развития, так или иначе встал вопрос о легитимности, то есть о реальном признании новой власти большинством населения. Речь идет не о выборах, которые поддаются манипуляциям, речь идет главным образом о *выработке стратегии национального развития, которая признавалась бы большинством*.

Многие не хотят понять, что бездумное следование программам реформирования, которые вызрели в головах политиков, не только не наращивает потенциала изменений в обществах, но, напротив, ведет к разбазариванию этого потенциала. Близится день, когда не помогут ни подручные средства «промывания мозгов», ни солидарное вмешательство покровителей, потому что реально нарушены интересы миллионов: падает жизненный уровень, растет преступность, ухудшаются стандарты

ты окружающей среды, увеличивается нравственный хаос, происходит распродажа национальных богатств и ущемление национального достоинства.

Нынешнее время стремительной ломки системы привычных ценностей для многих людей означает утрату ориентации в окружающем мире. Уходят в прошлое ощущения безопасности, социальной защищенности и т.п. Растущая в массах уверенность в несостоятельности, коррумпированности и нечестности традиционных партий и их политиков — одна из основных причин усиления влияния правого и левого радикализма.

Но есть еще и другой, более важный вопрос: не подтолкнет ли разрушение сложившейся системы геополитического равновесия к новым кризисам в экономике, войнам и общей неразберихе?

События способны отбросить многие трансформирующиеся страны из ряда высокоразвитых и высококультурных к отсталости и нищете, что почти и случилось. Но события вряд ли смогут уничтожить гражданскую солидарность и общую культуру населения, которые почти неизбежно проявятся при драматическом повороте истории.

На примере России мы видим, что именно в силу идеологической заданности в реформировании страна еще очень не скоро начнет выходить из того хаотического состояния, в котором она оказалась.

Полезно ли это для Запада? И если полезно сегодня, будет ли полезно завтра, когда внезапно потребуется опереться на реальную мощь России, а не на ее диффузирующий облик?

В том, что проблема России, Беларуси, Украины, Казахстана и т.п. не есть только их проблема, что она затрагивает целый спектр вопросов, выходящих за пределы политических и пропагандистских формул, нас убеждает и реальная практика, и наиболее результативная научная мысль.

Интересным с методологической точки зрения представляется вывод профессора Ю. Бошика: «*После окончания «холодной войны» Центральная и Восточная Европа станет ареной борьбы различных моделей капитализма — американской, азиатской, шведской. Вопрос выбора модели развития имеет огромное значение для каждой из стран региона, так как от этого будет зависеть стратегия и тактика экономических преобразований, масштабы социальных и политических последствий осуществляемых перемен*» [1, с. 6].

Процесс социальных перемен в разных странах происходит по-разному. Усиление социально-экономической дифференциации при переходе к рыночной экономике — это объективный процесс, один из основных результатов либерализации цен и заработков. Однако в отсутствие эффективной социальной политики он ведет к быстрому росту бедности и появлению социальной напряженности.

Именно человек оказался в фокусе главных перемен на всем обширном трансформационном пространстве: перемены политических и экономических доктрин вызвали деформацию устоявшихся социально-экономических отношений, мировоззрения, морали. Изменилась роль общественных институтов и прежде всего государства.

Обещанное быстрое продвижение к демократии и достатку обернулось опасным обострением социальных и национальных отношений, обнищанием в большинстве стран, пытающихся создать рыночную экономику.

Анализ социальных проблем, порожденных изменением парадигмы существования, представляет особую важность для разработки политики реформирования, потому что ошибки и перекосы в этой области сопряжены с конфликтами и гражданскими войнами, угрожающими всему зданию международного мира.

Рассматривая возможности эффективной социальной политики, Б. Ракитский справедливо указал, что «возможен исторический выбор из четырех наиболее вероятных вариантов будущего:

- 1) возврат к тоталитаризму (пусть и обновленному);
- 2) буржуазная демократия;
- 3) буржуазная диктатура;
- 4) народная демократия» [2].

Он довольно убедительно проанализировал каждый вариант применительно к России, но не подлежит сомнению, что и *остальные государства не имеют другого «меню»*.

Спустя более десяти лет после начала рыночных реформ, большинство стран Центральной, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии по-прежнему боятся над решением задачи: как вытащить экономику из трясины. Несмотря на некоторое улучшение экономических показателей в отдельных странах, пока отсутствуют ясные признаки того, что начался устойчивый рост благосостояния населения этих стран.

В исследовании ООН «Нищета, дети и социальная политика. Путь в более светлое будущее» отмечается, что в странах трансформации почти повсеместно наблюдается ухудшение экономического положения большинства семей, происходит увеличение младенческой и детской смертности, падает охват детей детскими садами, растет смертность, преступность, усиливается кризис семей и т.п.

Общий вывод такой: «Сейчас становится очевидным, что в тех странах, которые проводили реформы быстро, и в тех странах, которые проводили реформы медленно, процесс трансформации общества, экономики, системы детских учреждений и т.д. потребует гораздо большего времени, чем изначально прогнозировавшийся срок в 5—10 лет» [3, с.9].

Ясно, что политика трансформации вызвала огромные социальные перемены структурного характера, они коснулись всех видов и форм деятельности. Современное рыночное общество — это сложнейшая система социальных, экономических, правовых и прочих отношений, основой которой должно стать общественное согласие. *Общественное согласие — главное условие нормального функционирования новой системы*.

Если проанализировать развитие, например, Республики Беларусь за последние годы, мы увидим, что сущностью всех событий является как раз попытка отыскать способ реализации «принципа договора».

Народы безусловно примут плоды трансформации не потому, что у них не остается иного выбора, но потому, что трансформация приведет, в конце концов, к открытию тех способов мирового взаимодействия, которые дадут полный простор для дальнейшего национального развития и национального действия.

Пьер Бурдье неоднократно подчеркивал, что теоретизирование не имеет никакого значения, если оно не помогает выявлять практическое положение вещей. «Недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине», — заявил он в «Социологии политики» [4, с. 31].

Сложности исторических поворотов никогда не перечеркивают всех шансов. И в этом смысле эпоха трансформации, рожденная, в сущности, политическим противоборством, принесет со временем новые плоды для всего человечества. Общество освободилось от многих догм и на какое-то время получило свободу эксперимента. Трансформация — и я убежден в этом — продвинет человечество к освоению более конструктивных идей, нежели те, которые владели умами большинства в XX веке.

Основополагающие проблемы — сущность и содержание демократии и свободы, права личности — все это трактовалось в период противостояния двух систем (да и трактуется по инерции и поныне) с точки зрения geopolитических интересов господствующего блока. Поистине колоссальное значение мог бы иметь прорыв к подлинной демократии во многих постсоветских странах. Однако надежда на демократическую элиту не подтвердилась. Все ныне убедились в нравственной, политической и научной несостоятельности «демократов» в постсоветских государствах

Процесс трансформации в Восточной Европе мощно потряс здание ценностных ориентиров, особенно среди молодежи, однако общее здание культурного наследия, как мне представляется, все же устояло, и хотя жизнь большинства населения в трансформирующихся странах протекает в условиях материального обнищания, основные ценности не погибли вовсе, но как бы консервировались, тихо продолжают действовать и, надо думать, еще выступят в качестве ферментов для духовной конвергенции противостоящих частей человечества.

Весьма существенная ломка идеологических основ общества произошла в республиках СССР еще в годы перестройки. Однако ее радикальность никак нельзя переоценивать. То, что «на ура» принималось в начале 1992 г., в 2005 г. уже не воспринимается как бесспорная истина. Разумеется, общественному сознанию предстоит усвоить новые принципы общественной организации. В экономике — это многообразие форм собственности и хозяйственная необходимость полноценного, регулируемого рынка. В социальной сфере — это признание реальной дифференциации социальных интересов и создание механизмов их гармонизации. В политике — это принципы демократии, политического плюрализма и многопартийности. В духовной сфере — многообразие культур, мировоззренческих позиций, свобода творчества.

Однако политикам стран СНГ, например, невозможно упразднить всю систему социальной защиты, не ставя под вопрос всю политическую систему, прошлый режим *развил определенную социальную культуру, отказаться от которой, вероятно, не пожелает уже никто*.

Реальная политика трансформации должна учитывать фактор состояния культуры, морали и традиции общества. Новые социальные ценности, нормы и мотивы поведения могут сформироваться только в результате долговременного воздействия среды, и то при условии, что сама среда не посягнет на характер народа.

Привязанные к будням, мы лишь с трудом можем окунуть взором духовное пространство последних 10—15 лет. Но тому, кто в состоянии это сделать, откры-

вается не только моральное падение общества, но и его стремительный интеллектуальный рост, в отдельных «точках», к сожалению, но рост неоспоримый: многие нашумевшие статьи 1980—1992 гг. воспринимаются ныне уже как пустышки — мы так далеко ушли в освоении исторической практики, что эти «размышилизмы» не могут ввести нас в заблуждение. Это не значит, что мы, вслед за К. Поппером, станем утверждать, будто невозможно увидеть историческую перспективу, это значит, что мы видим эти перспективы уже иначе, чем «исследователи», напористо осваивавшие словесность перестройки.

Один из самых глубоких русских мыслителей XX века И.А. Ильин, анализируя истоки Октябрьской революции 1917 года, которую он воспринимал как трагическое и навязанное начало, отмечал: «Кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный... России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры» [5, с. 5—6].

Углубление процессов трансформации вновь восстанавливает значение классики и роль национальной элиты. Напротив, элита, рвущая связи с народом, вызывает сегодня все большее осуждение. Никакая трансформация, вероятно, не может упразднить такую интеллигенцию, которую волнуют проблемы развития общества, в котором накапливаются все новые и новые противоречия.

Патернализм представляется неким доктринерам чуть ли не антиномией рынку. Но по мере разрушения патернализма как давнишней и стойкой черты народной жизни, причем не только в славянских странах, но практически во всех странах СНГ, мы получаем национализм как иную форму солидарности. То же — в отношении многих других параметров социокультурного бытия.

Так что задача заключается отнюдь не в разрушении, а в использовании, приспособлении существующих особенностей и своеобразия к общим, но действительно общим, потребностям развития. Какую бы культуру мы ни исповедовали, если в XXI веке различие в положении народов будет примерно таким, каким оно остается в положении социальных страт реформируемых государств, это не завершится закреплением нынешней geopolитической парадигмы.

Процесс трансформации, как приходится убеждаться, нигде не идет по-джентльменски с учетом обоюдных интересов сторон: повсюду сильный навязывает свою одностороннюю волю. Но по мере выхода населения из состояния шока начинаются и даже усиливаются дискуссии на тему о том, что нужно создавать и что нужно уничтожать даже в условиях новой системы политических и социальных координат.

В странах СНГ, где, казалось бы, давно должен был бы уже наблюдаться бум инноваций, все еще продолжается успокоительная спячка «посткоммунистического свойства». Какие же еще побудительные мотивы должны возникнуть? Голод? Гражданская война?

Трансформация ставит еще один важный вопрос — об информационном (идеологическом) обеспечении реформ. Лишь теперь, когда все мы хлебнули от «рынка», становится понятнее многое из того, на что мы не обращали внимания.

А. Зиновьев высказал серьезные суждения о западной системе жизни, которые уместно привести здесь, поскольку мы ведем речь об информационном обеспечении «рыночных отношений»: «У нас ведь изображают дело так: в России — за- силье идеологии, на Западе — свободная научная мысль. Ничего подобного. На Западе такое же засилье идеологии. Западная социология — это идеология, и она еще дальше от реальности, чем советская идеология. Конечно, советская идеология излагалась бездарно, била прямо в лоб. На Западе вы не сможете отделить идеологию от науки.

Между тем западное общество в огромной степени идеологизировано, и советское идеологическое оболванивание — ерунда в сравнении с тем, что там делается. Кстати, одна из причин краха советской системы — именно в слабости идеологической обработки людей, в ее поверхностности» [6, с. 224]. И еще одно важное замечание: «В современном западном обществе государство — это политическое и экономическое явление. Оно не просто служит экономике, а само есть часть современной сверхэкономики. Одним из важнейших признаков западнизма является то, что западное общество несет в себе идею денежного тоталитаризма, денежной диктатуры. Западнизм — это общество денежного тоталитаризма, а государство — часть механизма этого тоталитаризма (крупнейший держатель денег, распорядитель кредитов и т.п.)» [6, с. 226].

Новая парадигма по-иному представляет черты будущего устройства общества: определенность форм присвоения материальных средств производства сменяется их размытостью, плюрализмом, когда не только исчезает альтернатива — частная или общественная собственность, но и каждый человек включается в экономическую систему как носитель целого «пучка прав» собственности: труд в материальном производстве, оставаясь, естественно, необходимостью, перестает играть главную критериальную роль в распределении результатов производства; в общественном регулировании на первый план выходит движение информационных потоков, развитие и использование научного знания; человек из объекта в общественном производстве превращается в активного субъекта, развитие которого реально становится высшим критерием прогресса» [6, с. 93].

Одно из самых замечательных достижений трансформации, на мой взгляд, заключается в том, что новая ситуация со всей беспощадностью и определенностью обнажила гигантские пласти псевдознания и невежества, которые маскировались под бутафорией «марксистско-ленинской науки». Лица, занимавшиеся профанацией, мимикрировали почти мгновенно, но пользы от них как не было, так и нет: они занимаются профанацией и теперь, *делая вид*, что обслуживают «всемирно-исторический переход к новой парадигме».

Если быть вполне последовательным, то в сферу наших исследований необходимо вовлечь также и трансформацию *моделей мышления*, при том понимании этой проблематики, как она изложена в замечательной работе немецкого философа и социолога Карла Манхайма «Диагноз нашего времени». Вырастая на почве существующего, преобладающего, тип мышления оказывает весьма существенное влияние на формирование общественного облика, особенно на этапе, когда переоценкам подвергаются огромные массивы человеческого опыта. Конечно, при этом нас интересует не то, отчего один и тот же мир представляется разным различным

наблюдателям, а то, каким образом изменившиеся представления воздействуют на конфигурацию перемен.

Касаясь этого тонкого вопроса, невольно обращаешься к Г. Лебону: «Для того, чтобы какой-либо народ преобразовал свои учреждения, свои верования и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу; для того, чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он был в состоянии передать ему также свою душу» [7, с. 13]. Далее он подчеркивает: «Если трудно внушить новую идею, то не менее трудно уничтожить старую. Человечество постоянно с отчаянием цепляется за мертвые идеи и мертвых богов» [7, с. 9]. И наконец: «Разве не постоянная погоня за химерами составляла до сих пор главное занятие человечества?» [7, с. 11].

Касаясь понятия расы, Г. Лебон утверждал, что «судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие» [7, с. 20]. И подчеркивал: «Народ может потерять очень многое, претерпевать всевозможные катастрофы и быть еще в состоянии подняться. Но им все потеряно, и ему уже никогда не подняться, если он потерял свою душу» [7, с. 47].

Никто в настоящее время не скажет, поставлено ли под вопрос процессом трансформации «сохранение душ» многих народов, но совершенно очевидно, что отдельные экстремисты и фанатики «революции» направляют свои усилия именно на достижение опасных планов духовного геноцида.

Чем серьезнее мы анализируем все современные социологические теории, тем с большим доверием относимся к Гэлбрейту, считавшему, что развитая индустриальная система должна зависеть от государства, поскольку она вынуждена со-лидаризоваться с целями общества, приспосабливать их к своим нуждам. «Частное предприятие некогда трактовалось как нечто обособленное от государства по той причине, что оно было подвластно рынку, и его хозяин черпал свою силу во владении частной собственностью, — говорит Гэлбрейт. — Современная корпорация уже не подвластна рынку; власть людей, управляющих ею, не зависит больше от частной собственности. В рамках преследуемых корпорацией целей они нуждаются в самостоятельности. Но эта самостоятельность вполне позволяет им действовать в тесном сотрудничестве с государственным аппаратом и, даже больше того, выполнять для него такие задачи, которые он сам по себе не в состоянии выполнять или не в состоянии выполнять столь же успешно. Поэтому при решении задач совершенствования техники индустриальная система, как мы видели, тесно смыкается с государством. Члены техноструктуры не только тесно сотрудничают со своими партнерами из государственного аппарата в деле проектирования, конструирования и производства изделий, интересующих государство; они выступают также как советчики при самом определении нужд государства. Если бы это не противоречило тому, что превозносится по идеологическим соображениям, то уже давно было бы общепризнанно, что грань, отделяющая ныне государственные организации от так называемых частных организаций в сфере военных поставок, исследований космического пространства и атомной энергии, настолько расплывчата, что почти незаметна» [7, с. 455].

Мы знаем, что любые теории этатизма имеют на Западе немало противников. Но перспективу определяют не пожелания и не замыслы, а выгоды экономической деятельности. С этой точки зрения трансформация — не просто вариант восстановления приемлемых экономических и социальных интересов, это выбор будущего

для всего мира, так что скоропалительность и упрощенчество могут сыграть здесь злую шутку.

Преобразованный или преобразующийся после крушения СССР мир нуждается в политической защите разбуженных национальных культур, и потому нет ничего удивительного в том, что эпохе трансформации будет сопутствовать эпоха национализма, — в полном соответствии с теорией, в свое время сформулированной одним из крупнейших специалистов западной антропологии профессором Эрнстом Геллнером.

Как долго будет продолжаться этот период? Экономический и культурный рост внесут в этот процесс решающие перемены, которые, естественно, будут закреплены новыми политическими формами государственного и регионального управления.

В предисловии к русскому изданию своей книги «Наука и национализм» Э. Геллнер написал примечательные слова: «Гегель заметил, что трагедия заключается не в конфликте правого и неправого, а в конфликте правого с правым. Такова очень часто природа межэтнических конфликтов. Их участникам собственные мотивы представляются очевидными и совершенно оправданными. Увы, то же чувство переполняет сердца их оппонентов. Никакой компромисс не обойдется без слез; счастье, если он обойдется без крови» [8, с. 19].

Именно наступившая эпоха трансформации, ломающая старые стереотипы представлений, по-новому поставила вопрос о необходимости совпадения «политической и национальной единицы», что, по мнению Э. Геллнера, является сущностью национализма.

Можно условно допустить, что «национализм порождает нации, а не наоборот» [8, с. 127], но тогда мы должны дополнить характеристику эпохи трансформации ссылками на то, что объявившие о своем суверенитете государства хотят состояться как нации в большой исторической перспективе. Не всем это удастся, но это объективный процесс, в котором нет никакой политической загадки.

Попытки выхолостить национальную независимость в новых, постсоветских государствах, включая Россию, предпринимаются более всего теми, кто не представляет себе подлинных нужд и болезней мира.

Оправданы ли ожидания благих экономических и, стало быть, социокультурных перемен в ходе трансформации? Какие реальные факторы подтверждают наши ожидания?

Очевидно, что многие страны не будут торопиться принять систему «победителей» не потому, что это система «победителей», но потому, что она не обещает им ничего, кроме новых страданий. Народы пойдут путем pragmatизма, ясно понимая другое: Запад устоял в противоборстве и победил в нем в том числе и потому, что с успехом применил у себя опыт СССР, в то время как СССР оказался слишком бюрократическим, чтобы органично впитать опыт Запада.

Самое удивительное ныне то, что бывшие социалистические страны, стремясь приблизиться к Западу, обнаружили, что этого нельзя сделать, вовсе игнорируя свой предшествующий опыт.

Естественность нынешнего этапа трансформации заключается, пожалуй, только в том, чтобы создать общество более здоровое и процветающее, нежели оно было. И это не только возможно, это единственно спасительно для самой западной системы.

За годы, прошедшие со времени крушения СССР, большинство в обществах реформ на собственном опыте убедилось, что «рынок», провозглашенный новой целью, не может его устроить во всех отношениях. «Рынок», конечно, не такой, каким его рисовали иные агитаторы в прошлом, но и не такой, каким его представляют нынешние агитаторы.

Из всех модификаций рыночного хозяйства большинство людей предпочитают ту, в которой были бы возможны такие энергичные, яркие, национально определенные натуры, как Генри Форд. Признано, что Г. Форд был уникальной личностью, олицетворявшей попытку соединения частного интереса с высоким идеалом общественного служения. Просто и ясно он выразил суть капитализма и подчеркнул путь его глобальной модификации. Жаль, что с тех пор личности такого масштаба практически не появлялись: «Каждого следовало бы поставить так, чтобы масштаб его жизни находился в должном соотношении с услугами, которые он оказывает обществу... Всякая монополия и всякая погоня за наживой — зло» [9, с. 17].

«Фордовский капитализм» вызывает интерес, чего, увы, не в состоянии сделать нынешний реальный капитализм, — он все еще очень далек от идеала, прочерченного Генри Фордом. Этот человек, мечтавший о достижении гармонии как таковой, требовал учета различных факторов, в том числе и чисто человеческих, зная один критерий освоения действительности: «*Максимум пользы для большинства народа*» [9, с. 145].

Новые страны не отказываются от политики реформ и не изменяют принципам рыночного хозяйства, но, как показывает опыт, каждая из них стремится выработать свою «модель» соединения общих интересов. Например, «белорусская модель» развития позволила сохранить национальную экономику, социальную сферу, обеспечить рост социально-экономического развития страны. Суть «белорусской экономической модели» состоит в том, что здесь (в отличие от других стран СНГ) отказались от механического копирования чужого опыта, не пошли по пути квазиреформ, вследствие которых возникает «дикий рынок» со всеми его тяжелейшими пороками, изъянами и негативными последствиями для страны и народа. Власть Беларуси поняла и осознала необходимость самого активного регулирования государством рыночного процесса. Отказались от практики «реформы ради реформ», которую суверенной стране навязывали извне. Все это позволило Беларуси — первой на постсоветском пространстве — преодолеть кризисные тенденции в экономике и восстановить уровень производства 1990 года, сохранить и расширить сферу социальной заботы государства о народе. Несмотря на крайне ограниченные внутренние ресурсы, в Беларуси успешно реализуется задача поэтапного повышения уровня жизни народа. Экспертами ООН был сделан вывод о том, что уже сегодня Беларусь по индексу человеческого потенциала вышла на первое место среди всех стран СНГ.

Беларусь пошла на создание собственной модели развития не просто ради «оригинальничания». Изучив опыт других стран в области экономических преобразований, руководство Беларуси увидело, что какой-то универсальной, одинаково

пригодной абсолютно для всех стран и народов без исключения модели развития не существует вообще. Механически, бездумно переносить практику и опыт одной страны на условия другой недопустимо в силу специфики особенностей хозяйственной жизни, менталитета народа и национальных традиций каждой страны. Именно этот конструктивный подход к реформированию в наибольшей степени соответствовал национальным традициям страны, интересам большинства ее граждан. Решение даже самых сложных социально-экономических проблем общества должно проходить с наименьшими социальными издержками: в этом основа «белорусской модели развития».

Роль и основная функция государства в Республике Беларусь заключается сегодня в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, надежно и стабильно обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, эффективно подавить и искоренить организованную преступность, не дать развернуться коррупции и протекционизму. В Беларуси убеждены, что только сильная и деятельная власть позволила вытянуть страну из бездны политического и финансового кризиса, обеспечивает ее дальнейший прогресс.

Власть исходит из того, что стихийное, ускоренное и неподготовленное расширение рыночных отношений неспособно обеспечить положительный экономический эффект. Оно не позволяет радикально решить ни одну из существующих острейших проблем страны и народа, но в тоже время может создать новые проблемы, вытекающие из нерегулируемого государством рынка, нарушить общественное согласие, привести к острым конфликтам и общей нестабильности в стране. А ведь именно политическая стабильность является одним из главнейших условий возрождения и постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику.

Опыт реформ Беларуси показывает, что менталитет, традиции и жизненный уклад народа невозможно насильственно изменить путем грубой «ломки», в одночасье. Да и вообще, как можно менять, а тем более «ломать» то, что сам народ считает правильным и справедливым? Нужно ли это делать? Сторонники «белорусской модели» уверены, что нельзя бросать неподготовленных людей в пучину рынка, что необходимы многие десятилетия для выработки у них нового мировоззрения, которое позволит им самим принять осознанные решения о переходе к свободному рынку. Национальные интересы остаются главным приоритетом и главной целью в Беларуси.

И, пожалуй, самая главная составляющая «белорусской модели» — это сильная и эффективная социальная политика государства. Социальная политика, проводимая белорусскими властями, это не только помочь остро нуждающимся, но и постоянные инвестиции в здоровье граждан, в их профессиональное, культурное, личностное развитие, в их будущее и будущее страны. Власть прилагает усилия для того, чтобы не допустить социальной поляризации, ухудшения условий жизни слабо защищенных людей. При этом особое внимание уделяется молодому поколению.

Каждая страна идет своим путем и чем дальше, тем больше осознание своих национальных интересов, понимание былой общности. И напрасно тешат себя лидеры западного мира мыслью, что главное было — сокрушить «коммунистический Советский Союз». СССР сокрушен, но на его месте не складывается структура, которая была бы родственной структурам Запада. Она позволяет еще себя грабить и

торжествовать, но не дает чувства уверенности, не представляет собою геополитический оплот, потому что народное большинство ничего не получило от перемен, а перемены меньшинства не легитимны.

Разделение государств, вступивших на путь трансформации, на группы «любимчиков» и «отверженных» — это, вероятно, уже определившаяся тенденция. Досадно, что важнейшее историческое событие подвергается влияниям, в которых можно найти все, что угодно, *кроме желания использовать трансформацию не только во благо народам, сделавшим новый выбор, но и во благо всему человечеству*.

Иные политики хотели бы устроить между трансформирующимися странами соревнование, кто быстрее добежит до воображаемой отметки. За всем этим стоит естественная для капитализма (и для «посткапиталистической» его фазы) борьба каждого за свои собственные интересы. Дело в том, что любое повышение уровня жизни в бедных странах *в реальных условиях* нынешнего мирохозяйства не может не поставить под вопрос уровень жизни в богатых странах.

Но пока положение не меняется, индустриальные страны наводнены сырьем и дешевыми промышленными товарами, в том числе и из трансформирующихся стран. Более того, они предпочитают размещать производство в странах с низкой стоимостью рабочей силы или «арендуют» интеллектуалов из стран с переходной экономикой. Ряд крупнейших западных компаний, производящих высокотехнологичные изделия, почти целиком опираются на разработки русских, польских и других ученых.

Волна приватизации по всему миру позволяет избыточному капиталу западных гигантов приобретать дополнительную собственность по самым выгодным ценам. Чиновники, приватизирующие целые отрасли промышленности, в накладе не остаются, это и питает *«процесс углубления приватизации»*.

Но знают ли инициаторы этих процессов, чем они завершатся? Растет цена социальных программ, размываются зависимости, которые считались классическими. Кажется, процесс трансформации рассматривается все большим числом западных участников как временное решение, некоторая передышка в общем состязании за рынки сбыта и прибыль.

Это противоречие будет, конечно, разрешено, но не потеряем ли все мы вновь самые благоприятные шансы?

В заключение позволю себе сделать главный вывод — *процесс трансформации, начатый по единным шаблонам, в течение последних лет приобретает практически в каждой стране свои особенности, в каждой из стран образуется свой вариант рыночной экономики*. Этот процесс обладает столь значительным потенциалом и оказывает столь существенное влияние на общемировую ситуацию (идет незаметный процесс количественного накопления перемен), что я не исключаю появления принципиально новых решений, которые соединят политические устремления мировой экономики Запада с национальными нуждами реформируемых обществ Востока.

Издавна желанная для западных политиков трансформация «социалистического мира» вряд ли существенно укрепила основы западного общества. Напротив, мне кажется, что она приведет к обострению его проблем, потому что Запад

должен поступиться частью своих интересов, чтобы образовать «новый мировой порядок». Запад уже не может дистанцироваться от процесса перемен в Центральной и Восточной Европе, тем более что и сам все более подвержен пока не ясной, но мощной исторической тектонике. Однако желание пойти навстречу все еще недостаточно, чтобы трансформация приобрела характер не болезненной операции, а нормального естественного процесса.

Увы, ныне ни одна из стран Восточной Европы и СНГ уже не входит в категорию промышленно развитых стран, а реальная ситуация с положением в сфере социально-быта выглядит просто плачевно.

Все это ставит сотни новых вопросов, и не только простыми тружениками в новых государствах, но и научной мыслью, которая не находит в противоречивых условиях рычагов даже для простейшего восстановления ситуации на основе рекламируемых подходов. Одни называют рынок «формой оккупации победившего блока», другие утверждают, что рынок — это «заря нового процветания». Но рынок — это всего лишь обобщенные правила игры, установленные для всего человечества. Сами по себе они не решают проблем, и благоденствие одних все более повисает над бездной хаоса у других.

Только недавно правящие круги Запада, несколько отойдя от эйфории, начали осознавать свою ответственность за судьбу системы, которая может не оправдать возлагаемых на нее надежд. Реальный выход — в новом перераспределении мирового рынка, но на это вряд ли отважатся правительства государств — законодателей политической моды.

Пройдя все круги нынешних перемен, убедившись в том, что возможности отнюдь не всегда готовы воплотиться в реальность, я склонен разделить ту точку зрения, что *на передний план цивилизации выдвигаются проблемы разработки более плодотворной технологии управления социально-экономическими процессами*, чем это имеет место сегодня. Важно при этом, чтобы технологии отражали не умозрительные, своевольные установки верхов, не технические интересы обслуживающих государственную машину управленцев, а конкретные потребности конкретных тружеников, создающих реальные ценности.

То, что мы наблюдаем сегодня во многих странах, называя это трансформацией, — пока единственный в истории случай, когда большая группа стран пытается воспроизвести на своих территориях социально-культурный опыт других стран.

Совершенно ясно, что это удастся им только и исключительно при тех обстоятельствах, если трансформирующиеся страны сумеют стать деятельными участниками адекватной мировой социокультурной среды, в противном случае внутреннее несоответствие перемен рано или поздно взорвет их или существенно переменит их природу, инкорпорировав по необходимости и предыдущий социально-культурный опыт.

«Естественный» эгоизм гегемонистской группы стран как раз более всего препятствует врастанию экономик и обществ трансформирующихся стран в мировую систему, поскольку предполагает освобождение некоторых занятых ими ниш.

Все это неизбежно поведет к новому обострению общего положения.

Наконец, мы должны четко представлять себе роль и место трансформирующихся обществ в системе мировых политических и экономических связей, в частности, в системе европейской регионализации.

Поиск максимально возможной гармонии социально-экономического прогресса, может быть, новой гармонии убеждает в том, что народам нельзя навязывать формы быта, которые естественно не вытекают из его традиций. Всякая революция прекрасна только тогда, когда опирается на потребности в развитии, сформированные опытом истории.

Трансформация стала почти заурядной приметой современности. Придет время, и она будет не вокруг нас и не впереди, а позади нас. Сколько многое мы увидим новыми глазами!

Человек, который верит, способен созидать. Самые конструктивные идеи будут рождены опытом. Может быть, это и не льстит самолюбию ученых, но это еще раз говорит о том, что творцы действительности — не ученые. И не политики, конечно, хотя роль политики в нынешнем мире несоразмерно возросла.

Практика рождает лидеров, которым по плечу задачи трансформации, представляющиеся ныне слишком сложными и порой неразрешимыми. Каждый новый камень, заложенный новыми лидерами в фундамент нового мира, будет расширять круг их сторонников, умножать их силы. Были бы их идеи верны исторической правде.

Крушение Советского Союза вывело мир из равновесия. Восстановить его, как восстанавливают положение на шахматной доске, конечно же, не удастся. Но равновесие будет достигнуто через трансформационный процесс, которого жаждал западный политический мир, — теперь он предопределит и лицо самого Запада.

Джеймс Цанден в своем пособии по социологии приводит пример поведения в палате пациентов, которым сделана операция на сердце. У всех общие жалобы и общая цель [10, с. 374]. Это довольно точный образ для современного человечества, которое втянулось в один процесс — «операцию», ее делает над всеми истощенная внешняя среда.

Если нежелателен новый взрыв, то, вероятно, разумно допустить возможность новых комбинаций и компромиссов. В конце концов, все зависит от того, какую геополитическую роль будут играть страны трансформационного пространства в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы теории и практики управления. 1992. № 4.
2. Проблемы теории и практики управления. 1995. № 5.
3. Нищета, дети и социальная политика. Путь в более светлое будущее / Исследование положения в странах с переходной экономикой. Региональный мониторинговый доклад. 1995. № 3. Детский фонд ООН.
4. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
5. Ильин И.А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск. 1991.
6. Социально-политический журнал. 1994. № 9—10.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. 1995.
8. Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991.
9. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989.
10. James W. Vander Zanden. Sociology. The Core (Second Edilion), Ohio State University, 1990.

Роберт РОШКО

Гражданское общество: попытка историко-социологической рефлексии

Когда мы в Социологическом институте Словацкой академии наук приступали к изучению гражданского общества, его состояния и проблем развития после ноября 1989 г., то обнаружили целый ряд имплицитных, нередко даже и открыто декларировавшихся сомнительных предположений. К числу последних можно отнести, например, высказывание тогдашнего премьер-министра чешского правительства Петра Питтарта, что под гражданским обществом надо понимать все, что не является государством. В общедоступной интерпретации это означает, что гражданское общество является составной частью более сложного социetalного образования. Из него необходимо что-то исключить — в данном случае часть, называемую государством, и только тогда мы обнаружим границу второй искомой части, называемой гражданским обществом.

Этот метод определения через парциализацию может быть еще более радикальным, чем у бывшего чешского премьер-министра. В некоторых публицистических текстах начинающих авторов дело представлялось таким образом, что якобы за пределами гражданского общества находится вся сфера политики, целый спектр политических партий. Якобы под гражданским обществом необходимо понимать только те общественные союзы, инициативы и движения, которые не ставят целью достижение государственных властных позиций. В качестве другого варианта такого «остракизирующего» подхода, под гражданским обществом необходимо понимать то, что сейчас называется «третьим сектором», т.е. не приносящие дохода организации, и только его.

Все решения такого типа на некотором этапе работы над исследуемой проблематикой мы начали рассматривать как неприемлемые, следующие из ложных предпосылок. Мы пришли к выводу, что все конкретно-эмпирические общественные комплексы, когда-либо существовавшие или существующие в истории, — это

Этот существенно сокращённый текст из книги Роберта Рошко *Словакия в конце тысячелетия* избран для перевода и публикации профессором Ладиславом Махачеком — ответственным редактором издания. Читателю, более глубоко интересующемуся рассматриваемой в статье проблематикой, рекомендуем обратиться непосредственно к монографии R. Roško *Slovensko na konci tisícročia* (Bratislava: Veda, 2000. 404 р.). Р. Рошко (1932—2000) — один из основателей Социологического института Словацкой академии наук.

комплексы (и именно только они!), которые могут быть объектом изучения с разных возможных точек зрения. Одна из них: сконструированы ли они таким образом, что мы вправе их называть обществами гражданского типа, или нет.

Это первый шаг к историческому, структурно-генетическому подходу к вопросу, который уже Аристотель считал в гносеологическом плане крайне продуктивным. Подход, предписывающий овладение знанием о всей совокупности исторических сообществ, быстро обнаружит, что ни одно конкретно-эмпирическое общество — в том числе наше, расположенное между Дунаем и Татрами, — не является гражданским «от природы», а становится таковым в ходе популяционного, селитебного, экономического, социального, политического, духовного и коммуникационного, короче говоря, культурно-цивилизационного развития. Организационным принципом раннеисторических обществ является родовой принцип. Организационным принципом обществ современных является гражданский принцип. Переход от одного принципа к другому произошел относительно недавно, и принцип гражданственности представляет собой только довольно хрупкую культурно-цивилизационную надстройку над родовым принципом, которая к тому же, очевидно, еще не исчерпала всех возможностей внутреннего развития и совершенствования. По поводу перехода от родового общественного строя к гражданскому необходимо сказать, что это не фатальный, возвышающийся над человеческой рациональностью, эмоциональностью и нравственностью процесс. Предполагается, что люди хотят быть гражданами и что-то для этого делают. Если они не избавились от системы отношений предгражданского общества или, если уже начали от нее освобождаться и достигли определенных позитивных результатов, остается риск возвратного движения к предгражданскому состоянию и к деструкции гражданственности. К сожалению, эта вторая возможность реализовалась в нашем собственном словацком историческом опыте, с которым мы после ноября 1989 г. медленно и сложно расставляемся, самоосознавая себя.

Необходимо должным образом подчеркнуть факт *неравномерности* процесса трансформации предгражданского общества в гражданское. Такого рода трансформационный процесс, сочетающий медленное продвижение по пути реформ с резкими поворотами вспять, очевидно является асинхронным. Это значит, что у него есть геополитически локализуемые инициирующие очаги, из которых он распространяется во все стороны света. Исторически первые мощные импульсы гражданократической революции дала античная Греция, т.е. европейский Юг. Затем значительный вклад внес расположенный дальше к западу античный Рим. После распада Римской империи в той же роли выступили средневековые городские общности, не позволившие погаснуть искрам гражданократии. Очагом гражданократической революции в современном пострабовладельческом и постфеодальном смысле является западная часть европейского континента во главе с Англией и Францией, к которой присоединяется параллельная в своем развитии трансатлантическая Северная Америка. Оттуда идет экспансия идей гражданократической революции в остальные части мира, их укоренение там с определенным опозданием в зависимости от того, с какими локальными цивилизационными барьерами встречается и сколько энергии требуется для их преодоления. Центр Европы отстает меньше, восточная ее часть больше.

Совершенно сознательно я употребил понятие «гражданократия» там, где наверное большинство авторов отдало бы предпочтение понятию «демократия». Я считаю, что это понятие более точно отражает то, о чем идет речь в рассматриваемом крупномасштабном «проекте» перестройки мира. В нашей культурно-языковой среде к тому же слово «демос» (народ) не совпадает с представлением всех граждан без исключения, оно отягощено классово дисквалифицирующей тенденцией, оправдывающей господство, власть, тиранию большинства.

В вопросе о периодизации гражданократической трансформации общества в ее современном антифеодальном смысле, теоретическое первенство, как в постановке, так и в решении этой проблемы принадлежит английскому социологу Т.Г. Маршаллу. Все это мы найдем в его эссе *Citizenship and Social Class*, написанном в 1950 г. Главная идея его заключалася в том, что гражданократический статус человека рассматривается как структурированное целое, разделенное на три сегмента:

1. civil citizenship (словацкий эквивалент не установлен, преобладает уклончивый перевод «гражданство в узком смысле» с указанием на то, что речь идет об основных и исторически исходных гражданских свободах и правах)

2. political citizenship (политическое гражданство)

3. social citizenship (социальное гражданство)

Все эти сегменты непосредственно связаны между собой и пересекаются друг с другом на уровне конкретных прав и свобод. Каждый из сегментов реализуется в определенный момент развития общества. На примере английской истории Маршалл показал, что период первого гражданократического сегмента выпал приблизительно на XVIII столетие, второго — на XIX и третьего — на XX века соответственно.

Для «запаздывающих» обществ эта классическая последовательность необязательна. Например, как известно, в бисмарковской Германии по определенным политическим причинам реализация социального гражданства началась раньше, чем вступили в действие два других его вида. Импортированный чешско- словацкий эксперимент по строительству реального социализма, в свою очередь, уникalen тем, что главной его целью было развитие социального гражданства методом разрушения уже достаточно зрелых первых двух сегментов гражданства. С точки зрения теории развития Маршалла, которую я считаю более авторитетной по отношению к формационной теории Маркса (а значит требующей ее пересмотра и исправления), это не могло завершиться иначе, как гражданократической революцией, направленной на обновление истощенных сегментов гражданства. Законодательно это было осуществлено отменой статьи дональбрьской конституции о политической монополии КПЧ, а также принятием Хартии основных прав и свобод как фундамента нашей последнейбрьской конституционности.

Необходимо сделать еще несколько замечаний по поводу отношения «гражданское общество — государство», ибо это центральная проблема исследования. Я уже приводил высказывание Петра Питгарта о том, что под гражданским обществом надо понимать все, что не является государством. В свою очередь Франтишек Шамалик в последнее время утверждает нечто иное, определяя государство как подсистему гражданского общества. Казалось бы, правда на стороне или первого, или второго — *tertium non datur*. Но это совсем не так. Оба ученых и правы,

и не правы. К апробации на практике двух упомянутых точек зрения побуждает политолог Роджер Скруトン своим фундаментальным по важности разделением на государства гражданского типа и крепостнического.

В государстве гражданского типа власть производна от граждан как исходных элементов гражданского общества. Этот тип государства и определяется как подсистема гражданского общества. Крепостнический тип государства, в котором власть производна от иных источников — Бога (как в теократиях) или от пронизанного мессианским духом группового интереса (как в более новую эпоху), — является по отношению к гражданскому обществу чуждой внешней реальностью.

Гражданское общество является государственно организованным обществом, и дело не только в том, чтобы в отношении «гражданин-государство» гражданин не оказался в служебной роли, но в том, чтобы государство служило гражданину. Это не чисто морально-политический постулат, не имеющий прочного экономического обоснования. Службы гражданского государства заказываются и оплачиваются гражданином как свободным и равноправным участником рыночного хозяйства, и это звание, которое дает ему право оценивать качество служб и на выборах в парламент, и между выборами — возможность публично сказать «нет» в случае, если качество соответствующих служб не соответствует его ожиданиям. Гражданократическое правовое государство связано с рыночной экономикой настолько, что оно без нее вообще не может возникнуть, и при попытках ее ликвидации, как показал коммунистический эксперимент, быстро вырождается в крепостнический тип государства. Эту зависимость гражданократического государства от рынка необходимо было бы очень подробно исследовать и не спешить с выводами. Особенно предостерегаю от легкомысленного отождествления понятий «рыночное хозяйство» и «капиталистическое хозяйство». Рынок появляется гораздо раньше капитализма, и в своем докапиталистическом виде воспроизводится и после возникновения капитализма, сосуществуя с ним как нечто от него отличное. Современное социальное рыночное хозяйство можно рассматривать как преодоленную форму ориентированного исключительно на прибыль капитализма, хотя не преодоленную по марксистскому рецепту. Социально и экологически ориентированное рыночное хозяйство является и единственным цивилизованным средством интеграции национально-государственных гражданств в евргражданство и однажды, быть может, в мирогражданство.

Между прочим, одним из аргументов против разделения ЧСФР было то, что оно будет происходить тогда, когда Европа объединяется. Кроме того, это якобы шло вразрез с гражданским государствообразующим принципом. На самом деле, распад посленоябрьской Чехословацкой Федеративной Республики был органичным, хотя и не фатально неизбежным результатом обновления гражданского общества.

Каждый, кто в нашей посткоммунистической ситуации ставит гражданство и государство в отношения противоречия, находится под воздействием самообмана, видя только один из существующих вариантов отношений между двумя этими реалиями. То есть случай, когда государство гражданина отчуждает, выходит из-под его контроля и начинает функционировать вопреки его потребностям и интересам. Подобная девастация гражданского государства одновременно является и девастацией гражданского общества, и одно не может обновится и рекультивироваться без оживления и рекультивации другого.

Свою долю ответственности за сохраняющуюся неопределенность в вопросе об отношении гражданского общества и государства несет в нашей культурной среде каждый, чье представление сформировало некритическое восприятие парадигмы Гегеля или ее упрощенной трактовки в известном изречении Маркса из сочинения *Немецкая идеология*: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства. Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности. Буржуазное общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всякой иной идеалистической надстройки» (К. Маркс — Ф. Энгельс, Т. 3. М., 1955, с. 35).

Отделение Питтгартом гражданского общества от государства перекликается с тем, о чем говорится в самом начале приведенной цитаты. Но для полного соответствия к выражению «обнимает все материальное общение индивидов» необходимо было бы прибавить «и ничего, кроме него». Однако уже вторая фраза Маркса это исключает — говоря о гражданском обществе (в значении «материальное общение индивидов»), он явно заявляет, что оно «должно организоваться как государство». Выражение «должно» означает обязательность связи. Государственная организация здесь — нечто такое, что принадлежит к числу имманентных условий гражданского общества. И это должно быть не любое государство, а именно государство гражданского типа, государство как общество граждан. В области «материального общения индивидов» (экономика) создаются основные социоструктурные предпосылки возникновения и развития гражданского общества, однако без установления гражданского типа государственной организации (политика) этот процесс не может считаться завершенным. Завершенным будет считаться то гражданское общество, в котором присутствует историческое территориальное сочленение двух гражданских культур: экономической (современное рыночное хозяйство) и политической (современная демократия, которая, считаю, заслуживает более точного названия — «гражданократия»). Впрочем, более существенным и важным является последующий процесс подчинения экономики политической культурой, которая принимает на себя инициативу и управление. Можно было бы также (возражая Гегелю, Марксу и Питтгарту) сказать, что гражданское общество — это то общество, которое неразрывно связано со сферой политики и государства.

Государство является внутренним структурообразующим элементом гражданского общества, его влияние настолько велико, что, когда мы произносим слово гражданин, немедленно напрашивается добавление «американский», «французский», «немецкий» и т.д. А теперь еще и «словацкий», причем в данном случае имеется в виду членство в государственной, но не национальной коллективности. Чтобы быть гражданином Словакской республики, мне вовсе не нужно быть этническим словаком и уж тем более — словацким националистом.

Эта констатация позволяет обратиться к исследованию более общих социологических проблем, разрабатывающихся только в последнее время. Важно заметить, что чем более конкретный индивид в социально-групповом отношении дифференцирован, тем очевиднее, что принадлежность к каждой отдельной группе связана с активизацией лишь части его суммарного человеческого и социокультурного потенциала, причем специализированной части. От представителя гражданского общества люди ждут чего-то качественно иного, чем от представителя национальной общности, предприятия, семьи, участника дорожного движения или театрального зрителя. А от исследователя-социолога (лишь одного из прочих социальных назначений человека), который собирается изучать процесс возрождения гражданского общества в Словакии, естественно ожидать способности разбираться в данной проблематике и данную способность проявить на практике.

Этого можно достичь, как минимум, с помощью двух значительных социологических понятий, без которых концептуальное оснащение проекта изучения гражданства было бы крайне неполным: «гражданский статус» и «гражданская роль». С помощью первого понятия идентифицируется формально-юридическая сторона принадлежности к группе, с помощью второго — его динамическая, деятельностная сторона.

Думаю, что нельзя обойти стороной проблему внутренней структуры или сегментизации гражданства, по поводу которой у меня есть несколько замечаний и соображений. Прежде всего важно отметить, что речь идет о междисциплинарной проблеме. В ее изучении вместе с юристами участвуют политологи, социологи и исследователи других направлений. С тех пор, как благодаря английскому социологу Т.Г. Маршаллу в гносеологический оборот введена теория трех видов, а одновременно и трех фаз развития гражданства (что произошло практически ровно в середине XX столетия — в 1949 г. в форме лекции, а годом позже в форме эссе *Citizenship and Social Class*), всякое профессиональное обсуждение проблемы правового государства было бы несоответствующим достигнутому уровню развития человеческого познания, если бы эту теорию не принимало во внимание и не считалось с ней.

Это теория, постоянно будоражащая, а значит живая, уже почти полвека вызывающая дискуссии и полемику среди заинтересованных специалистов (вспомним на выбор хотя бы Гидденса, Боттомореа, Хабермаса, Барбалета, Манна, Тернера). В ходе этих дискуссий положение Маршалла о внутренней структурированности гражданства в целом принимается, но сама теория ученого нередко подвергается критике. В частности, делаются попытки ее совершенствования, создания адекватных гносеологических рамок для понимания и объяснения прошлой и настоящей истории гражданского правового государства, его исторического возникновения и развития.

В Словакии, как и в других бывших обществах так называемого советского типа, существует необходимость устранения косых представлений, недостатков и недочетов в исследовании проблемы развития гражданского общества. Ведь ни одно из заинтересованных отечественных научных сообществ в доноябрьский период в этих теоретических дискуссиях по известным причинам не участвовало.

Путь исправления не будет простым и легким. При этом речь ни в коем случае не идет о том, чтобы о теории Маршалла что-то еще разузнать или, тем более, ее вызубривать. Перед нами стоит задача ее освоения. Именно понимание теории

Маршалла поможет нам, относясь критически к словацкой доноябрьской действительности, понять ее, объяснить и примириться с ней.

Наконец пришло время, когда не марксистская негативистская теория гражданского общества будет создавать, перефразируя слова самого Маркса, ключ к пониманию теории трех видов гражданства Маршалла. Напротив, сама эта теория возвышается до положения «ключа» к пониманию (иialectическому отрицанию) марксистской теории гражданского общества. Фундаментальная ошибка Маркса, предопределившая и некоторые его дальнейшие теоретические решения, коренится в постановке знака равенства между гражданским и буржуазным обществом. Эта идея эксплицитно декларируется уже в раннем произведении Маркса и Энгельса *Немецкая идеология*. Отождествление гражданского и буржуазного общества делает зависимым существование одного от другого. Так, противник буржуазного общества автоматически должен стать и противником гражданского общества, а также противником гражданства как принципа обобществления. Целью в таком случае не может быть развитие гражданского общества, но его уничтожение, вместо гражданского (т.е. буржуазного и капиталистического) общества надо установить общество типа коммуны. Именно коммуну как тип организации общества, в определенное время, благодаря Ленину, названный советским обществом, мы после Второй мировой войны еще четыре десятилетия испытывали в Словакии.

Полноправными членами общества, согласно Маршаллу, люди становятся, лишь когда они являются носителями гражданского статуса не только в смысле *«civil citizenship»* (под которым понимаются гражданские права и свободы в узком смысле: частная собственность, свобода слова, договорные отношения, охрана гражданина от собственного гражданского государства), но и в смысле политического гражданства (*«political citizenship»*) и, наконец, в смысле так называемого социального гражданства (*«social citizenship»*). Политическое гражданство реализуется через участие в исполнении политической власти в масштабах государства и населенного пункта, социальное гражданство — участием в достигнутом обществом благосостоянии. Выделение трех видов гражданства неизбежно вело Маршалла к различию полного гражданства от его не до конца развитых вариантов. Чтобы человек был полноправным членом гражданского общества, его гражданский статус должен складываться из прав и обязанностей, относящихся к сфере всех трех видов гражданства. Из этого следует важное положение о том, что становление гражданского общества не может быть делом одноразового законодательного акта, а лишь результатом долгосрочного развития правового порядка. На примере Англии Маршалл показывает, что реализация идеи полного гражданства осуществлялась в течение нескольких столетий, причем в XVIII в. шло в основном создание *«civil citizenship»*, в XIX в. — *«political citizenship»*, а в XX в., и особенно в его второй половине — формирование *«social citizenship»*. Самое молодое социальное гражданство — наиболее хрупкое и неустойчивое, а поэтому и наиболее проблематичное. В период становления гражданского общества возможен даже кризис социального государства, связанный, как правило, с повторяющимся экономическим упадком и ростом безработицы в системах с рыночным хозяйством. Кризисные состояния социального гражданства, вероятнее всего, приведут к его модификациям, большей рационализации, но не к уничтожению. В обществах с рыночной экономикой соци-

альное гражданство является необходимым интегративным правовым механизмом, без которого было бы невозможно достичь динамического равновесия между производительностью и социальной справедливостью.

Безусловно, Маршалла как социолога чрезвычайно волнует вопрос отношения между разными видами гражданства, с одной стороны, и разными компонентами социальной структуры — классами, слоями, группами — с другой. Не случайно свое эссе он назвал *Citizenship and Social Class*. Социальная структура в своей статике и динамике добавляет борьбой за развитие гражданского правового государства субъективную энергию, причем очевидно, что проект определенного вида гражданства неодинаково привлекателен для отдельных социальных сил и всех ассоциированных и индивидуальных социальных факторов. Если мы рассмотрим главное противоречие современной истории между капиталом и наемным трудом, то обнаружим много доказательств того, что сторонники той или иной позиции чаще различаются, чем сходятся в оценке значения соответствующего вида гражданства. Это отражается в плурализме несовместимых идеальных направлений и взглядов, касающихся государства и особенно социального государства. Если учитывать отношения между трехкомпонентным гражданством Маршалла и социальной структурой, то станет более понятна и объяснима специфичность положения марксизма в истории социальных теорий. Легче будет объяснить это временное головокружительное распространение учения Маркса о бесперспективности гражданского общества, а также раскрыть сущность последующего коллапса этого учения на практике. Маркс выступал на стороне наемного труда в то время, когда даже в наиболее развитой Англии не была завершена борьба за осуществление проекта политического гражданства и когда интеграция пролетариата в гражданское общество в форме социального гражданства виделась за таким нереально далеким горизонтом, что могла показаться утопией и сном. Это были, на мой взгляд, главные социальные детерминанты, следствием которых стала наука о бесклассовом коммунизме как альтернативе гражданского общества, о бесперспективности какого угодно, но в том числе и правового демократического государства, и о диктатуре пролетариата как промежуточном этапе на пути к намеченным целям.

Как только возможность интегративной функции политического и социального гражданства стала очевидна, наступил — со стороны труда как оппозиции капиталу — важный перелом, проявляющийся в его расщеплении на принципиально реформистскую и ортодоксально революционную часть. Вовсе не случайно реформисты преуспевали и преуспевают в экономически, политически и культурно развитых сферах, тогда как перед ортодоксальными революционерами открылась возможность экспериментировать — самыми мощными примерами являются Россия и Китай — по преимуществу в более отсталых структурах.

Капитуляцию коммунистических режимов в Восточной и Центральной Европе надо рассматривать в качестве доказательства того, что альтернативой гражданского общества является только гражданское общество. Хотя и гражданское общество в развитии. Это развитие — по крайней мере, в интерпретации Т.Г. Маршалла — реализуется таким образом, что три вида гражданства как неотъемлемые компоненты современного правового государства кумулятивно наслаждаются друг на друга. Следует лишь принять во внимание многочисленных критиков, кото-

рые по поводу теории Маршалла утверждают, что она отдает дань английскому этноцентризму. На самом деле, это означает, что английская очередность наслаждения отдельных гражданств актуальна не для всех стран мира. Уже бисмарковская Германия конца XIX в. показала, что можно начинать с установления социального гражданства и социального государства. Это стало историческим фактом, который явно сыграл инспирирующую роль и в концепции коммунистического эксперимента. В любом случае, важно подчеркнуть, что, если сегодня в Словакии мы постулируем необходимость обновления гражданства, то это касается, прежде всего, основных гражданских прав и свобод (гражданство в узком смысле) и политического гражданства. Что касается социального гражданства, то здесь мы просто не должны слишком сильно опуститься ниже уровня дононабрьских времен, разумеется, не без эффективной системной модернизации его философских, экономических и институциональных основ.

О понятии «демократия» я бы сказал, что оно отягощено мышлением постфеодального типа. Речь идет о власти людей, осуществляющейся в противовес власти феодальной аристократии. В этом содержится и элемент диктата воли людей против диктата воли «шляхты». Поскольку «народ» классово дифференцирован, из требования демократии *per analogiam* последовало требование диктатуры пролетариата против диктатуры буржуазии, приведшее к советско-русскому эксперименту с коммунизмом и затем к холодной войне с ее известным итогом в виде фальсификации коммунистической экспериментальной гипотезы.

Думаю, что понятие «гражданократия» не отягощено подобным постфеодальным грузом. Оно противостоит не какой-либо конкретной исторической форме цивилизационного дефицита, а цивилизационному дефициту в целом. Это форма перехода от предцивилизации к цивилизации и от низших ступеней цивилизованности к высшим.

Поскольку под демократией подразумевается не то, кто является источником государственной власти, а как государственная власть реализуется, на рубеже двух тысячелетий речь идет о мощном обогащении традиционного концепта демократии, основанного на преобладании представительных форм гражданского самоуправления, о самоуправленческом измерении прямого, неопосредованного типа, смягчающем жесткость представительной модели.

Подчеркиваю слово «обогатить» с намерением отвести подозрение в том, что моей целью является замена демократии гражданократией. Это не слишком отличалось бы от марксистского проекта с его заменой демократии негосударственным коммунистическим самоуправлением. Гражданократию нельзя понимать как гражданское самоуправление минус традиционные демократические институции. Гражданократию создают традиционные демократические институции плюс институции гражданского самоуправления.

Постсталинская попытка Хрущева перейти в Советском Союзе от деспотизма к самоуправлению была обречена, потому что игнорировала структурную неизбежность «промежуточного шага» в виде обновления традиционной демократии западного типа. «Пражская весна» в своей наиболее многообещающей части, представленной гражданским движением «беспартийных участников», к которому коммунисты-реформаторы в принципе относились толерантно (в чем я вижу главную

заслугу чехословацкого реформаторского коммунизма!), зашла в этом направлении намного дальше хрущевского утопического антисталинизма. В отличие от постсталинской оттепели Хрущева, «Пражская весна 1968 года» спровоцировала мощный позитивный сдвиг. Этот сдвиг обусловлен тем, что «Пражская весна» в своем антисталинском критицизме могла основываться на образце масариковско-штефаниковской демократии западного типа, тогда как хрущевскому антисталинизму такой внутренней исходной возможности по сути недоставало. И добавлю: недостает и сегодня.

Что касается переломного 1989 года и последующего развития, то словацкий путь в одном пункте существенно отличается от чешского. Но различие проявляется не в том, что это путь, обусловленный результатом холодной войны, в которой мы оказались вместе на стороне проигравших. Ведь, если поражение в холодной войне означает, что не «мы» будем глобализировать западные демократии, а победившие западные демократии будут глобализировать «нас», значит в этом отношении мы — чехи и словаки — абсолютно равны. Различие коренится в том, что словацкое общество отстало от чешского в пункте, который я бы назвал «степенью внутренней подготовленности» к освобождению из западни «восточной» ориентации и в переориентации в направлении к «западным» образцам. Причем, характерно, что это в современную эпоху уже стало традицией.

Словацкое отставание можно считать следствием слабости диссидентства в Словакии в предноябрьские времена вплоть до выпадения СР из числа участников первой волны кандидатов на членство в западной системе безопасности и Европейском союзе. Если чехи начали работать над возрождением гражданского общества в его современном понимании задолго до 1989 г., словаки получили такую возможность собственно лишь после 1993 г., и то в ситуации, когда речь уже шла не о сопротивлении коммунистической диктатуре, а о решении вопроса, будет ли эмансипированная Словацкая республика развиваться в направлении к националистически и популистски ориентированному авторитаризму или к гражданократии.

*Перевод со словацкого
ЛЮБЫ КРАЛЁВОЙ,
Н.В. КОРОВИЦЫНОЙ*

ЛИТЕРАТУРА

1. Marshall T.H. Citizenship and Social Class. // Marshall T.H., Bottomore T. Citizenship and Social Class. London: Pluto Press, 1991.
2. Szacki J. Ani ksiaze, ani kupiec: obywatele. Wybor tekstow i wstep: Powryt idei spoleczenstwa obywatelskiego. Krakow: Znak, 1997.

Павел МАХОНИН

Кристаллизация социального статуса и постсоциалистическая трансформация

Проблема социального неравенства всегда была и остается поныне одной из основополагающих проблем социологического познания. Наряду с классовой дифференциацией, или одновременно с ней, вертикальные дифференции в современном обществе все чаще идентифицируются и измеряются как различия в социальном статусе. Это понятие используется для самого общего обозначения социальной позиции индивидов в вертикальной социальной дифференции внутри группы или в обществе в целом в соответствии с определенной ролью. На статусных различиях, характерных для отдельных сообществ людей, строится теория социальной стратификации (расслоения). Как в теории классов, так и в теории социальной стратификации, как в марксистских, так и в либеральных подходах, в первую очередь, подчеркивался экономический аспект положения индивида или группы. Основой марксистского понимания классов являлась дифференциация в зависимости от отношения к собственности на средства производства или же экономического капитала, которая в неомарксистском понимании классов постепенно дополнялась и некоторыми другими аспектами, относящимися к профессиональной деятельности. Первые представления о социальном расслоении были связаны именно с профессиональной дифференциацией. Она строилась сначала исходя из той значимости, которую отдельным профессиям придавало общество, т.е. из их социального престижа, а позднее — из эмпирически установленной профессиональной иерархии, соответствующей взаимосвязи уровней образования и дохода, характерных для той или иной профессии.

Однако, уже начиная с исследований У.Л. Уорнера [1] стало известно, что существует несколько различных измерений социального статуса, в частности, взаимосвязь престижа профессии, богатства и власти. В веберовской традиции к числу статусных показателей относились и культурные характеристики, прежде всего, уровень и стиль жизни. Г. Ленски в 1954 г. включился в разработку этой проблематики известной статьей «Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса» [2]. В ней, а затем и в книге «Власть и привилегия» (1966 г.)

[3] он высказал мнение, что различные показатели вертикального социального положения отражают лишь частные аспекты общего (многомерного) социального статуса. Следовательно, необходимо обращать внимание также на характер взаимосвязи позиций на различных шкалах, отражающих частные аспекты социального положения у каждого из обследованных индивидов, а значит и консистентности (соответствия, согласованности) или неконсистентности (несоответствия, несогласованности) статусных характеристик в пределах группы или всего общества. Он выдвинул гипотезу о том, что разный уровень соответствия или несоответствия в значительной степени влияет на отношения и поведение людей, особенно в смысле роста радикализации лиц с неконсистентным статусом. Поэтому он начал изучать вопрос о степени завершенности процессов кристаллизации многомерного статуса, справедливо утверждая, что степень статусной кристаллизации (соотношения соответствия и несоответствия) представляет собой еще одну, невертикальную, характеристику статусной позиции.

Наибольший резонанс эти представления нашли в центральноевропейских обществах, где в результате быстрой и радикальной социализации после Второй мировой войны произошли неравномерные изменения в положении людей по отдельным параметрам социального статуса. Типичным проявлением статусной неконсистентности в 1960-е годы было противоречие между высоким образованием, квалификацией и культурой стиля жизни, с одной стороны, и более низкими по сравнению с ними доходами и участием во власти, т.е. в принятии решений — с другой. Чаще всего это противоречие отличало лиц, которые явились участниками нисходящей индивидуальной или коллективной мобильности. Напротив, высокие доходы, участие во власти и неадекватно низкий уровень образования и культуры стиля жизни, отмечался, как правило, у тех, кто испытал восходящую мобильность. Этой проблематикой занимались польские социологи (В. Веселовский, К.М. Сломчинский), чехословацкие (П. Махонин, Й. Лаубер и др.) и венгерские (Т. Колоши, П. Роберт). Следует назвать, прежде всего, книгу «Чехословацкое общество. Социологический анализ социальной стратификации», вышедшую в 1969 г. [4], в которой была предпринята серьезная попытка раскрыть эту проблематику через создание типологии статусных образцов на основе метода кластерного анализа.

В мировой социологии, которая обычно пользуется традиционным экономико-профессиональным понятием статуса, отражающим влияние скорее неомарксистского классового подхода (Е.О. Райт, но также русские и польские социологи), а также подхода неовеберианского (Голдроп, Эриксон, Портокареро), проблематика статусной кристаллизации занимает явно периферийное положение. В новом издании сборника «Социальная стратификация в социологической перспективе», подготовленном Д. Груски [5], проблема многомерного социального статуса и статусной несогласованности лишь кратко упоминается во введении как одно из направлений исследований в русле идей М. Вебера, а в последнее время, очевидно, и постмодернистских концепций множественности личностных идентичностей, однако без характеристики перспектив дальнейшего развития этого научного направления. В сборнике даже не нашлось места для какой-либо из новаторских работ Г.Е. Ленского.

Несколько позднее — в 1996 г. — к рассматриваемой проблематике обратился Д. Смит в книге «Процесс статусной социологической кристаллизации: социологическая Одиссея» [6]. Он представил подробный анализ двухсот статей, которые были в последние десятилетия (в основном в 1960-е — 1980-е годы) посвящены этой теме, обратив внимание на неиспользованные возможности более широкого обобщения и теоретического обоснования данной проблематики, а также на отсутствие как адекватной методологии, так и целенаправленных усилий по ее теоретическому применению. Он считает оправданным использование дифференциальных уравнений для совершенствования методологической основы такого рода исследований. Д. Смит, к сожалению, не заметил, насколько распространена эта концепция в странах госсоциализма, позже — постсоциалистических как свидетельство того, что именно в условиях стремительного «преодоления», как и трансформационного «обновления» классической вертикальной дифференциации классового или стратификационного типа и, кроме того, определенного модернизационного кризиса, эта проблематика зримо выступает на передний план. Ни Груский, ни в равной мере Смит не ставят вопроса о том, насколько в развитых капиталистических странах, особенно в США, интерес к статусному несоответствию оказался приглушенным вследствие господства либеральных принципов в анализе социальной стратификации, когда заранее предполагается существование относительного меритократического соответствия статусных показателей, хотя в самой их общественной действительности с проявлениями такого рода несоответствия можно встретиться довольно часто.

Своеобразный вклад в дискуссию о статусном соответствии/несоответствии внес французский социолог П. Бурдье своей теорией «форм капитала», появившейся в 1984 г. [7]. Позднее он же при анализе социального пространства в своей книге о теории действия выходит на проблему неконсистентности социального положения, выделяя два измерения статуса: во-первых, общий объем имеющегося в распоряжении капитала и, во-вторых, его структура, т.е. относительный объем двух типов капитала — экономического и культурного. При исследовании общества советского типа к этим двум формам капитала он добавляет еще третий, а именно, властно-политический капитал. Понятие капитала, которое П. Бурдье применяет в русле марксистской традиции, вносит, однако, в проблематику социального статуса априорное представление о реализации совокупности позиций на рынке труда или капитала лишь с целью получения прибыли, что совершенно не отражает многообразия существенных аспектов вертикальной социальной дифференциации.

* * *

Убежден, что ни меритократический принцип привязки к социально-экономическим позициям, ни тот же принцип вознаграждения по заслугам в той мере, в какой это могло бы воспрепятствовать статусной неконсистентности, не являются доминирующими даже в наиболее развитых современных обществах с господствующим капиталистическим строем. Главная причина этого явления кроется, собственно говоря, в постоянно действующей системе наследственного переноса экономического, политического, социального и культурного капитала путем межпоколенческой мобильности, которая, естественно, создает ощутимые преимущества для выходцев из богатых семей с престижными общественными и политическими

связями, с более высоким уровнем образования и развитым стилем жизни — независимо от их личностных предпосылок, и одновременно ставит в невыгодные условия выходцев из семей с противоположного края шкалы неравенства. Это дает возможность менее способным лицам в ряде случаев занимать привилегированное положение и, наоборот, более способных точно также удерживать на позициях ниже уровня их индивидуальных возможностей. До действительного равенства шансов, которое открывало бы перспективу достижения желаемого уровня образования, а он беспрепятственно мог бы дополняться остальными статусными параметрами, очень далеко даже самым модернизированным, самым демократическим и самым социально справедливым обществам. Более того, быстрые изменения, происходящие под влиянием научных открытий, технологических инноваций, информационной и образовательной революций, сплошь и рядом порождают в условиях рыночной конкуренции неоправданные взлеты и падения — иногда неявно, но, как правило, слепо и жестоко. В таких обществах многочисленные препятствия для меритократического достижения консистентного статуса постоянно создают и другие исходно заданные (аскриптивные) социально-культурные барьеры: расовые и этнические, религиозные, региональные, отраслевые, профессиональные, гендерные, возрастные и т.п. Часть населения изначально исключена из участия в трудном и полном драматизма соревновании за соответствующее профессиональное положение и обречена на роль общественного аутсайдера, в то время как для других их личные качества становятся основой стремления к достижению более высокого положения. Некоторые из этих барьеров настолько трудно преодолимы, что, очевидно, сохраняются и в обществах, в высокой мере социально реформированных, и даже в теоретически конструируемых моделях посткапиталистического общества. До перехода к меритократическому порядку, редуцирующему появление статусного несоответствия, далеко даже самым развитым странам, хотя в некоторых из них, где были достигнуты соответствующие цивилизационно-культурные и экономические успехи и где одновременно реализуются принципы социальной справедливости (например, некоторые скандинавские страны), обнаруживается существенный прогресс в этом отношении. Следовательно, проблема статусной кристаллизации, безусловно, актуальна и для стран с самым прогрессивным типом общественного устройства.

В этой статье мы не станем более подробно останавливаться на анализе проблематики развитых стран, как и не будем касаться проблематики развивающихся стран, по ряду обстоятельств далеких от перспективы достижения социальной стратификации современного типа в массовом масштабе. Сосредоточим внимание собственно на теме данной статьи: связи проблематики кристаллизации социального статуса и постсоциалистической трансформации. И пусть автора простят за то, что при этом он будет опираться на совокупность знаний, сформировавшуюся в результате систематических и детальных исследований собственной страны — Чешской Республики. Убежден, что в положениях, которые представлены ниже, читатель, знакомый с проблематикой любого европейского постсоциалистического общества, обнаружит определенные аналогии с собственными данными и собственным опытом исследований.

* * *

Постсоциалистическое развитие Чешской Республики включало несколько типов процессов, имеющих отношение к изучаемой проблематике. Государственно-социалистическое общественное устройство, которое ретроспективно анализировалось на основе ряда репрезентативных социологическо-статистических исследований (1967, 1978, 1984, 1991 гг.), мы охарактеризовали как тоталитарно-управнительное. Только в конце 1960-х годов были зарегистрированы отчетливые признаки изменений в направлении к реализации меритократического принципа и некоторому расширению свобод. Государственный социализм соединял в себе элементы чрезмерных привилегий для людей, которые оказывались на управлеченческих, а часто и профессиональных позициях в результате воздействия односторонне политических или идеологических факторов и их отрыва от основной массы населения, с одной стороны, и нивелирования доходов и участия в управлении среди лиц с высшей и средней специальной квалификацией — с другой. Постсоциалистическая трансформация с введением демократической политической системы и приватизационной деконцентрацией экономики существенно смягчила властно обусловленную поляризацию и в известной мере усилила прилив квалифицированных специалистов на управлеченческие позиции и в группы с высокими доходами. Однако одновременно она порождала новые неравенства, ведя к резкой поляризации в зависимости от величины доходов и имущества, причем на начальной, неолиберальной фазе трансформации открылась возможность повышения материального и властного положения для людей недостаточно квалифицированных. (В Чешской Республике такой способ социального подъема получил название «tunelování» — «туннелирование».) Модернизационные процессы развивались гораздо медленнее, нежели предполагалось в соответствии с первоначальным лозунгом «бархатной революции» — «назад в Европу». Прежде всего, это проявилось в стихийном развитии системы образования, а в известной мере и в отставании так называемых отраслей развития человека, зависящих от государственного бюджета. В результате бурных рыночных преобразований экономики и быстрых перемен отраслевой и профессиональной структуры в конце 90-х годов XX века, возникла и до сих пор сохраняется 10-процентная безработица. Все это в совокупности вызвало принципиальные изменения, которые в результате привели к возникновению новой по характеру вертикальной структуры общества.

Репрезентативное социологическое исследование населения к десятилетию постсоциалистической трансформации, проведенное в конце 1999 г.¹, дало возможность продемонстрировать новый тип социального устройства чешского общества. В ходе его анализировалось социальное положение экономически активных респондентов по пяти параметрам: достигнутому уровню образования, сложности выполняемого труда, положению в системе управления, трудовым доходам и культуре проведения свободного времени. С помощью факторного анализа было установлено, что взаимосвязь пяти статусных параметров, измеряемая процентом вариации первого фактора до ротации, оказалась лишь чуть выше, чем в 1984 г. (48,7% по

¹ Данные 1999 г., также как 1993 и 1984 гг. собраны тремя исследовательскими коллективами, которые работали в Институте философии и социологии АН ЧССР и в Институте социологии АН ЧР [см.: 8, 9]. Обработку данных в форме, необходимой для подготовки данной статьи, осуществили М. Тучек и Л. Гатнар. М. Тучек является соавтором и разработчиком обоих методологических подходов, использованных для демонстрации группировок, отличающихся различной степенью статусной кристаллизации, о которых идет речь в данной статье.

сравнению с 46,2%), что свидетельствует, однако, о небольшом повышении статусного соответствия. Одновременно было обнаружено, что по сравнению с 1993 г. этот показатель возрос совсем незначительно (с 48,1% до 48,7%).

Для более детального рассмотрения групп с характерными для них статусными образцами на этот раз не был использован кластерный анализ, так как выяснилось, что он не дает достаточно стабильных результатов при расчетах с измененным порядком индивидов в выборочном массиве. Первым шагом к конкретизации структурирования, которое раскрывало бы соответствие или несоответствие вертикальной позиции в более, чем одном измерении социального статуса, было использование результатов факторного анализа после ротации для идентификации двух факторов и производных от них счетов. Первый отражал решающее влияние на социальное положение тесно связанных переменных образования, сложности труда и культуры проведения свободного времени, а второй — влияние также тесно связанных переменных положения в управлении и размера дохода. Первый фактор мы определили как фактор цивилизационного-культурного положения, второй — как фактор властно-материального положения. Путем взаимного упорядочения (crosstabulation) обоих категоризированных факторов мы смогли идентифицировать четыре группировки, отличающиеся различной степенью статусной консистентности или неконсистентности:

1) В 1999 г. только 32% экономически активного населения, т.е. не намного больше, чем в 1993 г. (тогда это было 29%), занимали совершенно консистентное социальное положение с точки зрения соответствия культурного и материально-го статусов. Значительное большинство представителей этой группы относилось к рабочим и крестьянам, главным образом, с низкой квалификацией, к мужчинам, лицам среднего возраста. В прошедшем десятилетии они стабилизировались на низшем уровне социальной иерархии.

2) К числу неконсистентных принадлежала, прежде всего, группа людей с более высоким социальным положением, у которой материальный статус превышал культурный. Властно-материальные характеристики представителей этой группы оставляли далеко позади аналогичные характеристики остальных респондентов со средним или низким культурным статусом. Эта группа в 1999 г., в отличие от 1993 г., когда она составляла только 9% экономически активных, превратилась в более многочисленную, включая уже 15% всех респондентов, в основном предпринимателей и высококвалифицированных специалистов, по большей части мужчин.

3) Противоположного рода характеристики имели 35% экономически активных людей. У них доходы и позиция в управлении были относительно ниже, чем образование, производственная квалификация и культура проведения свободного времени. Самая большая их часть приходилась на группу специалистов среднего уровня, чиновников и рабочих, но нашлись среди них и специалисты высшего уровня, а также лица, занимающиеся индивидуальным предпринимательством. Часть этого слоя образовала возрастная когорта, включающая почти 40% всех лиц младше 30 лет, которые составляли 30% состава этой группы.

4) Оставшиеся 18,2% экономически активного населения отличались чрезвычайно высоким отклонением той же направленности, что и в предыдущей группе.

пе. Речь идет о квалифицированных специалистах высшего и особенно среднего уровня и административных работниках без управленческих функций, у которых была (отчасти именно поэтому) низкая оплата труда. Здесь большинство составляли женщины.

Следовательно, статусная рассогласованность в 1993 г. и в 1999 г., т.е. спустя четыре и десять лет после «бархатной революции», оставалась характерной чертой взрослого населения Чешской Республики. Её общественный вес в период между обоими обследованиями нисколько не снизился.

* * *

Полученное таким образом представление о степени кристаллизации социального статуса является лишь ориентировочным и не связывает консистентность / неконсистентность с положением индивидов на социальных вертикалях. Поэтому для обработки данных 1999 г. мы совместно с М. Тучеком применили более простой, но, как выяснилось, эффективный способ идентификации социальных групп, который учитывал как положение опрошенных на общей статусной вертикали, так и его специфические комбинации по отдельным статусным параметрам без использования таксономического метода классификации и факторного анализа. Основу нашего подхода составляет относительно простая типология. Однако необходимым условием его применения было определенное упрощение исходных данных. Вместо первоначальных пяти статусных параметров мы оперировали только тремя: наивысший достигнутый уровень образования представлял культурные переменные сложности труда и способа проведения свободного времени, с которыми был относительно тесно связан. Позиция в управлении (параметр власти), конечно, незаменима. Трудовые доходы на 1999 г. более-менее равномерно распределены по всем остальным переменным и должны были поэтому стать третьим самостоятельным параметром. Следующее упрощение заключалось в том, что категоризацию всех трех измерений мы редуцировали только до трех степеней, количественно примерно соответствующих уровням образования — неполному среднему, полному среднему и высшему. Предварительное распределение сконструированных статусных образцов (образование + позиция в управлении + доход), в котором некоторые группы оказались очень малочисленными, с помощью качественного анализа мы постепенно редуцировали до 15, а в окончательном варианте — до 9 категорий. Статусные образцы, упорядоченные от самой низкой общей социально-статусной позиции (расчитанной на основе первоначальных пяти параметров по 6-балльной шкале) до самой высокой, были описаны на основе количественных данных следующим образом:

1. Консистентная группа преимущественно неквалифицированных рабочих с самой низкой оплатой труда, большую часть которой составляют женщины — 6,8% всех опрошенных экономически активных респондентов. Суммарное статусное положение в среднем — 1,37.²

² В то время как среди экономически активных доля этого — самого низкого — слоя составляет 6,8%, среди всего населения (включая экономически неактивных) доля лиц без среднего образования с самыми низкими доходами достигает 8,9%, т.е. она существенно выше. Следовательно, при оценке бедности или эксплюзии в эту же группу бедных без среднего образования необходимо включать также часть безработных и пенсионеров с низкими социальными доходами.

2. Полуквалифицированная рабоче-крестьянская группа, частично включающая и не очень успешных индивидуальных предпринимателей с низкими доходами — 18,5%. Статусное положение на шкале пятимерного статуса — 2,00.

3. Низший, скорее квалифицированный, слой рабочих со средними доходами — 17,8%. Средний индекс статуса — 2,52.

4. Неконсистентная группа среднеквалифицированных специалистов и рядовых служащих, преимущественно женщин с низкими зарплатами — 16,1%. Индекс статуса в среднем — 3,05.

5. Относительно статусно-консистентная группа индивидуальных предпринимателей и квалифицированных работников — 24,3%. Индекс статуса — 3,72.

6. Небольшая неконсистентная группа лиц без среднего образования с высокими доходами — 2,3%. Индекс статуса — 4,15.

7. Неконсистентная группа специалистов высшего уровня, но средними доходами — 5,6%. Индекс статуса — 4,93.

8. Неконсистентная высшая группа специалистов и предпринимателей с высокими доходами, но средним образованием — 4,7%. Индекс статуса — 4,84.

9. Высшая консистентная группа специалистов, менеджеров и предпринимателей — 3,8% экономически активных. Самый высокий индекс статуса — 5,55 на шестибалльной шкале.

Для каждой из этих категорий можно разработать достаточно подробные социологические описания, или портреты, раскрывающие их сущность с помощью целого ряда других переменных, из которых только некоторые (прежде всего, пол и так называемая классовая принадлежность) упомянуты в данной статье. Такого рода портреты — вследствие их обширности — здесь невозможно привести, но они войдут в книгу, которую автор подготовил к публикации на чешском языке.³ Однако даже при беглом обзоре самых общих характеристик появляются основания для некоторых выводов.

1) Представленные категории действительно включают характеристику как совокупной вертикальной статусной позиции, так и конкретного соотношения консистентности/неконсистентности статуса, в особенности, соотношения уровня достигнутого образования и личного дохода. Неконсистентные группы составляют более половины опрошенных. Тем самым подтверждается значение данного явления для чешского общества конца XX столетия, причем с того времени существенного сдвига, по-видимому, не произошло.⁴

2) На основе приведенного выше анализа можно заключить, что уже в первом приближении представленные характеристики отличаются большей конкретностью, чем обычные классовые или стратификационные параметры, когда оперируют категориями типа: квалифицированные рабочие, специалисты высшего уровня, предприниматели с наемными работниками, или же — высший слой, низкий средний слой, низший слой и т.п.

³ См. уже вышедшую из печати книгу: Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání (Problemy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti). Praha: ISV nakladatelství, 2005. 287 s.

⁴ При предыдущей попытке определения доли консистентных и неконсистентных группировок с помощью цивилизационно-культурных и властно-материальных статусов, удельный вес неконсистентных групп был выше, т.к. неконсистентность определялась на основании более подробной, 6-балльной, шкалы.

3) Для знакомых с положением в Чешской республике за всеми обозначенными в статье категориями нетрудно представить себе многие явления реальной повседневной жизни, известные из личного опыта. Правда, довольно подробные характеристики классовой структуры тоже рождают подобные образы, однако они недостаточно адекватны с точки зрения критерия вертикальности и степени консистентности и неконсистентности. Поэтому в нашей категоризации кажущиеся однородными классовые категории подразделяются на несколько конкретных групп. Что касается так называемых стратификационных (слоевых) категорий, то они носят совершенно абстрактный характер и, с точки зрения нашей схемы, представляются социально неоднородными.

4) Так как речь идет о характеристиках апостериорных, созданных — пусть с некоторым упрощением — на основе эмпирически собранных данных, то очевидно, что они не позволяют, в отличие от международных классовых категоризаций и статусных индексов, осуществить и описать сравнительный анализ различных стран. Но качественный анализ наверняка позволил бы найти аналогии между чешской ситуацией и ситуацией в других постсоалистических странах Центральной и Восточной Европы, не говоря уже о различиях между ними и странами с иным типом социального устройства к западу и востоку от них. Возможности осуществления, кроме того, сравнения в диахроническом аспекте с положением в той же стране продемонстрированы здесь на чешских материалах 1993 и 1999 гг.

5) Это, однако, означает, что выводы, сделанные для одной страны, не должны индуктивно распространяться на более широкую группу стран. Но они — в соответствии с методологическими представлениями К. Поппера и Г. Ленски — могут быть полностью использованы для верификации общепринятых теорий классовой структуры или социальной стратификации.

* * *

Самым важным преимуществом изложенного выше — или подобного ему — метода исследования социального неравенства должно бы стать то, что результаты его использования более соответствовали социальной действительности изучаемого общества и что, следовательно, результирующие категории были бы ближе к реальным группировкам и условиям, в которых они формируются и существуют, к их взглядам и образцам поведения, их характеризующим. Справедливость этого предположения мы проверили с помощью анализа степени связи ассоциаций, или корреляций, между выше рассмотренной категоризацией и относительно широким набором переменных, которые, согласно нашему предположению, выявляют упомянутые выше значимые характеристики общественной жизни. Связи нашей категоризации с этими переменными, выраженные нормализованным коэффициентом контингенции (CN) и коэффициентом ранговой корреляции Спирмена (RS), мы сравнивали с аналогичными связями других показателей вертикальной дифференциации при том же наборе контрольных переменных. Результаты представлены в следующей таблице.

**Коэффициенты контингенции и ранговой корреляции*
главных индикаторов социального положения экономически
активного населения ЧР в 1999 г. с выбранными переменными**

Переменные	Статусные группировки		Классовое положение		Суммарный статус		ISEI	
	CN	RS	CN	RS	CN	RS	CN	RS
Демографические и социально-территориальные								
Пол	0,396	0,140	0,350	0,003	0,219	0,160	0,142	0,052
Возраст	0,250	0,027	0,162	0,036	0,166	0,064	0,142	0,059
Семейное положение	0,218	0,062	0,151	0,032	0,126	0,005	0,110	0,051
Величина населенного пункта	0,265	0,195	0,162	0,036	0,219	0,160	0,195	0,133
Статусные показатели								
Образование	0,789	0,739	0,602	0,542	0,643	0,669	0,619	0,616
Сложность труда	0,638	0,574	0,737	0,699	0,696	0,773	0,701	0,639
Доход	0,843	0,726	0,455	0,385	0,619	0,615	0,298	0,252
Свободное время	0,459	0,531	0,407	0,385	0,288	0,252	0,411	0,406
Оснащение домашнего хозяйства	0,455	0,342	0,390	0,281	0,328	0,271	0,213	0,176
Виды мобильности								
Внутрипоколенческая	0,697	0,679	0,838	0,877	0,644	0,675	0,618	0,600
Межпоколенческая	0,604	0,522	0,621	0,490	0,527	0,482	0,562	0,531
Самооценки								
Социальная самоидентификация	0,413	0,373	0,395	0,365	0,376	0,339	0,313	0,284
Потребительский уровень семьи	0,383	0,377	0,315	0,291	0,301	0,285	0,220	0,191
Семейный бюджет	0,389	0,365	0,316	0,290	0,289	0,279	0,205	0,180
Богатство/бедность семьи	0,426	0,328	0,325	0,280	0,295	0,271	0,214	0,183
Страх безработицы	0,239	0,190	0,189	0,148	0,155	0,132	0,166	0,118
Трудности с поиском работы	0,296	0,157	0,198	0,109	0,178	0,103	0,181	0,079
Собственный уровень жизни**	0,396	0,408	0,329	0,328	0,307	0,319	0,221	0,213
Личная жизнь**	0,413	0,400	0,364	0,340	0,323	0,325	0,277	0,241
Оценка общества**								
Демократичность **	0,263	0,225	0,217	0,188	0,211	0,195	0,195	0,162

Переменные	Статусные группировки		Классовое положение		Суммарный статус		ISEI	
	CN	RS	CN	RS	CN	RS	CN	RS
Самореализация людей**	0,259	0,237	0,243	0,221	0,229	0,203	0,194	0,165
Социальная справедливость**	0,176	0,112	0,092	0,092	0,133	0,075	0,124	0,064
Являются ли различия справедливыми?	0,248	0,223	0,209	0,190	0,205	0,185	0,172	0,151
Общее развитие***	0,220	0,162	0,178	0,110	0,189	0,120	0,112	0,071
Народное хозяйство***	0,258	0,167	0,179	0,125	0,174	0,127	0,108	0,082
Уровень жизни***	0,241	0,189	0,177	0,159	0,185	0,146	0,138	0,099
Социальные гарантии***	0,185	0,151	0,154	0,122	0,165	0,126	0,156	0,062
Отношения								
Государство/индивиду****	0,294	0,261	0,252	0,220	0,234	0,217	0,204	0,181
Интерес к политике	0,257	0,229	0,224	0,186	0,214	0,188	0,228	0,212
Левая /правая ориентация	0,351	0,291	0,293	0,257	0,289	0,250	0,214	0,183
Предпочтения политических партий	0,417	—	0,379	—	0,331	—	0,293	—
Религиозная принадлежность	0,223	—	0,141	—	0,177	—	0,145	—

¹ – наша типология статусных группировок.

² – классификация EGP с частичными изменениями.

³ – индекс общего пятимерного статуса.

⁴ – международный индекс социально-экономического статуса занятого ISEI.

* Для усиления наглядности и сравнимости коэффициент ранговой корреляции для всех четырех столбцов рассчитывался поочередно от самой высшей до самой низкой социальной категории, так что его значение всегда положительное.

** Оценка изменений за десять лет трансформации.

*** Оптимизм/пессимизм при оценке будущего развития.

**** Ответственность государства или индивида за уровень жизни.

Таблица показывает, что почти ко всем «объективным» и «субъективным» переменным, у которых — прямо или косвенно — может быть что-то общее с вертикальной социальной дифференциацией (социальным неравенством), типология статусных групп, учитывающая проблематику статусной консистентности/неконсистентности, имеет более близкое отношение, чем любой из последующих показателей, также ориентированных на отражение характера социального неравенства.

Это означает, что некоторые переменные (например, уже первая группа демографических и социально-территориальных показателей, которая везде в мире влияет на социальные дифференции) оказывают самое значительное влияние на типологию, изображенную в столбце 1, другие — «субъективные» — переменные, наоборот, в сильной мере обусловлены самой этой типологией (предикативная сила по отношению к ним). Такого рода тесная взаимосвязь обнаружена для поразительно широкого и качественно разнообразного круга социальных явлений (включая те, что не попали в таблицу). Различия между степенью взаимосвязи нашей статусной типологии с контрольными переменными и степенью взаимосвязи с ними остальных трех показателей социального положения в некоторых случаях были больше и статистически значимее, в других — меньше. Что удивляет, за небольшим исключением, обозначенным в таблице полужирным курсивом⁵, практически для всех приведенных переменных установлена наивысшая экспликативная сила типологических статусных группировок. Данные таблицы, таким образом, подтверждают предположение о том, что апостериорная классификация, созданная эмпирически и связывающая различия общих статусных позиций на вертикальной шкале с различными сочетаниями консistentных/неконсistentных связей нескольких статусных параметров, предоставляет более конкретную и более близкую к реальности картину социального равенства. Использование принципа «кристаллизация — не-вертикальное измерение социального статуса» одновременно показало, насколько ярко это нетрадиционное (хотя и достаточно давно сформулированное) понимание социальной дифференции может объяснить и значительный диапазон, и разнообразное содержание социального поведения и сознания.

* * *

Исследование процессов кристаллизации социального статуса приводит нас к несколько непривычной интерпретации состояния социального неравенства в постсоциалистическом обществе. Из всего того, что было здесь сказано о современном чешском обществе, очевидно, что оно представляет собой некую гибридную комбинацию не менее трех идеальных типов⁶ вертикальной социальной дифференции:

1) унаследованная и все еще сохраняющаяся уравнительная система, которая распространяется, прежде всего, на работников средней и высокой квалификации в большинстве отраслей, зависящих от государственного бюджета, удерживая их в нижней части иерархии материального положения;

2) с трудом лишь развивающаяся соответствующая, т.е. справедливая, по заслугам, или меритократическая, социальная дифференция — расслоение в

⁵ В случае видов мобильности и социально-классовой принадлежности речь идет о легко объяснимом явлении. Показатель мобильности был создан на основе данных о социально-классовом положении индивидов в 1988 и 1999 гг., поэтому результат, собственно говоря, был изначально заданным. В случае сложности труда эта классификация была использована как один из первоначальных пяти параметров со-вокупного статуса, в то время как для статусной типологии групп по причинам, которые были выше объяснены, она была заменена ориентированно классифицированной переменной «образование». В случае социально-классового положения и ISEI речь идет о классификации реальных профессий или рабочих мест, что их сближает с нашей классификацией сложности труда. Именно эти обстоятельства, однако, делают их менее эффективными для исследования взаимосвязей с большей частью остальных переменных.

⁶ О понимании идеальных типов по М. Веберу см. его труд 1904 г. «Объективность научно-социального и социально-политического познания».

пользу людей квалифицированных, производительных и действительно успешных в труде;

3) полярно обостренная социально-классовая дифференциация между людьми с самым высоким положением, многие из которых достигли своего статуса средствами незаконными или аморальными, с одной стороны, и людьми по разным причинам бедными, беспомощными и неинформированными (к ним относятся рядовые неквалифицированные рабочие экономически не слишком успешных отраслей промышленности, рядовые сельскохозяйственные рабочие, а также некоторые рядовые административные служащие) — с другой стороны. Часть бедных людей можно уже сегодня считать исключенными из общества (речь идет, прежде всего, о многочисленной группе длительное время безработных, а также части цыганского населения, бездомных, больных, инвалидах и т.п.).

Общество, подобное описанному выше, далеко, естественно, от любых идеалов или моделей социального устройства, которые их создатели считают рациональными, эффективными или гуманными. Чехия, конечно, уже давно не является государственно-социалистической и уравнительно-тоталитарной страной, но она не стала и обществом с классическим капиталистическим классовым устройством или современным постиндустриальным и посткапиталистическим обществом. Современное чешское общество характеризуется низким уровнем социальной сплоченности.

Особенности такого структурирования чешского общества достаточно убедительно объясняют и отсутствие интереса большой части общества к политике, и преимущественно отрицательные реакции населения на способ реализации нынешней, преимущественно фискально понимаемой, экономической реформы и на так называемую модернизацию социального государства. Эти предлагаемые, а в некоторой степени уже и реализованные изменения часть населения отрицает как угрожающие ее социальному положению, другая часть их считает недостаточно радикальными, а все остальные их просто не понимают. Политические представители населения, похоже, не находят выхода из такой сложной социальной ситуации, нет стратегии осуществления европеизации и модернизации страны, опирающейся на поддержку значительного большинства общества. И хотя часть данных, на которых строятся наши выводы, относится к концу 1999 г., не вызывает сомнения, что ни первые годы XXI века, ни вступление Чехии в Европейский союз, пока не внесли в эту картину ничего принципиально нового.

Причем Чешская Республика наряду со Словенией относится к числу постсоциалистических стран с относительно высокими показателями экономического развития и жизненного уровня. Поэтому, вполне вероятно, что проблемы, подобные чешским, стоят — возможно гораздо острее — и перед другими европейскими постсоциалистическими обществами.

Перевод с чешского
Нины ТУЧКОВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. Warner W.L. *The Status System of a Modern Community*. New Haven, 1942.
2. Lenski G.E. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension od Social Status. *American Sociological Review*. 1954. 19. P. 405—414.
3. Lenski G.E. *Power and Privilege*. New York: Mc Graw-Hill Book Co. 1966.
4. Machonin P. a kol. *Československá společnost. Sociologická analýza sociální stratifikace*. Bratislava: Epochá, 1969. P. 126—144, 575—578.
5. Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Grusky D.B. (ed.) *Social Stratification in Sociological Perspective*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 2001.
6. Smith R.D. The Career of Status Crystallization: A Sociological Odyssey. *Sociological Research Online* 1996. N1. P. 3.
7. Bourdieu P. The Forms of Capital // J.G. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1984, 1986.
8. Česká společnost v transformaci / Machonin P., Tuček M. (eds.) 1996. Praha: SLON, 1996.
9. Tuček M. a kol. *Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí*. Praha: SLON, 2003.

Хенрик ДОМАНЬСКИЙ

**Средний класс
при переходе от коммунизма
к капиталистическому обществу**

Идеальный представитель среднего класса был, конечно же, капиталистом, как идеал классового общества строился на капитале и конкуренции. Суть среднего класса заключена в собственности. Люди, превращающиеся в собственников — фирмы, экономического капитала или редкой и трудно достижимой квалификации, — меняются, становясь более индивидуалистически ориентированными, уверенными в себе и своем будущем, зависящем от их собственных усилий. Нет ничего более убедительного — с точки зрения мотивации упорного труда и инвестиций в самого себя, — чем перспектива улучшения материального положения и умножения счета в банке.

Обладание востребуемой рынком собственностью, такой как свое предприятие или превосходная квалификация отличает средний класс от рабочего. С другой стороны, человек среднего класса отличается от высшего класса тем, что сам управляет собственностью. Он чувствует себя свободно и ведет себя иначе по сравнению с не-собственником, он более самодисциплинирован и поддерживает стабильность политического и экономического порядка.

Второй показатель принадлежности к среднему классу — высокий уровень жизни. Историки утверждают, что в Великобритании одно из наиболее значительных различий между средним и низшим классами возникло в 1792 г., когда Вильям Питт ввел специальный налог на доходы для поддержки ведения войны против Франции. Для англичан обложение налогом было символом способности среднего класса нести груз национальной ответственности. Эта акция формировала сознание среднего класса; он добился права претендовать на повышение своего престижа; возможность уплаты налогов служила социальной санкцией гражданства среднего класса.

Возникает естественный вопрос, где рубеж, выше которого материальный уровень жизни свидетельствует о принадлежности к среднему классу? Конечно, он будет различаться в зависимости от уровня экономического развития. Сравним Польшу с Соединенными Штатами, где в 1990 г. 59% семей владели собственным

домом и в 1998 г. 54% имели две машины [7, р. 61]. В период коммунизма польская интеллигенция вынуждена была переносить тяготы повседневной жизни. Ее материальные условия были в несколько раз ниже по сравнению со стандартами американского общества. В условиях командной экономики у интеллигенции не было возможности достичь статуса среднего класса, хотя она выполняла примерно те же профессиональные роли, что и американские специалисты, занимала в большинстве своем такое же место на иерархической лестнице.

Конечно, расхождения в доходах и материальном уровне жизни сочетаются с заметными различиями в условиях труда между занятymi физической и умственной деятельностью. И это третья характеристика среднего класса, которая находит проявление в определенных профессиональных позициях. Изучающие социальную стратификацию рассматривают профессию в качестве единственного и лучшего индикатора «социального класса». Например, Гидденс [6] особенно подчеркивал, что разделение трудовых усилий является одним из важнейших факторов формирования классов в рамках современного индустриального порядка. Западный средний класс состоит из двух больших сегментов: рабочих нефизического труда и собственников, т.е. малых и средних предпринимателей. Количественно средний класс по профессиональной идентификации включает не менее 50—60% всего населения и продолжает расти.

Четвертое, средний класс обладает специфическим мировоззрением, ориентациями и стилем жизни. Наше представление о среднем классе очень часто соответствует периоду истории Англии времени короля Эдуарда, когда средний класс достиг вершины как основа нации. Хотя многие авторы предвещали его смерть, а другие критиковали за такие пороки, как эгоизм, собственнический индивидуализм и тому подобное, средний класс по-прежнему несет наиболее приемлемые для общества модели жизни. Люди из низших классов пытаются попасть в средний класс — он остается отчетливым символом благосостояния, равных возможностей, всеобщей гармонии и успеха. Средний класс обычно рассматривается как фактор стабильности западных обществ, находящийся в постоянном изменении и движении. С одной стороны, нельзя подозревать его представителей в приверженности деструктивным тенденциям при переходе на радикальные левые позиции; с другой стороны, средний класс сохраняет тенденцию к открытости — он выступает в роли импортера наиболее талантливых выходцев из числа занятых физическим трудом и экспортёра своей элиты в высший класс. Нельзя предъявить ему обвинение в попытках законсервировать свои относительно высокие позиции — и поэтому он встречает большую симпатию по сравнению с достигшими верхов.

Развитие западного среднего класса явилось результатом сочетания различных процессов, пронизывающих капиталистический рынок. Именно этот класс наращивал национальное богатство, улучшал уровень жизни, создавал спрос и инвестировал в благополучие сверх необходимого. Польское общество все еще далеко отстает — во всяком случае, в условиях капиталистической трансформации мы поставлены перед необходимостью перехода к этой модели. Ниже я попытаюсь показать, что нам удалось перенять у Запада после нескольких лет перехода, что мы упустили и с какими главными препятствиями на пути к обществу среднего класса встречаемся.

Направления изменений

Начнем с социологической рефлексии. В 1975 г. Маргарет Тэтчер, возможно наиболее рьяный представитель интересов английского среднего класса в XX веке, пришла к руководству консервативной партией. Четыре года спустя она стала премьер-министром — ее политическая программа с самого начала была однозначно нацелена на возрождение «духа капитализма», акцентируя индивидуализм, самоуверенность и идеологию успеха.

В те же 1970-е годы несколько приверженцев свободной экономики в Польше попытались реализовать идеи экономического либерализма в условиях коммунистического режима. Эти, казавшиеся идеалистическими, представления политических диссидентов воплотились после краха коммунистической системы. Однако, что отличало посткоммунистическую трансформацию к капиталистической системе от классического, британского пути к рыночной экономике, — в Польше и других восточноевропейских обществах капитализм создавался «сверху». Политические элиты оказались в роли единственного лидера капиталистической трансформации. Первое посткоммунистическое правительство под руководством Тадеуша Мазовецкого с его довольно значительным либеральным крылом явилось классическим примером «спроектированного капитализма» — он был установлен скорее, чем развился естественным путем [14, 21].

Обратимся к точным данным, чтобы пролить какой-то свет на переходные процессы первого десятилетия перемен в Польше. Статистика и результаты социологических исследований позволяют ответить на некоторые фундаментальные вопросы развития среднего класса — или говоря более реалистично — некоторые элементы многогранного синдрома, относящегося к «средней классовости». Эти ключевые вопросы касаются направлений изменений профессиональной структуры, динамики и интенсивности формирования частной собственности, того, насколько эти процессы идут параллельно повышению уровня жизни.

Отчетливым свидетельством формирования частной собственности является рост категории собственников. В 1990-е годы в этом отношении произошел существенный прогресс. По данным социологических исследований на представительных национальных выборках, процент несельскохозяйственных собственников увеличился в 1989—1999 гг. с 3,5 до 6,6 всего экономически активного населения. Эти цифры основаны на ответах респондентов на вопрос, владеют ли они собственным предприятием («да» или «нет»). Нельзя не заметить и роста численности этой категории, и высокого его темпа. Хотя 6,6% — это все еще намного меньше, чем в странах Запада, однако в 1990-е годы данная категория удвоилась по величине, что означало значительный шаг вперед. Вспомним, что в наиболее развитых капиталистических обществах собственники составляют около 10—15% всей рабочей силы. Например, в Великобритании их 8%, в США 9%, хотя в Италии 22,2% [25]. Короче говоря, в последние несколько лет разделение на тех, кто обладает собственностью и кто нет, приобрело большее значение и стало ближе к западным стандартам общества среднего класса.

Народная Польша (*Polska Ludowa*) была единственной коммунистической страной, избежавшей массовой коллективизации сельского хозяйства. Это позво-

ляет понять, почему в посткоммунистической Польше экспансия частного сектора неизбежно была более медленной, чем в соседних странах, где на старте преобразований отсутствовала земельная собственность. Несмотря на это, данные Главного статистического управления (ГСУ) свидетельствуют, что категория занятых в частном секторе (наемных работников и собственников, включая крестьян) возросла с 45,1% в 1990 г. до 70,2% в 1998 г. Занятость в госсекторе снижалась, достигнув 29,8% в 1998 г. [17, с. 100]. Из всех государственных предприятий, зарегистрированных в 1990 г., 70% вошли в различные приватизационные программы до 1998 г. Рост частного сектора сопровождался ростом инвестиций. Если в 1995 г. в частный сектор шло 44,2% всех инвестиций, в 1997 г. эта доля повысилась до 55,8%. В результате возник прочный фундамент формирования «старого среднего класса».

Полностью, кажется, игнорируемая Марксом нематериальная собственность существует в виде интеллектуального капитала, профессиональной экспертизы и управленческой квалификации — всего, что можно обменять на рынке труда на вознаграждения, такие как доходы, власть или престижная занятость. Анализ польских опросных данных разного времени свидетельствует о возрастающей роли такого вида собственности в 1990-е годы. Это видно из динамики значения образовательного капитала для доступа к управленческим позициям и доходам. Если действительно и имели место какие-либо сдвиги в системе стратификации Польши, так они произошли в механизмах распределения доходов. Я определил силу этих отношений на основе регрессивной модели с использованием сравнительных данных национальных выборок периода 1982—1998 гг. Индивидуальные доходы я соотносил с образовательными и управленческими позициями, управляя несколькими величинами для последовательных временных дат [см.: 4]. Образование было представлено в виде серии модельных переменных и управленческая позиция была дихотомичной (0—1) переменной, когда все управленцы обозначались за 1 (иначе 0). Что касается контрольных переменных, то они включали социальное происхождение, пол, возраст и др., которые могли быть взяты для дифференциации доходов. Сравнение во времени может обнаружить, значили ли образование и управленческие позиции действительно больше в 1990-е годы, чем в период командной экономики; рассмотреть в общем плане: насколько распределение доходов отвечало системным изменениям.

Анализ данных показал рост взаимосвязи образования и дохода. Можно сделать три важных заключения. Первое: высшее образование в Польше всегда оплачивалось лучше, чем низшие его уровни. Эта закономерность существовала даже в 1982 г. — надо заметить, что правило вознаграждения людей за более высокое образование подверглось серьезному испытанию в условиях проведения так называемой «малой реформой». Введенная коммунистической властью спустя месяц после установления военного положения в Польше, «малая реформа» завершилась полным возвратом к прежней иерархии доходов. Первый (и единственный) раз в истории коммунистической Польши работники физического труда получали в среднем более высокие зарплаты, чем нефизические категории. Доходность высшего образования в 1982 г. была минимальной, тем не менее, функциональные предпосылки социальной стратификации способствовали преодолению этого зигзага в последующие годы.

Второй вывод касается направления перемен. После 1982 г. высшее образование конвертировалось во все более высокие заработки. В проблемном 1982 году чистое вознаграждение за высшее образование составляло 16% в сравнении с доходами людей с неполным высшим образованием. В 1987 г. этот показатель достиг 18%, в 1992 г. — 28%, в 1998 — 27%.

Есть и другое доказательство того, что образование со временем все больше дифференцирует доходы. Если сравнить расхождения между доходами наиболее и наименее оплачиваемых образовательных категорий, окажется, что этот разрыв возрастает. В 1982 г. высшее образование приносило чистое преимущество в 14% относительно средних доходов, тогда как начальное образование означало потерю в 10%. Разрыв между двумя крайностями составлял 24 процентных пункта. В 1987 г. он возрос на 41% и в девяностые продолжал увеличиваться, достигнув 69 процентных пунктов в 1998 г.

Третий вывод относится к росту значения управленческих позиций. Если контролирующие роли отражают управленческую квалификацию и ответственность, нетто-эффект этой переменной на доходы является одним из важных аспектов меритократического распределения. В 1998 г. занимать руководящую позицию (по моим данным это широкая категория, включающая от прораба до министра) было намного более выгодно, чем в прошлом: нетто-прибыль составляла 37%. Можно считать это ценой за организационное искусство, способность принимать связующие решения и все индивидуальные инвестиции, как и ценой за выполнение роли руководителя. Его рыночная ценность значительно выросла в 1990-е годы, отражая процесс внедрения современных организаций в Польше. В заключение: всплеск доходов руководящего состава предпочтительнее, чем его недоплата.

В соответствии с господствующими теоретическими представлениями — отчетливо подтверждаемыми многими эмпирическими результатами — изменения, происходящие в социальной стратификации, отражаются в сдвигах профессиональной структуры. В случае Польши можно отчетливо определить, было ли пополнение среднего класса, или: снизилось ли количество позиций, идентифицируемых с низшими классами. По мысли Густава Шмоля [19], впервые разделившего «старый» и «новый» средний класс, первый состоял из купцов, торговцев, ремесленников и других владельцев предприятий — исторические корни этого сегмента уходят в средние века. «Новый средний класс», убедительно описанный Миллсом [12] и Локвудом [10], включает спектр нефизических категорий от менеджера до профессионала, в том числе низший слой белых воротничков, рабочих сферы услуг и торговли. Эта широкая категория появилась намного позже и даже во времена *fin de siècle*, когда Шмольер написал *Was verstehen wir unter dem Mittelstand?*, нельзя было предвидеть, что новый средний класс станет самым многочисленным сегментом рабочей силы. В странах Запада он быстро рос в канун XX века, в следующие десятилетия превзошел — по количественным показателям — рабочий класс и фермеров, а примерно в 1970-е годы его удельный вес в профессиональной структуре превысил 50%. Наиболее быстро растущими профессиональными группами внутри этой разнородной группы оказались юристы, врачи, инженеры, университетские преподаватели, менеджеры и административные работники на высших, наиболее ответственных и функционально важных позициях.

Обратимся к Польше. В таблице представлены изменения профессиональных распределений по 14 основным социопрофессиональным слоям. Данные взяты из национальных исследований, проведенных на выборочных совокупностях в 1982—2002 гг.

Кто в профессиональной структуре может быть отнесен к среднему классу? С точки зрения общепринятых дефиниций его следует искать, прежде всего, между высшими руководящими уровнями и профессионалами, к которым в польском контексте относятся директора предприятий (и управленческий персонал) и не-техническая и техническая интеллигенция (инженеры). Миллс [12] пошел дальше, включив в состав среднего класса лиц, занятых относительно простым, рутинным и несложным трудом, образующих слой низших нефизических работников. Согласно теориям модернизации, экономический рост ведет к замещению этих категорий профессионалами и менеджерами. Проверим, действительно ли это правило для траектории польской трансформации. Наконец, не удивимся, если мы обнаружим также рост числа собственников, т.к. развитие частной собственности было феноменом, лежащим в основе формирования капиталистического строя.

Динамика социально-профессиональной структуры в Польше в 1982—2002 гг.

Профессиональные категории	1982	1987	1994—95	1998—99	2002
Менеджеры, высшие административные служащие	0,9	1,8	1,6	1,0	2,4
Нетехническая интеллигенция	3,2	3,3	3,2	4,5	3,9
Техническая интеллигенция	3,1	2,6	2,7	2,4	2,5
Техники	7,0	6,2	4,6	6,0	6,1
Административный персонал среднего уровня	9,6	10,7	9,5	11,2	13,0
Канцелярские работники	5,0	4,6	3,9	3,5	4,1
Собственники	1,6	3,6	6,2	6,6	5,0
Торговля и услуги	6,4	7,7	10,6	10,3	12,3
Руководители в сфере физического труда	2,1	2,3	1,8	1,9	5,0
Квалифицированные рабочие	25,7	26,3	27,4	24,8	22,4
Неквалифицированные рабочие в сфере производства	5,8	5,7	7,0	7,2	4,6
Неквалифицированные рабочие в сфере услуг	4,3	3,9	6,0	6,4	5,9
Сельскохозяйственные рабочие	1,8	1,5	2,0	2,1	2,7
Крестьяне	23,5	19,8	13,4	12,2	10,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

С учетом этих предположений, рассмотрим реальные профессиональные сдвиги. Категоризацию, представленную в таблице, можно считать классовой структурой в первом приближении. Во второй половине 1990-х годов численность

менеджеров и нетехнической интеллигенции быстро росла. Последняя, т.е. юристы, врачи, ученые, вузовские преподаватели, экономисты, журналисты, артисты и т.п. составляли 3,2—3,3% в 1982—1995 гг. К 1999 г. их стало 4,5%, однако в начале XXI в. эта доля понизилась до 3,9%. В то же время удельный вес управленческого персонала увеличился с 1 до 2,4%. Очевидно, процент инженеров сократился. Их явно нельзя квалифицировать как движущую силу профессиональной структуры.

В общей сложности интеллигенция, менеджеры и административные служащие составляли примерно одинаковую часть всех экономически активных в 1987 и 2002 гг. Совершенно очевидно, что так было и в других посткоммунистических обществах. Сравнительный анализ национальных данных 1993 г. обнаружил, что категории высших профессионалов и менеджеров относительно сократились в то время в Чешской республике, Венгрии, Словакии и России [3, с. 17—20]. Этот интересный и неожиданный спад можно объяснить по-разному. Оптимистическое объяснение заключается в том, что относительное снижение отражает лишь некоторый временный регресс, который может быть связан с уменьшившимся спросом на высококвалифицированные технические кадры, занятые в традиционных секторах производства. Это могут быть и категории, оказавшиеся излишними, которые не могли быть поглощены возникающим капиталистическим рынком, и избытки рабочей силы, созданные экспансивно ориентированной коммунистической экономикой.

Принципиальный для нас вопрос — приближается ли профессиональная структура по своей форме к типичному, характерному для среднего класса образцу. Последующее развитие в таком случае должно идти по пути роста числа менеджеров и профессионалов, снижения доли рабочего класса и некоторого увеличения канцелярских работников — при небольшом проценте сельскохозяйственных категорий, не превышающем в развитых западных обществах 4—8%.

Этот сценарий был лишь отчасти реализован в Польше параллельно развитию капиталистической экономики. Сдвиг, начавшийся уже в конце 1980-х годов, произошел сразу же после начала рыночно-ориентированных реформ. Суть динамики социопрофессиональной структуры была связана с категорией собственников. Процент частных предпринимателей увеличился четырехкратно, достигнув в 1998/1999 гг. 6,6%, затем чуть сократился. Вторым, наиболее экспансивным социально-профессиональным слоем, после собственников, были рабочие сферы услуг и торговли, доля которых в совокупной рабочей силе возросла с 6,4 до 12,3%. Надо заметить, что в этой категории сверхпредставлены женщины — как во всех обществах, — что интересно с точки зрения перспективы феминизации профессиональной структуры. Для польской профессиональной системы явно характерна чрезвычайно большая доля квалифицированных рабочих: в 2002 г. они составляли 22,4%, отчетливо доминируя в абсолютном выражении. С точки зрения теории модернизации квалифицированные рабочие представляют собой явный пережиток плановой экономики, никак не отвечающий современным требованиям. Они существуют как побочный продукт прежней системы, ускорившей развитие профессиональной подготовки для нужд экспансивной индустриализации.

Частное фермерство оказалось на втором месте при ранжировании «дурного наследия», несмотря на очевидную тенденцию упадка. В случае польского крестьянства произошел настоящий переворот в первые годы развития рыночной эко-

номики, когда его удельный вес сократился с 23,5 до 12,2%; оно все еще остается цитаделью традиционализма. Третий крупнейший профессиональный сегмент образуют административные и нефизические рабочие среднего уровня профессиональной иерархии: бухгалтера, няни, низшие менеджеры, составлявшие 9—13% всей рабочей силы, имея тенденцию определенного роста. Рутинные канцелярские работники, низший слой нефизического сегмента (делопроизводители, кассиры в банках, секретари, стенографисты), сократились в 2002 г. до 4,1%. Категория техников, хотя и претерпела значительные флуктуации, существенно не изменила своего места в профессиональной иерархии. Период был полон противоречий и парадоксов; оказалось, что неквалифицированные рабочие в сфере производства и услуг, которые — согласно теории модернизации — были обречены на исчезновение, продемонстрировали в 1990-е годы небольшой, но стабильный рост.

Итак, общая картина изменений профессиональной структуры неоднозначна. В некоторых решающих областях структурные основы стагнации и традиционных ориентаций усилились. Динамика профессиональных изменений в Польше не была прямолинейно соответствующей модернизационной модели, однако и отрицать такую связь нельзя. Наиболее позитивным знаком был относительный рост слоя менеджеров и нетехнической интеллигенции, отражающий — как можно предположить — появление новых профессий в сфере маркетинга, банковского дела, страхования, рекламы, консалтинга и финансов.

Лишь в сороковые годы американское общество освободилось от кошмара Великого Кризиса. Послевоенный экономический бум позволил ему достичь материального процветания. Оно пришло в западноевропейское общество в 1950-е годы. История запомнит известное высказывание Гарольда Макмиллана — «У вас никогда не было так хорошо», — прозвучавшее в 1957 г. в Бедфорде, во время подведения итогов третьей подряд победы Консервативной партии. Уровень жизни в Соединенном Королевстве значительно повысился, экономические показатели становились лучше и лучше, и консерваторы смогли убедить народ в необходимости их поддержки, поскольку эта партия оставалась единственным заслуживающим доверия выразителем интересов средних классов.

В 1950 г., согласно национальным расчетам, ВВП на душу населения в Польше был примерно как в Испании. Однако, если в Польше он увеличился в 1955—1988 гг. с 755 до 1860 долларов, в Испании — с 561 до 7740, т.е. в несколько раз больше. С первых шагов рыночной экономики в 1990-е годы Польша столкнулась с типичным опытом — спадом производства (и следовательно потребления), — но в следующие годы реформ экономика восстановилась. Это стимулировало рост реальных доходов: по данным ГСУ до 1993 г. реальные доходы постоянно снижались, в том числе и в 1993 г. (по сравнению с 1992 г.) на 2,9%; это очевидно отнюдь не отражалось на динамике уровня жизни — достаточно вспомнить, что при коммунистической системе возможности расходования денег на потребление товаров были сильно ограничены. Так или иначе, после 1994 г. тенденция упадка сменилась на противоположную: реальные доходы впервые стали повышаться (на 0,5% по сравнению с 1993 г.), начав период долгожданного изменения в материальных условиях жизни. Подъем благосостояния получил импульс в 1996 г., когда ежегодные темпы роста доходов достигли 8,9%. Во второй половине 1990-х годов рост продолжал-

ся, но уже медленнее. В 1997 г. реальные доходы повысились на 6,9 и в 1998 г. на 4,9 процентных пункта.

Ничего удивительного: улучшение благосостояния поляков перешло в повышение потребления. Индивидуальное потребление, измеренное через расходы, претерпело систематический рост, составивший до 8,3% в период пика 1996 г.; в 1997 г. оно увеличилось на 6,9% и в 1999 — на 6,4%. По словам специалистов в этой области, таких как Роберт Скиделский [20] и экономических экспертов — Джейфри Сакса [18], Польша стала лидером капиталистической трансформации, превосходящим Чешскую Республику, Венгрию и все другие посткоммунистические страны.

Процветание многолико. Проиллюстрируем общее направление изменений в динамике ВВП на душу населения, служащее хорошим суммарным индикатором благосостояния. В 1990 г., т.е. на старте трансформации, душевой показатель ВВП составлял в Польше 1547 долларов, а к 1999 г. возрос в 2,4 раза, достигнув 3702 доллара. С точки зрения темпов изменений, это был существенный шаг вперед. Он ясно виден при сравнении с динамикой ВВП в Норвегии, Швейцарии и Соединенных Штатах, занимавших ведущие позиции в иерархии наиболее развитых экономик. Разница в ВВП между этими тремя странами и Польшей сократилась, по крайней мере, вдвое. Если в 1990 г. ВВП в Швейцарии был в 21,7 раз выше (33,6/1,5 тыс. долларов США), то в 1999 г. — всего в 9,6 раз. В случае Норвегии и Соединенных Штатов разница уменьшилась соответственно с 17,6 до 9,5 и с 14,6 до 7,9 в пользу Польши. Переломные события 1990-х годов, принесшие рост изобилия, сопровождались и ростом неравенства. Это был период, крайне привлекательный для менеджеров, интеллигенции и некоторых собственников, однако нельзя скрывать, что экономическое положение рабочего класса и крестьянства вместе взятых ухудшилось.

Этот подъем укрепил фундамент общества среднего класса настолько, насколько отразился на улучшении материального уровня жизни среднего поляка. Анализ некоторых показателей благосостояния, таких как владение автомобилем или предметами домохозяйства, недвусмысленно указывает на то, что материальные условия существенно улучшились. Если в 1987 г. всего в 29% домохозяйствах был цветной телевизор, 11 лет спустя эта цифра возросла до 90% и к 1998 г. процент домохозяйств со спутниковой антенной увеличился до 19. Совершенно новым элементом образа жизни стал персональный компьютер, которым владело 14% домохозяйств в 1998 г. по сравнению с 1% в 1987 г. В то же время удельный вес собственников видеокамер вырос с 2 до 7%. В 1980-е годы совсем были неизвестны мобильные телефоны, которые в 1990-е получили распространение среди всех социальных категорий, от менеджеров до крестьян. В 1998 г. автоматическими стиральными машинами владели 69% семей, холодильниками 97% и автомашинами 53%. Процент автовладельцев возрос почти вдвое — с 27% в 1987 г. — и Польша переместилась на третье место в Европе, продавая 638 тыс. новых машин в 1999 г.

Конечно, прогрессивные тенденции стимулировал рост доходов и общий сдвиг к удовлетворению потребительских потребностей, когда оказалось, что такая возможность возникла. Люди с повышенным спросом компенсировали материальные лишения десятилетий жизни в условиях командной экономики. Для экономистов существующий порядок получил название «макроэкономической стабилизации» и «структурного регулирования», которые осуществлялись через

ограничение инфляции и сокращение субсидий в дефицитные сектора. Польскому правительству удалось прекратить их финансирование с помощью печатания денег, обуздать инфляцию и добиться баланса госбюджета. В качестве одной из основ устойчивого развития рассматривалась приватизация государственных предприятий, в этом отношении политика правительства оказалась лишь отчасти успешной, как и в отношении поддержки традиционных отраслей промышленности. То, что позже получило название «шоковой терапии», не сводилось к либерализации цен и стабилизации польского золотого, а представляло собой долгосрочную стратегию, введенную правительством Тадеуша Мазовецкого с такой степенью решительности, на которую были способны сторонники либеральной экономики. Они напоминали совет Макиавелли, что все трудные решения надо осуществлять на старте реформ, не откладывая — тогда можно будет терпеливо ждать их плодов.

Учитывая все эти обстоятельства, можно подвести итог первого этапа социальной трансформации в Польше. Представляется поучительным сравнение с западными обществами во время их вступления в эпоху изобилия периода послевоенного восстановления, экономического бума и действия плана Маршалла. В то время польское общество переживало экстенсивную индустриализацию, которая обернулась самым «героическим» периодом коммунистического правления. По нашим подсчетам, после пяти десятилетий насильтвенной стагнации, мы медленно продвигаемся к стандартам жизни западного типа. Все еще требует модернизации социальная структура и традиционные обычай. Вместе с тем возросло серьезное структурное блокирование возможностей трудоустройства работников бюджетного сектора — менеджеров и специалистов. В последние годы наблюдался ощутимый рост благосостояния и потребления, и после 50 лет поляки получили что-то более привлекательное, чем увеличение количества локомотивов, предлагавшееся Гомулкой, Гереком их окружением.

Стиль

Шоковые терапии результативны в том случае, если ведут к определенному изменению отношений и стиля жизни. Это звучит как аксиома, и надо быть осторожным с любыми прогнозами относительно развития польского среднего класса. Во-первых, материальный подъем не создает автоматически нужные ориентации и жизненные цели. Пути, ведущие к среднему классу, нелегки и сравнимы с усилиями вторгнуться в интеллектуальную дискуссию, предпринимаемыми низшими классами. Социальные системы ведут себя как индивиды, которые не могут сразу попасть в «хорошее общество».

Трудно измерить степень сформированности «средних классов» в польском случае. Этот вопрос не исследовался в коммунистический период, т.е. мы не можем охарактеризовать прошлую ситуацию, до коллапса прежней системы. Можно только поставить диагноз текущего состояния, которое является начальной точкой в процессах адаптации к западным образцам.

Войдите в любой дом и сразу определите, к какому классу относится его обладатель. В Великобритании конца XX в. более 75% населения жили в собственных домах, а почти половина семей рабочего класса были домовладельцами, что, несомненно, составляет примечательную особенность этой части современного мира.

Однако независимо от собственности как таковой, принципиальный фактор — внешний вид домов, который имеет классовые различия. У среднего класса, как правило, отсутствуют пластиковые гномы, другой декоративный орнамент на фасадах или причудливые изображения имен снаружи домов. Как отмечал Брэдли [1], повседневный вид и звук домашней жизни — хороший показатель различных уровней средней классовости. По его наблюдениям, позывные BBC Радио-3 являются верным признаком дома высокого уровня среднего класса, также как звук Мантовани предполагает его низкий уровень. Действительно, и в Польше обладание современной квартирой или домом становится хорошим показателем высокого положения. Все больше и больше молодых супружеских пар, происходящих из интеллигенции и собственников, начинают свою семейную жизнь с покупки дорогих домов.

Иметь свой дом недостаточно. Как обнаружила группа У. Уорнера [23], социальное значение соседских отношений столь велико, что люди использовали названия улиц для обозначения социальных классов. В капиталистических обществах в каждом населенном пункте есть территории с особенно высокой концентрацией людей высшего и среднего класса. В своем хорошо известном исследовании в рабочем районе Лондона Бетнал Грин (Bethnal Green) Янг и Уиллмот [24] установили, что 90% проживавших там представителей рабочего класса здесь же и родились, поблизости жили члены их семьи. В относительно гомогенном экономическом слое жителей статусные символы подтверждают положение, и классовые различия проявляются отчетливее. До сих пор домовладельцы ведут борьбу за то, чтобы жить в стороне от своих депрессивных соседей из низших классов.

В 1990-е годы мы наблюдали признаки поселенческой сегрегации в польских городах. В Варшаве возникло несколько «островов» для элиты, Miedzylesie стало одним из непревзойденным престижных пригородов: в 2000 г. один квадратный метр площади стоил там около 600 долларов. Однако предельным проявлением роскошной жизни был Konstancin (южная часть Варшавы). Konstancin считался модным адресом проживания — переезд туда означал перемещение на вершину социальной иерархии и, по мнению высших кругов, «это была высшая точка в городе». Представители интеллигенции, прожившие по двадцать лет дверь в дверь с водопроводчиками и каменщиками, как и все поляки до 1989 г., и не беспокоившиеся по поводу запаха жареного мяса на лестничной площадке, начали проявлять большую, чем раньше, осторожность в отношении своих соседей. И они стремились при смене жилища подниматься выше настолько, насколько были способны. Те, кто мог платить более высокую цену, переезжали из душных, перенаселенных районов, куда были навсегда прикованы люди из низших классов. Самые предпочтительные жилые кварталы располагаются вблизи лесов, теннисных кортов и рекреационных ресурсов; они обеспечены службой безопасности, средствами для их благоустройства, соответствующего их статусу.

Под влиянием такого рода развития возникают тысячи поселений одного класса, не имеющие параллели в нашей современной истории. Перед теми, кто может позволить себе купить дома и дорогие квартиры, открываются возможности доверительных отношений с правительством, местными властями, полицией, судом и банками. Домовладение будет верным признаком средней классовости. Жителям более престижных кварталов отдают предпочтение в предоставлении банковских

ссуд по сравнению с муниципальными арендаторами и нанимателями квартир в разрушающихся районах, перенаселенных пенсионерами, бедными и всеми, кто потерпел после падения коммунистической системы с ее социальными гарантиями.

Досуг и привычки — другая сфера жизни, отражающая социальные различия. Можно было ожидать, что в 1990-е годы классовая дифференциация стилей жизни станет даже более отчетливой, чем раньше. Считается, семьи среднего класса будут экономить, чтобы дать детям образование или создать капитал и передать его потомству, тогда как семьи рабочего класса будут тратить все деньги на еду, напитки, потребительские товары и развлечения. Определить характер стиля жизни можно, в частности, задавая вопрос: «Люди расходуют свое время по-разному. Скажите, пожалуйста, как часто Вы...» Здесь интервьюер зачитывает список из 20 видов деятельности в свободное время, включающий: деятельность в политической партии, в профсоюзе, общественную активность на благо местного сообщества и соседей, просто проведение времени около дома, разговоры с соседями, посещение танцев, разгадку кроссвордов, вышивание, изучение биржевых котировок и др. Этот вопрос задавался в ходе опроса 1998 г. Респонденты должны были указать, занимаются они названными видами деятельности «очень часто», «достаточно часто», «редко» или «никогда» [4].

Опрос показал, что главным видом проведения свободного времени является просмотр телепередач. 41% взрослых поляков «очень часто» проводят свободное время перед телекранами. К числу важнейших способов проведения досуга относятся: ремонтные работы (29%), посещение членов семьи (19%), и «некоторые» хобби (12%). Лишь 2% иногда просматривают курсы биржевых котировок и 5% занимаются профессиональной деятельностью. Первые были в основном менеджерами (14%), вторые — нетехническая интеллигенция (13%), которая признает главенствующую роль профессиональных корпораций как представителей их коллективных интересов. Стратегическую ценность они имели только для 5% всех поляков.

Анализ среднего класса был бы неполным без изучения склонностей и вкусов. Посещение ресторанов вызвано тягой к роскоши — оно не распространено в одинаковой степени среди всех классов общества. По данным нашего исследования, в 1998 г. 8,5% всех взрослых поляков бывали в ресторанах «хотя бы несколько раз в год» (вопрос звучал: «Имеете ли Вы обыкновение встречаться в ресторане с друзьями и знакомыми?»). Чаще всего это делала интеллигенция (18,6%), за которой следовали собственники, руководители предприятий, менеджеры и высшие чиновники администрации. Привычки в сфере питания свойственны именно среднему классу. Квалифицированные рабочие посещали рестораны в два раза меньше интеллигенции. Заметим, что это типично городская привычка — крестьяне (12,5% всех экономически активных в то время) никогда не питались в ресторане.

В глазах интеллигенции, профессиональную деятельность которой ограничивали догматы командной экономики, бизнес-ланч считался институцией, символизирующей Запад. Бизнес-ланч практикует преимущественно средний класс. Фактически этот классовый образец поведения появляется в капиталистической Польше. В целом лишь 3,8% опрошенных поляков указали участие в бизнес-ланче по крайней мере «несколько раз в год» (1998 г.). Ресторан — наиболее часто посещаемое место для менеджеров и нетехнической интеллигенции (в основном инженеров) (9,4%). С одной стороны, бизнес-ланч — это своего рода профессиональная обязанность ин-

теллигенции или управлеченческих категорий; с другой стороны — и в Польше он становится формой адаптации к западным образцам профессиональной карьеры.

Возможно, наиболее чувствительным показателем принадлежности к среднему классу является здоровье. Исследование индивидуальных ориентаций Антонины Островской [15], показало, что больше всего следят за своим здоровьем высшие профессиональные категории. Диета, интенсивный отдых и посещение врачей играют более значительную роль в жизненных стратегиях людей, знакомых с рыночной ценой здоровья и считающих его инвестицией, от которой будет отдача. Хорошее здоровье означает для них возможность выдержать напряжения и сохранить высокий статус. Есть веские основания предполагать, что эти ориентации все глубже укореняются в Польше, хотя мы еще далеко отстаем от западных обществ. Наиболее отчетливые признаки роста внимания к своему здоровью — изменения в структуре потребления пищи. В 1989—1995 гг. потребление мяса (которое высоко коррелирует с сердечными болезнями) сократилось на 46,6%. Поляки заменяют в своем рационе мясо на рыбу и птицу. Особенно быстро растет потребление куриного мяса (на 21,4%). В то же время использование растительного жира возросло на 163,6%, сопровождаясь увеличением доли расходов на фрукты и овощи, за счет снижения — животного жира.

К сожалению, у нас мало сравнимых данных относительно ориентаций на здоровье. Согласно данным национального исследования 1998 г., 37,4% всего населения посещали дантистов «хотя бы раз в год», 34,4% проходили периодическую диспансеризацию, и лишь 4,6% имели обыкновение «пить соки и есть свежие фрукты» [3]. Что касается диеты, жители Польши в основном предпочитали удобство и еду, содержащую крахмал; они потребляют много углеводов, нередко перекусывают на ходу бутербродами и едят консервированные фрукты вместо свежих.

Викторианский средний класс лидировал в спортивной активности. Только в обществах среднего класса спорт развился, став удовольствием, формой отдыха после трудового напряжения и одновременно залогом жизненного успеха. В сложной и наполненной политическими поворотами истории Народной Польши последующее «открытие» западной культуры шло параллельно распространению модных видов спортивной активности. Ее последняя волна, в 1990-е годы, связана с превращением все новых групп польского общества в энтузиастов йоги, велосипедов и серфинга, соперничавших с посещением теннисных кортов, завоевавших широкую популярность в последние десятилетия прежнего режима. В исследовании 1998 г. респондентам задавался вопрос, случается ли им в свободное время заниматься спортом. Предлагался список из 11 пунктов, позволяющий определить степень вестернизации стиля жизни в этой сфере.

Оказывается, с приходом общества среднего класса спортивный отдых распространился среди меньшинства поляков. 21,9% респондентов заявили, что у них нет времени заниматься спортом, а еще 32,8% не чувствуют такой потребности. Среди тех, кто допускал для себя участие в некоторых видах спорта, 3,7% играли в теннис, 4,2% каталась на лыжах и йогой занимались 10,7%. Наиболее эксклюзивными формами рекреации оказались гольф (0,3%), серфинг (0,4%), парусный спорт (1,6%) и верховая езда (1,6%). Если проанализировать характер неравенства в этом виде досуга, оказывается, что время, деньги и дорога выступают в роли се-

рьезных барьеров, но большое значение всегда имеет и желание самого человека. В польском случае наиболее активны в занятиях эксклюзивными видами спорта собственники, которые в этом отношении явно превосходили следующую за ними нетехническую интеллигенцию. Все еще редко занимались спортом представители низших нефизических категорий, а именно техники, административные служащие среднего уровня, работники сферы торговли и услуг. Спорту присущее деление по классовому принципу, при котором рабочий класс, не говоря о крестьянах, меньше всего участвует в этом виде проведения досуга. Неудивительно также, что в Польше представители низшего слоя наименее ориентированы на заботу о здоровье и «конструктивный» — спортивный — отдых.

Заключение: чего не могло бы произойти в США?

Несомненно, польское общество сделало шаг вперед по общему уровню жизни. Такие показатели благосостояния, как автомашины, дома и роскошные квартиры дают людям комфорт независимости и стремление к успешной и творческой жизни — даже в том случае, если реальным владельцем нового дома является банк, которому надо пожизненно выплачивать проценты по кредиту. Феномен среднего класса заключен в усилении рационализма, самодисциплины, инициативы, соревновательности. Эти черты позволяют людям гордиться собой и надеяться на результативность своих усилий. Именно поэтому средний класс остается привлекательным символом и создает механизмы свершений, позволяющие людям соглашаться на отложенное вознаграждение. А в обществе поддерживается политическая стабильность и экономический рост.

Вероятно, нельзя переоценивать это несколько идеализированное представление, которое может по-разному проявляться на практике. В *Democracy in America* Токвилль попытался объяснить, «почему американцы часто так неугомонны, даже находясь на полпути к своему процветанию». Отвечая на этот вопрос, он утверждал, что главная причина — они никогда не прекращают думать о хороших вещах, которых у них нет. Американцев, по наблюдению Токвилля, мучило смутное подозрение, что они избрали не самый короткий путь к получению этих вещей. Если гипотетически можно было бы перенести Токвилля (с его проницательным взглядом) в современную Польшу, вряд ли бы он нашел признаки «творческой муки», которая не позволяет амбициозным индивидам остановится на полпути. Чтобы стать представителем среднего класса в Польше, надо принадлежать к высшему управлению, интеллигенции и малым или средним предпринимателям. Несомненно, есть динамичные и полагающиеся только на себя индивиды, но они сконцентрированы в относительно узком секторе новейших и ориентированных на прибыль фирм в сфере банковского дела, маркетинга и рекламы. Интересной иллюстрацией действия «пламенного духа» в польском случае являются результаты исследования Марцинковского [11] среди людей бизнеса. В этом исследование сделана попытка идентифицировать синдром «творческих мук» через «продвижение». Действительно, интенсивная производственная мобильность отличала большинство опрошенных бизнесменов. Они сменили много фирм, и 47% из них имело опыт и подготовку, полученные за границей.

Нельзя преувеличивать рост духа капитализма в Польше. Простой человек только учится правилам рыночной игры. В национальной выборке было 2% владельцев акций и 2% поляков инвестировало в страховые фонды. Эти цифры не впечатляют, однако напоминают, что держать деньги в банке гораздо более безопасно, к тому же с позиций протестантской этики рискованные капиталовложения классифицируются скорее не как добродетель, а как порок.

В своей типологии американского среднего класса Макс Лернер [9] выделяет три категории, используя критерий различия жизненных стратегий. Первые — «рутинеры», строго следующие нормам своих профессиональных ролей и придерживающиеся стиля жизни среднего класса. Вторая категория состояла из «индивидуалистов» — они принципиально отличались от «рутинеров» тем, что были действительно инновативны в достижении своих жизненных целей. «Рутинеры» ближе к «конформистам» (третья категория), которые по большей части отступали от классического образца уверенного в себе предпринимателя.

Можно предположить, что польский аналог рутинеров по Лернеру — это малые и средние польские собственники. Подтверждением тому служит проведенный Гардавским [5] анализ углубленных интервью среди собственников: они стремятся избегать рискованных видов деятельности и предпочитают стандартные решения, избегая новаций. Ничто не предвещает, что в ближайшие годы рутинные ориентации сменятся активным отношением, построенным на глубоком анализе конъюнктурных тенденций и рыночной гибкости. Это не значит, что надо погружаться в депрессию — кажется, все общества среднего класса остаются скорее царством необходимости, чем свободного выбора.

Никто не застрахован от провалов и неудач, включая энтузиастов средних классов. В 2000 г. польский парламент принял законопроект, касающийся приватизации квартир, находящихся в собственности государства, предприятий и, главным образом, кооперативов, которые относились к *spółdzielnia* в Польше. Законопроект позволял жителям квартир покупать их за относительно небольшую, символическую цену — 3 процента реальной рыночной стоимости. Этому предшествовала широкая общественная дискуссия, в ходе которой главные оппоненты приватизации были представлены специалистами и экспертами в области экономики, большинство которых составляли горячие приверженцы идеи появления в Польше среднего класса. Они доказывали, что жители квартир никоим образом не подготовлены к роли собственников, потому что у них нет достаточных финансовых средств для их содержания и — самый важный аргумент — они не станут в будущем заботиться об имуществе, которое досталось им без особого труда.

Трудно представить общественную критику такого рода в Соединенных Штатах — здесь понятие среднего класса наиболее отчетливо. Любое публичное выражение сомнений по поводу того, готовы ли американцы распорядиться собственностью самостоятельно, приведет к политическому самоубийству и отрицанию логики системы. Это служит хорошей иллюстрацией большого разрыва, который нам предстоит преодолеть на пути к обществу среднего класса.

Перевод с английского
Н.В. КОРОВИЦЫНОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradley I. *The English Middle Classes. Are Alive and Kicking.* London: Collins, 1982.
2. CBOS. 1998. Opinie Polaków o własnej pracy. Biuletyn z grudnia. Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej.
3. Domański H. *Hierarchie i bariery społeczne w Polsce.* Warszawa. Wydawnictwo Instytutu Spraw Publicznych, 2000.
4. Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 29—49.
5. Gardawski J. Powracająca klasa. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2001.
6. Giddens A. *Class Structure of the Advanced Societies.* London: Hutchinson, 1973.
7. Hacker A. *Who Has How Much and Why.* New York: Simon & Schuster, 1998.
8. Jasiecki K. *Elita prywatnego biznesu. Formowanie się nowych aktorów transformacji w Polsce.* Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2001.
9. Lerner M. *America as a Civilisation.* New York: Simon & Schuster, 1961.
10. Lockwood D. *The Blackcoated Worker.* London: Unwin, 1958.
11. Marcinkowski A. *Drobní przedsiębiorcy i horyzonty kultury organizacyjnej // A. Marcinkowski (red.) Kapitalizm po polsku. Przedsiębiorca, organizacja, kultura.* Kraków, 1996.
12. Mills C.W. *White Collars. The American Middle Classes.* New York: Oxford University Press, 1951.
13. Offe C. *Disorganized Capitalism.* Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1985.
14. Offe C. *Varieties of Transition. East European and East German Experience.* Oxford: Polity Press, 1996.
15. Ostrowska A. *Styl życia a zdrowie.* Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 1997.
16. Pakulski J., Malcolm W. *The Death of Class.* London: Sage, 1996.
17. Rocznik Statystyczny. 1999. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.
18. Sachs G. *Poland's Jump to the Market.* London: Unwin Hyman. 1993.
19. Schmoller G. *Was verstehen wir unter dem Mittelstand?* Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 1897.
20. Skidelsky A. *Świat po komunizmie.* Warszawa: Znak. 1999.
21. Stark D. *The Great Transformation. Social Change in Eastern Europe // Contemporary Sociology.* 1992. 21.
22. Tocqueville de, A. *Democracy in America.* New York: Harper & Row. 1962.
23. Warner W. Lloyd et al. *Democracy in Jonesville.* New York: Harper & Brothers, 1949.
24. Young M., Willmot P. *Family and Kinship in East London.* London: Routledge & Kegan Paul. 1957.
25. Wright E. O. *The continuing relevance of class analysis — comments // Theory and Society.* 1996. 25. P. 693—716.

Криштоф ГОРЛАХ

Конец крестьянства

Вводные замечания

Название данного исследования не случайно является повторением девиза громких и рождавших дискуссии рассуждений французского автора Генри Мендраса [12]. В них он подвел своеобразные итоги нескольких десятилетий модернизации французского крестьянства и связанных с этим социально-культурных перемен французского села, объявив в результате о завершении этого этапа развития, в котором доминировали крестьянские хозяйства и крестьянский образ жизни. Разумеется, данный процесс характерен не только для Франции. Почти во всех европейских странах результатом бурного экономического развития после Второй мировой войны, прежде всего, в 1950-е и 1960-е годы, была утрата сельским хозяйством и сельским населением крестьянского характера (*раскрестьянивание*). Этот процесс, естественно, не протекал везде с одинаковой интенсивностью и в одинаковом темпе, а пережитки крестьянского мира не только в сфере сельскохозяйственного производства, но главным образом в сфере ментальности и культуры сохранились и до сегодняшнего дня, особенно в странах «зеленого пояса Европы», охватывающего территории от Скандинавии через Ирландию до стран Средиземноморья [2]. Следует отметить, что к этому региону надо отнести, по крайней мере, большинство обществ, которые с 1 мая 2004 г. официально стали членами Европейского союза, значительно увеличив в рамках его реорганизованной структуры процент населения — сельскохозяйственного, но прежде всего сельского [11].

Однако многообразие данного процесса не помешало авторам синтетического анализа преобразований, представленных в долгосрочной перспективе, признать не что иное как конец крестьянства наиболее существенным историческим фактом последних десятилетий. В своем видении картины XX века выдающийся британский историк Эрик Хоббом сформулировал, к примеру, следующее утверждение: «Наиболее радикальным и далеко идущим изменением во второй половине этого /двадцатого — К.Г./ столетия, изменением, которое отрывает нас навсегда от ушедшего мира /подчеркнуто мною — К.Г./, является исчезновение крестьянства» [8, с. 270]. А швед-

Польская версия этой статьи опубликована в кн. «Польские тревоги» под ред. Хенрика Доманьского, Антонины Островской и Анджея Рихарда (см.: «Niepokoje polskie», Warszawa: IFiS PAN, 2004, с. 53—74).

ский социолог Горан Терборн [18], анализируя — в соответствии с заглавием своей нашумевшей работы — пути к современной Европе, обращает внимание на совершающийся в западноевропейских обществах сдвиг, наиболее существенным результатом которого стал их, как он пишет, «посткрестьянский» характер.

Уже эти два высказывания историка и социолога свидетельствуют о том, что кардинальные преобразования в сельском хозяйстве и облике сельского населения представляют собой наиболее явные и фундаментальные признаки процесса осовременивания европейских обществ. Другими словами, утрата крестьянского характера европейскими обществами является в некоторой степени негативной стороной происходящего здесь процесса модернизации. Действительно, как утверждают сторонники теории модернизации, этот процесс имеет определенные универсальные образцы [9], однако, как уже упоминалось, у него нет повсеместного единого и одновременного характера. И это не обусловлено лишь локальной или региональной спецификой данной территории или определенным социально-экономическим положением, а прежде всего, как подчеркивается в литературе [13, 19], разделением Европы на два различных ритма развития. В интересующем нас в данном случае вопросе сельского хозяйства и сельского населения деление Европы на западную и восточную части нашло главное проявление в сохранении господства крупных земельных владений, а также множества традиционных крестьянских хозяйств до середины XX в.

При этом следует отметить, что именно во второй половине XX в. Восточная Европа начала реализовывать вариант модернизации в сельском хозяйстве, который в итоге принес определенные результаты, как и аналогичные процессы в западных обществах. Коллективизация, — правда, иными средствами и за более короткий период времени — привела к результатам, похожим на западные, т.е. уменьшению числа занятых в сельском хозяйстве, снижению численности самих хозяйств и одновременно к значительному увеличению их средней площади. Однако то, что в западных обществах было результатом социально-экономических преобразований, по крайней мере, в течение нескольких десятилетий, на Востоке — нескольких лет политico-административных кампаний. Польша (наряду с бывшей Югославией) представляет в этом смысле своеобразное исключение. Действительно, на долю нашего общества выпал путь развития, характерный для восточной части Европы, но результатом его не стала успешная политico-административная модернизация сельского хозяйства, типичная для стран советского блока. Более того, что совсем парадоксально, фактически несостоявшаяся коллективизация и государственная политика в отношении села по существу способствовали консервации традиционной модели сельского хозяйства. Это привело к созданию, как утверждает, например, Яцек Коханович [10], «крестьянских посттрадиционных хозяйств», а также к сохранению, по определению Марии Халамской [6], «последних крестьян в Европе». В итоге столкновение после 1989 г. с массированным воздействием рыночных механизмов, привело к ускоренному процессу модернизации сельского хозяйства и общественному напряжению. Следовательно, польская деревня — в результате именно такого, а не иного пути развития — переживает сейчас быстрое развитие по траектории модернизации.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы осветить некоторые аспекты этого процесса. Основная гипотеза, которую можно в связи с этим сформулиро-

вать, — о различиях в ситуации хозяйств и их владельцев. Это выражается, прежде всего, в усиливающейся диверсификации на хозяйства, хорошо приспособившиеся к новой ситуации, и те, которые подвергаются процессам маргинализации. К первым, как правило, относятся крупные по площади хозяйства, лучше технически оснащенные, владельцы которых лучше профессионально подготовлены и обладают предпринимательскими способностями; а вторые, как правило, поменьше, хуже оснащены и ведутся традиционным способом, ограничены типично крестьянской логикой существования [5]. Несмотря на региональную и историческую специфику, по мнению многих авторов, процесс модернизации сельского хозяйства имеет, тем не менее, универсальный характер [16]. Как формулирует, например, Юзеф Зажечны [23, с. 208]: «А ведь развитие сельского хозяйства в мире — это своеобразный универсальный путь, в основе которого находится прогрессирующая концентрация производства и хозяйств, уменьшение числа хозяйств и процента населения, занятого в сельском хозяйстве, снижение доли сельского хозяйства в производстве национального продукта и рост производительности сельскохозяйственного труда». В структурной перспективе это, как правило, принимает характер процесса «исчезающего центра». Иными словами, ссылаясь на определенное научное направление, следовало бы высказать гипотезу [1] о ликвидации средних хозяйств, недостаточно оснащенных средствами производства, владельцы которых рассматривают традиционную стратегию их ведения в качестве основного типа экономической активности своей и своих семей. В любом случае процессы модернизации сельского хозяйства связаны, в частности, со снижением числа хозяйств и с увеличением их средней площади. Например, в США в 1954—1987 гг., т.е. в период, когда произошли наиболее существенные с точки зрения индустриализации перемены в сельском хозяйстве США, количество хозяйств уменьшилось с 4782 тыс. до 2088 тыс. [4, с. 57]. Означает это только то, что свыше половины хозяйств перестали в этот период существовать. Зато средняя площадь хозяйства возросла в тот же период с 242 акров (немного меньше 100 га) до 462 акров (немного меньше 200 га), или почти в два раза. Впрочем, эта тенденция сохраняется и в настоящее время после кратковременного, как оказалось, замедления в конце 1980-х годов. Аналогичная ситуация и в странах Европейского союза. Этот факт подчеркивает и Е. Уилкин [21, с. 43], указывая на то, что сельское хозяйство стран ЕС, несмотря на протекционистскую политику в области сельского хозяйства, способствующую сохранению его семейных форм, характеризуется быстрым снижением числа хозяйств и одновременно с этим быстрой концентрацией земельных угодий. Эту ситуацию упомянутый автор противопоставляет тенденциям, наблюдаемым в польском аграрном секторе, подчеркивая — как проявление специфики — относительную стабилизацию там числа хозяйств, а также стагнацию процессов концентрации земельных площадей.

Чтобы сопоставить эту гипотезу с действительностью польской деревни, хотел бы представить результаты исследований, проведенных в 1994 и 1999 гг. на общепольской представительной выборке пользователей индивидуальных сельских хозяйств [см.: 3, 5]. Конфронтационный анализ сосредоточим на трех аспектах проблемы: 1) на некоторых механизмах селекции хозяйств; 2) на процессах дифференциации положения исследуемых хозяйств на рынке; 3) на процессах дифференциации характеристик сознания их пользователей.

Процессы селекции индивидуальных хозяйств

В исследованиях ситуации в Польше акцентируется факт стабилизации средней площади индивидуальных хозяйств [7, с. 40], а также относительно небольшого изменения их численности. Однако последнее утверждение, по моему убеждению, не совсем обоснованно. Попытаемся присмотреться к результатам анализа Анджея Пилиховского [15], касающегося периода 1950—1988 гг. Оказывается, в этот период количество сельских хозяйств в Польше уменьшилось с 2968,8 тыс. до 2534 тыс. Убыло 434,8 тыс. хозяйств, или 14,6%. Впрочем, данный процесс характерен для всего интересующего нас периода. В прошедший период между двумя последними сельскохозяйственными переписями 1995 и 2002 гг. количество хозяйств площадью свыше 1 га уменьшилось с 2046,8 тыс. до 1956,1 тыс. Снижение их числа составило 4,4% [17].

Однако эти процессы по-разному проявились в отдельных категориях хозяйств. В целом можно говорить о росте количества наименьших (0,5—2 га) и наибольших (свыше 10 га) хозяйств. В первом случае численность выросла с 621,6 тыс. в 1950 г. до 709 тыс. в 1988 г. В этой категории прибыло 87,4 тыс., что составляет около 14% исходного количества хозяйств. Зато в категории наибольших хозяйств мы имеем дело с ростом с 378,9 тыс. в 1950 г. до 486,0 тыс. в 1988 г. В этой категории, следовательно, прибавилось 107,1 тыс. хозяйств, или 28,3%. Т. е. рост самых крупных хозяйств был значительно более динамичным, чем самых мелких.

Таблица 1
Численность хозяйств в 1950 — 2002 гг. (в тыс.)

Площадь (в га)	1950	1988	1996	2002
до 2	626,1	709,0	462,2	516,8
2 — 5	991,8	689,0	667,6	629,5
5 — 10	976,5	650,0	520,8	426,5
Свыше 10	378,9	486,0	390,8	378,9
Итого	2968,8	2534,0	2041,6	1951,7

Источники: 15, 17, 24, а также собственные подсчеты.

Противоположные тенденции можно отметить в отношении двух средних категорий хозяйств — 2—5 га и 5—10 га. В первом случае их численность снизилась с 991,8 тыс. в 1950 г. до 689 тыс. в 1988 г., т.е. на 302,8 тыс., или 30,5%. Во втором случае наблюдалось снижение количества хозяйств с 976,5 тыс. в 1950 г. до 650 тыс. в 1988 г., или на 326,5 тыс., что составляет около 33,4%. Следовательно, динамика снижения количества хозяйств оставалась в обеих категориях на более или менее одинаковом уровне.

Можно согласиться с тем, что со времени начала экономических реформ рыночные механизмы все сильнее влияют на динамику количества хозяйств. Попробуем проанализировать эти процессы, используя данные Всеобщей сельскохозяйственной переписи 1996 г. Именно в этом году в Польше было зарегистрирова-

но 2041,6 тыс. хозяйств в сравнении с 2534 тыс. в 1988 г. Это означает снижение на 492,4 тыс. единиц, или 19,4%. Однако наибольшее влияние на уменьшение количества хозяйств в этот период оказала смена их официальной дефиниции, учитывавшая теперь только хозяйства площадью выше 1 га (!). В категории самых мелких хозяйств (до 2 га) произошло значительное снижение — с 709 до 462,2 тыс., т.е. на 246,8 тыс., или 34,8%. В двух следующих категориях хозяйств (от 2 до 5 га и от 5 до 10 га) также наблюдался количественный спад. В первом случае — с 689 тыс. в 1988 г. до 667,6 тыс. в 1996 г., следовательно, на 11,4 тыс. хозяйств, или всего на 1,7%. Во втором же случае падение было гораздо значительней. Количество хозяйств в категории от 5 до 10 га уменьшилось соответственно с 650 тыс. до 520,8 тыс., т.е. на 129,2 тыс., что составляет почти 20%. А в категории крупных хозяйств (выше 10 га) их количество также снизилось (!) в 1988—1996 гг. с 486 тыс. до 390,8 тыс. Таким образом, снижение составило 95,2 тыс., или 19,6%.

О продолжении этих тенденций свидетельствуют материалы доклада по данным последней сельскохозяйственной переписи 2002 г. В категории до 2 га количество хозяйств возросло до 516,8 тыс. Прибавилось 54,6 тыс. хозяйств, что составляет почти 12% от показателя 1996 г. В категориях хозяйств от 2 до 5 га, а также от 5 до 10 га наблюдалось снижение соответственно до 629,5 тыс. и 426,5 тыс. Следовательно, в этих группах убавилось соответственно 38,1 тыс. и 94,3 тыс. хозяйств, или 5,7% и 18,1%. Аналогично среди крупнейших хозяйств отмечено снижение с 390,8 тыс. до 378,9 тыс. хозяйств, или на 11,9 тыс., что составляет только 3% исходной величины [17].

Анализируя эти процессы, Ежи Уилкин подчеркивает, что темп сокращения численности хозяйств в аграрном секторе Польши был в несколько раз ниже, чем в странах Западной Европы. Однако интересно: «Экономическая трансформация в Польше не ускорила процесс выпадания хозяйств из сельскохозяйственного производства...» [22, с. 141]. Такое представление, как и упоминавшееся ранее мнение Халамской [7] о стабилизации аграрной структуры в нашей стране, несколько упрощенное и одностороннее. Ведь важно осознать, что в коммунистический период в категории от 2 до 10 га убыло почти 30% хозяйств, а в категории выше 10 га в тот же период произошел рост на незначительно меньший процент. После 1988 г. динамика этих процессов была схожей, хотя, надо особенно подчеркнуть, снижение численности хозяйств наблюдалось теперь во всех выделенных выше категориях. В категориях до 2 га оно составило выше 30% (хотя частично наверняка в результате изменения дефиниции крестьянского хозяйства); а в категориях от 5 до 10 га, а также выше 10 га — почти 20%. Интересно, что в период до 1988 г. мы не наблюдаем увеличения численности хозяйств ни в одной из выделенных категорий, что представляет отход от некоторых тенденций предыдущего периода, когда наблюдалось снижение численности хозяйств в средних категориях (от 2 до 10 га) и увеличение их числа в крайних категориях (до 2 и выше 10 га). Можно сказать, что в коммунистический период — в длительной, почти сорокалетней перспективе — шел классический процесс дуализации аграрной структуры, хотя, конечно, более медленным темпом, чем в странах с рыночной экономикой. Зато после 1988 г. изменения в нашей стране сменили направленность. Общее (в каждой категории) уменьшение численности хозяйств может, однако, рассматриваться как сигнал начинаяющегося

процесса концентрации земельных участков и производства в крупнейших и наиболее динамичных хозяйствах. Из данных сельскохозяйственной переписи 1996 г. следует, что на крупнейшие хозяйства (свыше 20 га), которые составляют только 4,1% их численности (но только тех, которые имеют площадь сельскохозяйственных угодий свыше 1 га) в нашей стране, приходится почти четверть (23,9%) всей площади сельскохозяйственных угодий [21, s. 45]. Эти тенденции наглядно демонстрируют результаты анализа последней сельскохозяйственной переписи 2002 г. Согласно им, в 1996—2002 гг. численность хозяйств свыше 20 га увеличилась с 88,3 тыс. до 115,9 тыс. Произошел рост в данной категории на 27,6 тыс. хозяйств, или 31,2% от уровня 1996 г., — сдвиг неслыханно высокой динамики, несравнимой ни с темпами роста наименьших хозяйств (до 2 га), ни с динамикой падения численности хозяйств в категории 2—20 га. Более того, в 2002 г. хозяйства, составляющие уже 5,9% общего числа хозяйств, занимали 40,5% площади сельскохозяйственных угодий в Польше [17]. Эти показатели, по моему мнению, убедительно свидетельствуют о происходящем процессе концентрации сельскохозяйственного производства.

Рассуждения, представленные выше, проводились на основе данных Главного статистического управления, а также исследований других авторов, использовавших эти данные. Однако они непосредственно не содержат существенной информации, касающейся судьбы отдельных хозяйств, а также, что чрезвычайно важно, точной оценки отношений собственности, что важно с точки зрения характеристики преобразований аграрной структуры под воздействием рыночных механизмов. Ведь увеличение размеров аренды в литературе трактуется как показатель процесса проникновения рыночных механизмов в общественные отношения в сельском хозяйстве. Поэтому дополним рассуждения, базирующиеся на официальных статистических материалах, результатами собственных исследований, дважды в минувшем десятилетии проведенными на репрезентативных выборках индивидуальных собственников аграрных хозяйств.

Собранные в ходе исследований 1994 и 1999 гг. материалы дают основание для анализа динамики аграрной структуры в современный период [см.: 5]. Разумеется, следует принять во внимание тот факт, что эти данные опираются на информацию, собранную в ходе проведения интервью с пользователями хозяйств, и они могут не до конца отражать формальную статистику, находящуюся в распоряжении различных институций, ведущих мониторинг этих процессов. Однако хотелось бы отметить, что полученная информация дает возможность представить не только тенденции преобразований (выводы могут быть различны в зависимости от того, какие категории стали объектом анализа), но и механизмы селекции семейных хозяйств, попавших под влияние рыночных отношений.

Начнем с простейших утверждений. Среди 800 хозяйств, собственники которых исследовались в 1994 г., удалось провести 685 интервью. Это означает, что 85,6% хозяйств в нашей выборке продолжали функционировать спустя пять лет и не прекратили своей деятельности. Чрезвычайно интересен факт, что в изучаемом нами сообществе в эти годы едва появилось два (!) новых хозяйства в результате разделения существующих. Т.е. всего в 1999 г. состоялось 687 бесед с лицами, управляющими данными хозяйствами. Однако появление всего двух новых хозяйств за весь пятилетний период между двумя исследованиями можно трактовать как по-

казатель полного прекращения процесса дробления аграрной структуры, характерного для крестьянского хозяйства.

Таблица 2
Судьбы хозяйств, исследованных в 1994 г.

Категория хозяйств	Количество хозяйств в 1994	Процент хозяйств
По-прежнему существуют в 1999 г.	685	85,6
Сданы в аренду	20	2,5
Проданы	45	5,6
Лежат по паром	25	3,1
Пользователь недоступен	25	3,1
Всего	800	100,0

Источник: в этой и последующих таблицах — собственные исследования автора.

Как видно из таблицы 2, подавляющее большинство хозяйств, исследованных в 1994 г., продержались в течение пяти лет, прошедших с предыдущего исследования. Среди 115, которые в этот период перестали функционировать, самая большая часть (45) продана. Еще 20 сданы в аренду. Т.е. всего 65 хозяйств (8,1%) активно вышли — если так можно сказать — на рынок земли, изменив собственника или хотя бы пользователя. Зато меньшая часть, включающая 25 хозяйств (3,1%), выбрали своего рода пассивную стратегию отказа от сельскохозяйственного производства — земли были оставлены под паром. Еще в 25 заброшенных хозяйствах контакт с пользователем-собственником был невозможен ввиду отсутствия его самого или членов его семьи.

Как же процессы селекции хозяйств проходили в разных по площади категориях? Сравним число хозяйств в разных группах в 1994 г. (800 единиц) и пять лет спустя (687 единиц) (табл. 3).

Таблица 3
Хозяйства разных по площади групп

Площадь (в га)	Количество хозяйств в 1994 (%)	Количество хозяйств в 1999 (%)
До 2	23,0	19,7
3 – 5	31,2	28,8
6 – 7	15,0	14,7
8 – 10	14,0	14,8
11 – 15	9,9	11,5
16 и более	6,9	10,5
Всего	100,0	100,0

Приведенные данные выразительно, на мой взгляд, показывают тенденцию динамики аграрной структуры нашей страны. Смысл ее в том, что происходит от-

носительный рост числа хозяйств с площадью земельных угодий выше средней, составляющей сейчас около 7 га. Следует подчеркнуть, что самый большой рост характерен для группы хозяйств с наибольшей территорией земельных угодий. Это отчасти соответствует тезису, сформулированному Е. Уилкиным: «Данные (...) подтверждают явно обозначившуюся в 1990-е годы тенденцию к концентрации и поляризации структуры сельских хозяйств и одновременно низкий темп полного выпадания хозяйств из сельскохозяйственного производства, а также уменьшения их количества» [22, с. 142]. Из проведенных мной исследований и сравнения их результатов определенно следует тезис о концентрации земли. Но изменения, касающиеся доли разных по площади категорий, не дают возможности подтвердить тезис о дуализации структуры хозяйств. Этот тезис будет проверяться ниже, на основе более сложных характеристик изучаемых хозяйств, связанных с уровнем их обеспечения разными видами капитала.

Обратимся еще раз к той части тезиса Уилкина, где говорится о медленном процессе выпадания хозяйств и уменьшении их численности. Если рассмотреть вместе хозяйства проданные, сданные в аренду и лежащие под паром как выпадающие из производства и факторы, ведущие к постоянному уменьшению количества хозяйств, то можно утверждать: количество хозяйств уменьшилось на 11,2%, иными словами, в период 1994—1999 гг. прекратило свое существование в Польше по крайней мере одно из десяти хозяйств. Если предположить, что эта тенденция сохранится и в будущем, то потребуется примерно 20—25 лет, чтобы число хозяйств уменьшилось до 35—40% их нынешней численности и достигло цифры 700 тыс., что, по мнению многих экономистов, могло бы составить оптимальную для польского сельского хозяйства величину.

Другим важным показателем динамики аграрной структуры является изменение форм собственности. В соответствии с логикой процессов либерализации экономики все шире должна распространяться аренда, в результате чего в руках наиболее предпримчивых людей будут концентрироваться производственные ресурсы (земля), не всегда находя подтверждение в формальном праве собственности. В любом случае, увеличение масштаба такого рода явлений очевидно свидетельствует об эластичности аграрной структуры и о большом потенциале перемен (табл. 4).

Ситуация с собственностью исследуемых хозяйств

Категория собственника	Число пользователей в 1994 (%).	Число пользователей в 1999 (%)
Собственник — пользователь	85,6	77,1
Собственник — арендатор	12,6	19,8
Собственник — рантье	1,8	3,1
Всего	100,0	100,0

Действительно, масштаб явлений аренды земли значительно возрос. Мы по-прежнему имеем дело с доминирующей ситуацией пользователя, который одно-

временно является и собственником всего этого земельного угодья. Однако почти каждый пятый из нынешних пользователей хозяйств осваивает большую площадь земли, чем та, которой он формально обладает. Тезис о прогрессирующей эластичности отношений собственности под воздействием механизмов рыночной экономики находит, по моему убеждению, полное подтверждение.

Динамика положения исследуемых хозяйств на рынке

Основной слабостью проведенного исследования является безапелляционное выделение категорий хозяйств по показателю используемой площади. По моему мнению, эта слабость имеет двоякий характер. С одной стороны, нет никаких объективных оснований квалифицировать, например, хозяйства площадью до 2 га как «малые», а свыше 10 га — как «большие». Эти градации определяются традицией каждой отдельной страны, формирующейся в зависимости от аграрной структуры. Известно, что в стране с высоким уровнем ее раздробленности — такой, как Польша, — хозяйство даже в несколько гектаров может считаться «большим». А, например, в США или Великобритания такое же по площади хозяйство считается «малым».

На эту проблему обращает внимание и Ежи Уилкин [21, с. 44 – 46], указывая на острую необходимость выработки других, более сложных и одновременно более адекватных измерений «масштабности» хозяйств. В этом контексте он указывает на проведение в странах ЕС анализа размерности на основе европейских единиц (ESU), определяемых величиной так называемых непосредственных излишков. Если бы, по его мнению, использовать эту меру при изучении ситуации в польском сельском хозяйстве, то почти 90% хозяйств были бы квалифицированы как «малые».

Необходимо рассмотреть процесс дифференциации индивидуальных сельских хозяйств в нашей стране с целью выбора более точной меры, с помощью которой можно было бы оценить его перспективы. Согласно моей концепции, этой мерой является оснащенность экономическим и культурным капиталом. К первому относятся: площадь обрабатываемой земли, вооруженность машинами и оборудованием для ведения земледелия и животноводства. Вторая переменная включает такие характеристики производителя, как: тип рациональности, уровень образования и возраст [см.: 5, с. 231 – 245].

Таблица 5

**Оснащенность исследуемых хозяйств капиталом
(экономическим + культурным)**

Уровень оснащенности	Количество хозяйств в 1994 (%)	Количество хозяйств в 1999 (%)
Низкий	47,9	45,8
Средний	44,3	42,4
Высокий	7,8	11,8
Всего	100,0	100,0

Сравнение показателей 1994 и 1999 гг. показывает характерные перемены, происходящие в исследуемом сообществе. В рассматриваемый период уменьшилось в относительном выражении количество хозяйств, обеспеченных капиталом на низком (с 47,9% до 45,9%) и среднем (с 44,3% до 42,4%) уровне, зато увеличилось — на высоком (с 7,8% до 11,8%). Это подтверждает тезис о ликвидации хозяйств со слабыми (низкий уровень капитала) или ограниченными (средний уровень капитала) возможностями приспособления к рыночной ситуации. Однако таков результат происходящих социально-экономических процессов. Попытаемся внимательнее рассмотреть их механизмы. Для этого необходимо проследить судьбы отдельных хозяйств и идентифицировать их место на шкале оснащенности капиталом, т.е., другими словами, изучить перемены в их рыночной позиции в течение интересующего нас пятилетнего периода.

Ограничимся анализом только той части хозяйств, которая просуществовала на протяжении пяти лет. Это были 685 хозяйств, которые исследовались дважды, т.е. в 1994 и 1999 гг. Анализ не сузился до 460 случаев, когда не произошло смены собственника или главного пользователя. Единицей исследования было хозяйство, а факт потенциальной смены его главного пользователя трактовался как изменение в культурном капитале: ведь именно главный пользователь (собственник) является носителем компонентов культурного капитала. Любая динамика его характеристик и есть, в соответствии с принятой концепцией, перемена в уровне оснащенности исследуемого хозяйства культурным капиталом. Исходя из этого, давалась характеристика 685 хозяйств в двух временных разрезах по вооруженности культурным и экономическим капиталом для определения их рыночной позиции в каждый из исследуемых периодов. На основе этого анализа выделены три категории хозяйств (табл. 6).

Таблица 6
Рыночная позиция исследуемых хозяйств

Позиция хозяйства	Количество хозяйств в 1994 (%)	Количество хозяйств в 1999 (%)
Негативно привилегированная	47,9	48,2
Средне привилегированная	34,5	30,7
Позитивно привилегированная	17,6	21,2
Всего	100,0	100,0

Полученные данные отчетливо свидетельствуют о соответствующем основной гипотезе процессе расслоения хозяйств. Как видно из таблицы, в обоих крайних группах, т.е. хозяйствах с минимальными и максимальными возможностями приспособления к рынку произошел количественный рост, в то время как в промежуточной категории — со средними возможностями — снижение. Эту тенденцию можно трактовать как проявление описанного в литературе и уже упоминавшегося нами процесса исчезающего центра (*disappearing middle*), но теперь уже — с точки зрения комплексной характеристики хозяйств, не сводящейся к динамике размеров земельных угодий. Более детально этот процесс можно проиллюстрировать данными таблицы 7.

Таблица 7

**Динамика изменений рыночной позиции исследуемых хозяйств
в 1994—1999 гг. (количество хозяйств в абсолютных величинах и %)**

Рыночная позиция	Негативно привилегированная в 1994	Средне привилегированная в 1994	Позитивно привилегированная в 1994	Всего в 1999
Негативно привилегированная в 1999	243 74,3%	72 30,6%	15 12,5%	330 48,4%
Средне привилегированная в 1999	63 19,3%	117 49,8%	29 24,2%	209 30,6%
Позитивно привилегированная в 1999	21 6,4%	46 19,6%	76 63,3%	143 21,0%
Всего в 1994 г.	327 47,9%	235 34,5%	120 17,6%	682 100,0%

Общее число анализируемых хозяйств составляло 682.

Из-за неполных данных исключены 3 хозяйства.

Таблица 7 подтверждает факт процесса поляризации. Оказывается, что отток из промежуточной категории (средне привилегированная рыночная позиция) значительно больше (50,2%), чем отток из крайних категорий (из негативно привилегированной рыночной позиции — 25,7% и позитивно привилегированной — 36,7%).

Далее. 439 хозяйств (64,1% общей численности) сохранили свою рыночную позицию в течение всего пятилетнего периода. Улучшение положения (аванс) наступило в случае 130 хозяйств (19%), а его деградация, или ослабление стало уделом 116 хозяйств (16,9%). Следовательно, процессы аванса или деградации, т.е. движения хозяйств, касались только меньшинства исследуемых хозяйств (35,9%). Можно говорить об определенном балансе этих двух групп процессов в рассматриваемый период. Однако сравнение численности хозяйств, которые сохранили свою позицию в категории негативно привилегированных (74,3%), а также позитивно привилегированных (63,3%), внушиает опасения по поводу стабилизации последних.

Как, однако, выглядели эти сдвиги в отдельных категориях хозяйств? В случае негативно привилегированных почти 3/4 хозяйств (74,3%) не смогли улучшить свое положение. А почти 1/5 (19,3%) перешли в категорию средне привилегированных, и только 6,4% действительно совершили скачок, принципиально изменив свою позицию и перейдя в категорию позитивно привилегированных, т.е. тех, кто обладал большими возможностями приспособления к рыночной ситуации.

Интересна ситуация в категории хозяйств, находившихся в 1994 г. в категории средне привилегированных и обладавших ограниченными возможностями приспособления к рыночным условиям. Здесь процессы деградации выражены сильнее, чем процессы аванса. Они касались 30,6% хозяйств, опустившихся до категории негативно привилегированных, в то время как только каждое пятое хозяйство из этой категории смогло перейти в категорию позитивно привилегированных. А следовательно, позиция середины стала исходным пунктом к процессу деградации.

С большими трудностями было сопряжено сохранение позиции в категории хозяйств позитивно привилегированных. Правда, это удалось 63,3% хозяйствам, находившимся в данной категории в 1994 г., однако стабилизация здесь оказалась ниже, чем среди негативно привилегированных (74,3%). 2/3 хозяйств испытalo деградацию — умеренную, перейдя в категорию средне привилегированных (24,2% всех находившихся в категории позитивно привилегированных в 1994 г.), и кардинальную, опустившись до категории негативно привилегированных (12,5%). Таким образом, сравнивая процессы аванса в случае негативно привилегированных в 1994 г. и деградации в случае позитивно привилегированных (тогда же), можно констатировать, что доля последних была больше, чем первых, относительно исходного уровня.

Социальные последствия поляризации положения хозяйств

Преобразование хозяйств, их рыночной позиции непосредственно отражается — в соответствии с логикой концепции Вебера — на классовом положении их собственников и пользователей. С помощью традиционных веберовских категорий я выделил три отчетливые группы хозяйств: позитивно, средне и негативно привилегированных.

В этом смысле процесс дезинтеграции крестьянства основывается на его расслоении именно на три основных класса: позитивно и негативно, а также средне привилегированных. Кристаллизация упомянутых категорий составляет основу классообразующих процессов, происходящих в этой сфере [20].

Однако различия в классовом положении не могут ограничиваться только объективными показателями положения хозяйств. Ведь принятие классовой перспективы равнозначно признанию, что эти объективные различия находят свое отражение и в сознании, которое характеризует людей, занимающих различное положение. Отсюда следуют размышления, содержащиеся в данном разделе.

Для характеристики различных взглядов были избраны четыре вопроса. Во-первых, сводное мнение, касающееся взглядов исследуемых собственников и пользователей хозяйств на проблему отношений между работодателем и рабочим. Во-вторых, восприятие ряда организаций как представителей и защитников интересов исследуемых. В-третьих, заявления исследуемых об участии в акциях протеста. В-четвертых, мнения о разных стратегиях борьбы за собственные интересы.

Сводные мнения касались трех аспектов упомянутых отношений: а) размеров заработков собственника-работодателя по отношению к заработкам наемных работников; б) права работников участвовать в решении судеб своего предприятия; в) права собственника-работодателя увольнять бастующих работников.

Решительное одобрение значительных различий в первом случае, решительный отказ в праве работников по второму пункту и решительное одобрение права работодателя по третьему пункту интерпретировались как показатели позиций крайне про-собственнических, которым присваивалась величина 1. Ответы также решительные, но представляющие мнение противоположного рода, в свою очередь, трактовались как показатели крайне про-рабочие, которым присваивался ранг 5 [см.: 5, с. 252 и др.]. Подсчитанные на этой основе средние величины для отдельных категорий представлены в таблице 8.

Таблица 8

**Характер сводных мнений, исследуемых в двух
противоположных классовых категориях**

Классовая категория	Средняя величина в 1994 г.	Стандартное отклонение в 1994 г.	Средняя величина в 1999 г.	Стандартное отклонение в 1999 г.
Негативно привилегированные	2,7757	0,7329	2,9071	0,7715
Позитивно привилегированные	2,6167	0,8486	2,7011	0,7635

В обоих случаях обнаружена разница между исследуемыми категориями. В 1994 г. она составляла 0,14, а пять лет спустя — уже 0,21. Анализ с помощью t-теста существенности этой разницы показал, что в первом случае она была крайне близка существенности ($p = 0,07$), а во втором — уже решительно существенна ($p < 0,01$). Следовательно, можно рассматривать этот результат в качестве подтверждения гипотезы о прогрессирующей поляризации, происходящей и в сфере сознания, так как разница между обеими категориями становится все более заметной.

В соответствии с принятой концепцией, еще одним важным элементом классового сознания является место, которое занимает в нем организация, представляющая интересы данной общественной категории. Исследования подтвердили, что в 1994—1999 гг. значительно больше крестьян стало указывать на различные организации, которые защищают их интересы (табл. 9). Доля их возросла с 13,6% до 41,1%. Особенно ценились две организации: среди профсоюзов «Самооборона», а среди политических партий Польская крестьянская партия. Оказывается, оценка роли организации зависит сегодня от классовой позиции собственника. Позитивно привилегированные значительно чаще, чем негативно привилегированные, воспринимают организации как защищающие их интересы (табл. 10). Аналогичную тенденцию можно наблюдать в случае конкретных организаций, т.е. «Самообороны» и ПКП. В обоих случаях именно позитивно привилегированные чаще, чем негативно привилегированные, указывают на организации, защищающие групповые интересы крестьян (табл. 11 и 12). Это означает, что обе организации — вопреки стереотипным представлениям — становятся представителями крестьян, активно функционирующих в системе рыночной экономики, а не маргинальной бедноты.

Таблица 9

**Доля указывающих на существование организаций,
защищающих интересы крестьян**

Категория ответа	1994 г.	1999 г.
Указывает по крайней мере одну организацию	13,6	41,1
Указывает ПКП	7,4	9,1
Указывает «Самооборону»	0,6	27,0

Таблица 10

Указание на организацию, защищающую интересы крестьян, в зависимости от классовой позиции пользователя хозяйства (1999 г., %)

Категория	Негативно привилегированные	Средне привилегированные	Позитивно привилегированные	Всего
Указание	33,6	42,4	56,3	41,1
Отсутствие указания	66,4	57,6	43,8	58,9
Всего	48,2	30,7	21,1	100,0

Таблица 11

Указание на ПКП как организацию, защищающую крестьян, в зависимости от классовой позиции пользователя хозяйства (1999 г., %)

Категория	Негативно привилегированные	Средне привилегированные	Позитивно привилегированные	Всего
Указание	7,3	8,1	14,5	9,1
Отсутствие указания	92,7	91,9	85,5	90,9
Всего	48,2	30,7	21,1	100,0

Таблица 12

Указание на «Самооборону» как организацию, защищающую интересы крестьян, в зависимости от классовой позиции пользователя хозяйства (1999 г., %)

Категория	Негативно привилегированные	Средне привилегированные	Позитивно привилегированные	Всего
Указание	22,1	30,0	33,8	27,0
Отсутствие указания	77,9	70,0	66,2	73,0
Всего	48,2	30,7	21,1	100,0

Наши исследования подтверждают тезис об активности в защите собственных интересов тех, кто занимает позицию позитивно привилегированную, а также о широко распространенном явлении отказа от активной защиты своих интересов маргинализирующейся группы собственников (т.е. занимающих позицию негативно привилегированную). Об этом свидетельствуют различия в высказываниях по поводу участия в акциях протеста, организованных в 1998—1999 гг. (табл. 13). На подобную зависимость указывают и заявления, касающиеся наиболее успешных, по мнению исследуемых, методов борьбы за реализацию собственных интересов. Сравнение выбора, сделанного позитивно и негативно привилегированными (табл. 14), показывает, что среди последних «пользуется успехом» значительно большим чем среди вторых, утверждение типа «нет смысла что-либо делать, итак сделают с нами что захотят».

Таблица 13

**Декларированное участие в протестных акциях
в зависимости от классовой позиции исследуемых (1999 г., %)**

Категория	Негативно привилегированные	Средне привилегированные	Позитивно привилегированные	Всего
Участие более чем в одной акции	3,6	5,8	15,2	6,7
Участие в одной акции	1,5	5,8	13,1	5,3
Не принимал участия	94,8	88,5	71,1	88,0
Всего	48,3	30,5	21,2	100,0

Таблица 14

Предпочтения различных форм борьбы крестьян за собственные интересы в зависимости от классовой позиции исследуемых (1999 г., %)

Категория	Негативно привилегированные	Средне привилегированные	Позитивно привилегированные	Всего
Блокады, демонстрации, занятие зданий	15,2	12,9	22,1	16,0
Давление на депутатов, сенаторов...	16,1	20,3	13,8	16,9
Самоорганизация среди крестьян	30,0	35,6	46,2	35,2
Нет смысла что-либо делать	38,7	31,2	17,9	31,9
Всего	48,3	30,1	20,6	100,0

Заключение

Представленный в данной работе эмпирический материал побуждает к разнообразной рефлексии. Полагаю, ее можно классифицировать трехсторонне. Прежде всего, приведенные результаты исследований, касающиеся как динамики положения семейных хозяйств, так и изменений в сознании пользователей, подтверждают основную гипотезу о процессах дуализации аграрной структуры и сельского населения в Польше. Это был бы аргумент в пользу универсальности процессов, происходящих в модернизирующемся селе и сельском хозяйстве. Отличие путей развития нашей страны от Запада, как и специфика преобразований сельских и аграрных отношений во второй половине XX в. в сравнении с другими обществами региона, не отменили, однако, того, что можно назвать общими чертами в развитии. Если это представление распространить на другие сферы общественно-экономического уклада в нашей стране, то целесообразно выдвинуть следующую гипотезу: процессы раннекапиталистической социально-экономической диверсификации (хотя и происходящие в ином, чем в западных обществах, глобальном контексте) являются результатом действия сходных механизмов и ведут к аналогичным результатам.

В процессе дуализации социально-экономической структуры сельского хозяйства важна не только форма (о чем, прежде всего, шла речь выше), но и содержание. Речь идет о появлении, с одной стороны, современных и интегрированных в рынок хозяйств, а с другой — большой массы хозяйств, функционирующих на периферии рынка или вне его. Разумеется, последнее необязательно должно означать маргинализацию или эксклюзию пользователей и их семей. Речь может идти о начале других форм экономической активности, которая придает уже совершенно несельскохозяйственный облик сельским территориям. Политические последствия таких преобразований заключались бы в снижении уровня мобилизации на защиту интересов в сфере сельского хозяйства, что, как представляется, и нашло отражение в представленном эмпирическом материале.

Иначе обстоят дела по другую сторону, т.е. в сфере хозяйств, в полной мере участвующих в рыночной игре. Здесь, как видно из наших данных, уровень политической мобилизации выше, а склонность к самоорганизации для групповой борьбы за свои интересы значительно более выраженная. Это подтверждают не только изменения в характере протестной активности земледельцев во второй половине 1990-х годов [5], но и, например, требование польской стороны в ходе переговоров по условиям договора о вступлении страны в Европейский союз в декабре 2002 г. перенести часть средств из фонда структурного развития сельских территорий (неzemледельческие интересы) на доплату для сельскохозяйственных производителей. По моему мнению, этот случай свидетельствует об эффективности перенесения усилий земледельцев современного типа в сферу изменения политической стратегии правительства, что подтверждается и другими исследованиями, не использованными в настоящей работе [14].

Так или иначе, приведенный выше анализ отчетливо демонстрирует изменение экономического, социального и политического ландшафта польской деревни. А значит в определенном смысле это и образ польской специфики утраты территории крестьянского характера (*раскрестьянивание*). Однако следует осознавать, что конец крестьянства не означает ликвидации села как общественного феномена. Представляется, что это начало нового этапа его истории.

*Перевод с польского
О.Н. МАЙОРОВОЙ*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buttel F. W(h)ither family farm. Towards a sociological perspective on independent commodity production in U.S. agriculture // Cornell Journal of Social Relations.* 1980. 15 (Summer).
2. *Europe's Green Ring.* / Tovey H., Granberg L., Kovach I. (eds). Aldershot — Burlington — Singapore — Sydney: Ashgate, 2001.
3. *Gorlach J. Chłopi, rolnicy, przedsiębiorcy: «kłopotliwa klasa» w Polsce postkomunistycznej.* Kraków: Kwadrat, 1995.
4. *Gorlach K. Obronić ducha Ameryki. Kwestia rolna i socjologia wsi we współczesnych Stanach Zjednoczonych.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1994.
5. *Gorlach K. Świat na progu domu. Rodzinne gospodarstwa rolne w Polsce w obliczu globalizacji.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001.

6. Halamska M. Chłopi polscy u progu XXI wieku // Wieś i Rolnictwo. 1991. № 3.
7. Halamska M. Struktura agrarna Polski — ciągłość czy zmiana? // Wieś i Rolnictwo. 1988. № 3.
8. Hobsbawm E. Wiek skrajności. Warszawa: Politeja, 1999.
9. Knobl W. Theories that won't pass away: the never-ending story of modernization theory / Handbook of Historical Sociology. Delanty G., Isin E. (ed.). London: Sage, 2003.
10. Kochanowicz J. Spór o teorię gospodarki chłopskiej. Gospodarstwo chłopskie w teorii ekonomii i historii gospodarczej. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1992.
11. Kovach I. Enlargement of the European Union: Central European Perspectives, referat wygłoszony na XX Kongresie Europejskiego Towarzystwa Socjologii Wsi, Sligo, Irlandia, 18 – 21 sierpnia 2003.
12. Mendras H. Societies paysannes. Paris: Arman Colin, 1976.
13. The Origins of the Backwardness in Eastern Europe. Economics and Politics from the Middle Ages until Early Twentieth Century. / Chirot D. (ed). Berkeley: University of California Press, 1989.
14. Osa M., Gorlach K. Podedworna H. EU Enlargement, Agricultural Politics, and Domestic Policy Networks in Poland. Evanston Il. — Kraków — Warszawa, 2003.
15. Pilichowski A. Chłopi w perspektywie strukturalnego przystosowania. // Kultura i Społeczeństwo. 1994. № 1.
16. Przyszłość wsi polskiej. Wizje, strategie, koncepcje / Kolarska-Bobińska L., Rosner A., Wilkin J. (red). Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 2001.
17. Raport z wyników Powszechnego Spisu Rolnego 2002 / www.stat.gov.pl
18. Therborn G. Drogi do nowoczesnej Europy, Warszawa — Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.
19. Topolski J. Narodziny kapitalizmu w Europie XIV — XVII w. / Warszawa: PWN (wyd. 2), 1987.
20. Wesołowski W. Procesy klasotwórcze w teoretycznej perspektywie. // Studia Socjologiczne. 1994. № 1.
21. Wilkin J. Struktura wsi i rolnictwa — Polska a kraje Unii Europejskiej. / Chłop, rolnik, farmer? Przystąpienie Polski do Unii Europejskiej — nadzieje i obawy polskiej wsi. Warszawa: ISP, 2000.
22. Wilkin J. Gospodarstwa inwestujące oraz gospodarstwa upadające — strategie dostosowawcze. / Chłop, rolnik, farmer? Przystąpienie Polski do Unii Europejskiej — nadzieje i obawy polskiej wsi. Warszawa: ISP, 2000.
23. Zarzeczny J. Bariery rozwojowe rolnictwa i obszarów wiejskich w Polsce. / Problemy polskiej wsi na przełomie wieków. Frąckiewicz L., Król M. (red). Katowice: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej, 2002. S. 205 – 214.
24. Zróżnicowanie produkcji rolnej w gospodarstwach 1996—1997. Powszechny Spis Rolny 1996. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1998.

Младен ЛАЗИЧ

Постсоциалистическая трансформация в Сербии: изменения в процессах пополнения экономической элиты

Особенности постсоциалистической трансформации в Сербии

Процесс постсоциалистической трансформации в Сербии можно разделить на два этапа. Первый из них, продолжавшийся с 1989 г. до второй половины 1990-х годов, может быть назван «заблокированной трансформацией». Второй этап начался в 2000 г. и определяется как «отложенная трансформация». Можно предположить, что обе стадии изменений были производны от предшествующего развития («path dependent»): первая определялась спецификой югославской модели общественного самоуправления при социализме и ее последующего крушения, вторая отмечена «шрамами» первой. Они отличаются от того, что может быть названо «стандартной моделью» постсоциалистического перехода. То есть процесс формирования новых классов и рестратификации приобрел специфическую направленность. При этом менялись способы пополнения элит и сопротивления системному изменению.

a) Югославский социализм: квазирыночная «либеральная» модель

Югославский социализм — и сербское общество не составляло исключения — характеризовался несколькими важными определяющими чертами. Командная экономика, политический монизм и идеологическая монополия служили его генетической основой [2, 5]. Однако, возникшая уже на ранних этапах конфронтация руководства югославских коммунистов с советской номенклатурой обусловила возможность появления некоторых особенностей развития общественной системы. Даже успешное сопротивление руководства страны Сталину в 1946 г. вызвано одной из особенностей, а именно, автохтонным происхождением югославского коммунистического режима, пришедшего к власти благодаря успешному партизанскому движению во время Второй мировой войны, а не установленному советскими танками.

Статья впервые опубликована в: Cohesion and Division of Economic Elites in Central and Eastern Europe / G. Lengyel (ed.). Budapest: Corvinus University, 2004.

Чтобы сохранить массовую поддержку населения, а также необходимую внешнюю помощь со стороны стран Запада, коммунистическое руководство Югославии приступило к созданию некоторых институциональных и законодательных моделей, которые в некоторых отношениях составляли противоположность основам советской системы. В начале 1950-х годов, например, отказались от большей части коллективной собственности в сельском хозяйстве и вновь ввели частную собственность (размер индивидуального землевладения был ограничен 10 га). Кроме того, частная собственность была восстановлена в торговле и сфере услуг (тоже с ограничением количества занятых на предприятии). В 1960-е годы введена частичная децентрализация командной экономики. Важную роль в этом отношении играло «самоуправление», которое формально институционализировало доминирующие позиции работников в принятии решений (в законодательной системе это интерпретировалось как явное доказательство «существенной» демократизации). Однако в действительности самоуправление предоставляло лишь законные рамки роста автономии управленческой когорты правящей номенклатуры [4, 11, 16]. Элементы рыночной экономики, введенные в начале 1960-х годов, касались рынка потребительских товаров и позже распространились на рынок труда (который в основном был свернут в начале 1970-х годов в результате высокой безработицы и экономического кризиса) и финансовый рынок. Растущая экономическая и политическая открытость Западу сделала возможным относительно свободное обращение товаров, людей (миллион югославских рабочих трудился в странах Западной Европы в 1970-е годы) и идей («либеральный» социализм породил относительно высокий уровень критики, особенно в науке и культуре, и низкий уровень репрессий).

Особенности югославской модели социализма проявились в некоторых чертах классовой системы, особенно в системе экономического неравенства. Несколько социологических исследований на эту тему проведено в 1970—1980-е годы [1, 5, 6, 12, 13, 14,]. Данные всех этих (и других) опросов свидетельствовали, что экономические неравенства действительно существуют в югославском (сербском) обществе и связаны с иерархическим распределением позиций (когда номенклатура находится на вершине социальной иерархии, профессионалы в середине, а физические рабочие и особенно крестьяне образуют низовые слои). Элементы (квази) рыночной экономики также «вторглись» в систему распределения. Относительная автономия предприятий дала возможность менеджерам повысить свои доходы и заплатить более высокие зарплаты специалистам (исправляя таким образом их позиции относительно квалифицированных рабочих). Кроме того, частная собственность в торговле и сфере услуг способствовала сохранению намного более высоких доходов мелких предпринимателей. С другой стороны, юридические препятствия расширения частного предпринимательства привели к тому, что все эти слои (предприниматели, менеджеры и профессионалы) были в гораздо большей степени ориентированы на расходование более высоких доходов на различные формы потребления, но не на их инвестирование в экономику.

б) Сербия в 1990-е годы: период «заблокированной трансформации»

Номенклатура в Югославии была дестабилизирована в 1980-е годы в результате внутренней борьбы за высшие иерархические позиции (после смерти бывшего

лидера Иосипа Броз Тито), одновременно страну постиг глубокий экономический кризис. Борьба за власть «заморозила» экономические реформы до конца десятилетия, и новая попытка рыночной реорганизации — инициированная с началом восточноевропейской постсоциалистической трансформации — была прервана насилиственным распадом страны и длительными гражданскими войнами. Особенность Сербии в период структурных изменений 1990-х годов заключалась в том, что власть сохранил режим — прямой наследник бывшей номенклатуры. Результатом и стала заблокированная (постсоциалистическая) трансформация¹. Под «заблокированной трансформацией» я понимаю процесс, в котором бывший Союз коммунистов «общественную монополию заменил на взаимосвязанные позиции экономического и политического доминирования с целью отложить развитие рыночной экономики и политической конкуренции» [3, р. 130]. Сохранив господствующее положение, эта группа смогла обеспечить массовую конвертацию прежней монопольной социальной позиции в экономический (частный) капитал. Конвертация оказалась очень успешной: бывшая сербская номенклатура (или люди, непосредственно связанные с ней через семейные или другие узы) заняла в первой половине 1990-х годов две трети элитарных предпринимательских позиций [7, р. 139].

Совершенно очевидно, факт *конвертации* властных позиций в частный капитал сам по себе доказывает, что в период заблокированной трансформации в обществе произошли важные изменения (несмотря на низкие темпы их осуществления). Многопартийная система получила институциональную основу, достаточно прочную для того, чтобы произвести электоральный сдвиг режима в 2000 г. К тому же, наряду с медленным процессом приватизации «общественной/государственной» собственности (которая обеспечила законную основу формирующейся рыночной экономики!), явно гораздо быстрей шел рост нового частного сектора экономики. В результате было зарегистрировано значительное увеличение количества людей, достигших статуса экономической элиты, из занимавших к концу 1990-х годов позиции мелких предпринимателей или профессионалов [8, с. 39].

Формирование нового класса на вершине социальной лестницы сопровождалось процессом реструктурирования других частей социальной иерархии. Ко-њунктурные факторы влияли на эти процессы не меньше, чем системные. В начале 1990-х годов Сербия столкнулась одновременно с постсоциалистической трансформацией, гражданскими войнами, международной изоляцией и санкциями, громадным спадом ВВП и гиперинфляцией.

Резкая пауперизация огромного большинства населения шла параллельно обогащению небольшого слоя людей, которые (контролируя государственный аппарат: полицию, армию, бюрократию) вели экономическую деятельность, связанную с войной и нарушением международных санкций (импорт вооружений, нефти и др.). Ликвидация механизмов командной экономики проходила одновременно с ростом (арбитражно!) перераспределительной роли государства, которое оказалось в ситуации экономического распада страны. Таким образом, растущая поляризация верхов

¹ Социалистическая партия — ее лидер С.Милошевич — прямой преемник Коммунистической партии, победила на первых многопартийных выборах в Сербии в 1990 г. прежде всего в результате удивившей националистической мобилизации большинства населения, произведенной как раз перед крахом коммунистических систем в Европе. Новая легитимация обеспечивала ей надежную основу власти до тех пор, пока межэтнические и международные конфликты создавали значительную внутреннюю гомогенизацию населения.

и низов социальной иерархии сочеталась с сокращением неравенства доходов всех социальных слоев за пределами узкого высшего слоя. Далее, рестратификационные процессы (на всех иерархических уровнях!) все больше и больше определялись частной собственностью: крестьяне, бывшие относительно гомогенной группой, начали дифференцироваться; экономическая позиция мелких предпринимателей улучшилась; предпринимательская элита заняла высшие позиции (см. эмпирические результаты экономической дифференциации в Сербии в 1990-е годы в [8]).

в) Сербия после Милошевича: трансформация «разблокированная»?

Согласно моей гипотезе, базисный социальный эффект «заблокированной трансформации» — управляемая конвертация командных позиций в экономический капитал — был достигнут ко второй половине 1990-х годов, и новая экономическая элита стремилась впоследствии «нормализовать» социально-политическую систему, чтобы сохранить приобретенное положение. Даже если «разблокирование» трансформации (рост автохтонного частного сектора экономики и электоральный успех оппозиционных партий почти во всех крупных городах в 1996 г.) началось уже при режиме Милошевича, война с НАТО в 1999 г. показала, что режим не может обеспечить стабильных условий социального воспроизводства. В результате значительная часть новой экономической элиты отказалась в поддержке Милошевичу, способствуя таким образом потере им власти в 2000 г.

Изменение политического режима ускорило трансформационный процесс — его внутреннюю и внешнюю составляющие. Арбитражная роль государства в экономике, сменившаяся на командную в 1990-е годы, вновь превратилась в регулирующую. Приватизация ускорилась, экономическая система стабилизировалась, инфляция сократилась (ниже 10% в 2003 г.) и внешнеторговый оборот резко возрос. Экономическая стабилизация и иностранная финансовая помощь обеспечили значительный рост доходов и уровня жизни большинства населения (даже если приватизация вела к росту безработицы, и стабилизация вероятно сопровождалась сокращением количества людей, занятых в теневой экономике, на которую приходилось 40—45% ВВП в середине 1990-х годов — см. в [10]).

Процесс роста социальной дифференциации, выступавший в 1990-е годы в виде поляризации (противопоставляя незначительное меньшинство на вершине иерархии всему остальному населению), продолжался в различной форме в последние годы, пронизывая всю социальную пирамиду, параллельно росту реальных доходов большинства социальных слоев.

Таким образом, широкомасштабный рост уровня жизни накладывался на увеличение межклассовой, внутриклассовой и даже внутристратной экономической дифференциации.

Наконец, если обратиться к нашей исследовательской гипотезе, изменение в процессах пополнения экономической элиты продолжилось (в соответствии с тенденцией, зарегистрированной в исследовании 1997 г. — см. в [8, с. 42]) при уменьшающейся доле бывшей номенклатуры в ее составе и возрастающей восходящей мобильности, которая приводила в эту элиту малых предпринимателей, менеджеров (из государственных предприятий) и профессионалов.

г) Исследование экономических и политических элит 2004 г.: методологические замечания

Анализ экономических и политических элит, составляющий основу данной статьи, проведен в период с марта по май 2004 г. (вслед за завершением более широкого Проекта социального исследования Юго-Восточной Европы)². Выборка составляла 205 представителей экономической элиты и 206 – политической³. Использовались два списка экономической элиты: перечень 200 крупнейших сербских предприятий 2003 г. и перечень 200 наиболее успешных сербских предприятий 2003 г. (оба они опубликованы в виде специальных выпусков журнала «Ekonomist»). Списки содержали названия предприятий всех трех форм собственности: государственной, смешанной и частной. Поскольку многие фирмы попали одновременно в оба перечня, общее число предприятий, из которых составлялась выборка, было менее 300. Мы исключили фирмы, действующие в отдаленных сербских городах, если там была только одна фирма, упомянутая в обоих списках (из-за возрастания расходов на проведение исследования). Были также фирмы, в которых никто из занимающих высшие должностные позиции не хотел отвечать на наши вопросы (процент возврата составлял в целом примерно 40%). В итоге оказалось, что наши респонденты представляли 190 фирм, и это были: мажоритарные собственники (в частных фирмах); генеральные менеджеры или/и их заместители (на частных, смешанных и государственных предприятиях). Если за критерий взять численность занятых, 60% опрошенных приходилось на крупные и средние фирмы (свыше 100 занятых на государственных и смешанных по форме собственности предприятиях и свыше 30 в частном секторе). Однако во многих случаях (особенно для финансовых и консалтинговых фирм) надо учитывать, что крупный оборот капитала и прибыль формируются в фирмах с небольшим числом занятых.

Пополнение экономических элит в Сербии

Модели рекрутования элит периода раннего (югославского/сербского) социализма были детерминированы несколькими факторами: революционным изменением предшествующей системы, вынесшим на вершину иерархии (в первом поколении) почти совсем «новых людей», как правило, из низших социальных страт; запаздывающей модернизацией в Сербии, результатом которой было очень небольшое число высокообразованных людей в стране после революции и ориентация правящего класса на быструю экспансию образовательной системы (особенно высшего образования); эгалитарной коммунистической идеологией, предписывающей людям из рабочего класса непосредственно пополнять правящий класс; коллективистским характером господствующих классовых отношений, сделавшим исключительной возможность межпоколенного «наследования» властных позиций (см. об этих и других характеристиках классового воспроизводства в социалистической Югославии).

² Этот опрос позволяет сделать сравнения с более ранними опросами, проведенными в Сербии в 1989, 1993 и 1997 гг. (об их данных и основных выводах см. соответственно в: 6, 7, 8).

³ Выборки в 1989, 1993 и 1997 гг. составляли 141, 256 и 301 респондентов соответственно. Более подробно о технических процедурах проведения этих опросов см. в: 6, 7, 8.

⁴ Процент возврата был в этом случае намного выше, и соответственно элитарный «уровень» был тоже значительно выше в этом исследовании, по сравнению с опросами 1993 и 1997 гг. Поэтому «элитарность» нашей последней выборки относительно ближе к выборке опроса, проведенного нами в 1989 г.

вии в: [5]). По мере «вызревания» социалистической системы и экспансии среднего класса (особенно слоя профессионалов и низших менеджеров) получил импульс процесс «закрытия» каналов рекрутования элиты. Это означало, что массовая основа пополнения элит стремительно свелась к среднему классу (профессионалам и низшим менеджерам). Тем не менее, сохранились ограниченные шансы для восхождения низших слоев прямо на вершину социальной лестницы.

Как я упоминал, парадоксальное историческое развитие в Сербии привело к тому, что правящая группировка сохранила доминирующие политические и экономические позиции даже после введения в стране политического плюрализма. Подобный ход развития событий способствовал преемственности процесса рекрутования элиты больше, чем ее нарушению, в первый период «заблокированной трансформации». Наследие этого периода, в течение которого многие представители бывшей номенклатуры конвертировали свои властные позиции в экономический капитал, можно зарегистрировать даже сегодня, если проанализировать внутрипоколенческую и межпоколенческую мобильность экономической элиты.

Таблица 1
Внутрипоколенческая мобильность
экономической элиты в Сербии в 1989, 1993, 2004 гг. (в %)

Позиции	Классовые позиции*											
	Физические рабочие			Переходный слой			Средний			Высший		
	89	93	04	89	93	04	89	93	04	89	93	04
Первая	7,1	10,0	2,9	12,8	13,5	8,3	77,3	69,7	79,0	1,4	6,8	9,8
Предыдущая	2,9	н.о.	0,5	3,6	н.о.	2,9	88,8	н.о.	30,2	4,3	н.о.	66,3

*Физические рабочие: неквалифицированные, полуквалифицированные, квалифицированные; переходный слой: канцелярские работники со средним образованием (или ниже); средний: профессионалы, низшие менеджеры, самозанятые с высшим образованием, мелкие предприниматели; высший: менеджеры, средние и крупные предприниматели, политики.

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии базисных изменений в рекрутовании элиты в период 1989—1993 гг. В ходе «заблокированной трансформации», как упоминалось, большинство элитных позиций (в экономике и политике) в Сербии сохранилось за бывшими номенклатурными кадрами (функционерами Коммунистической партии и менеджерами). Процесс конвертации капитала продолжался, и казалось, карьерные пути экономической элиты остались теми же (небольшое увеличение среди них числа физических рабочих и переходных позиций в 1993 г. очевидно надо отнести на счет малочисленности такого рода случаев в нашей выборке). Нельзя забывать, что процесс приватизации в это время в Сербии только начинался, так что представителями экономической элиты были еще главным образом управляющие госпредприятиями. Реальное различие в моделях рекрутования, однако, было заметно уже тогда в среде нового и относительно узкого слоя крупнейших предпринимателей, в котором обнаружено явное преобладание людей из бывшей номенклатуры или членов их семей. А именно, около двух третей

этих предпринимателей заняли свои позиции прямо или косвенно (через семьи или семейные связи), используя различные инструменты конвертации капитала (привилегированный статус на предприятии в период приватизации или позиция в самом государственном аппарате, открывавшая возможность вовлечения в незаконные торговые операции во время действия международных санкций и др.)⁵.

Возрастающее различие в моделях пополнения экономической элиты стало явным по данным 2004 г. Индивиды, чьи карьерные позиции на старте были ниже уровня среднего класса, могли рассчитывать на достижение элитарного статуса в сербской экономике только в исключительных случаях (их шансы гораздо меньше по сравнению с предыдущим периодом). Принадлежность к среднему классу — или к профессионалам, или к менеджерам, или к малым предпринимателям — становится необходимым условием вхождения в элитарный круг⁶. К тому же число людей, непосредственно пополнивших экономическую элиту в самом начале своего профессионального пути, существенно возросло. В данном случае мы очевидно наблюдаем рост значения семейного наследования классовых позиций (через частную собственность), отчетливый признак формирования новой системы воспроизводства общественных отношений.

Другое различие в моделях рекрутования экономической элиты в течение двух периодов (социалистической/заблокированной трансформации и нынешнем) можно усмотреть в позициях, предшествующих теперешнему элитарному статусу. А именно, в период позднего социализма редчайшим случаем такого рода были позиции профессионала или управленца низшего уровня⁷. Представители экономической элиты сегодня, однако, гораздо чаще декларируют свою предшествующую позицию как элитарную! Чтобы лучше понять эту реальность, проанализируем другую совокупность данных, касающуюся позиций представителей элиты в 1990 г., т.е. к концу социалистического строя.

Таблица 2
Позиции, занимавшиеся в 1990 г. нынешней экономической элитой (в%)

Позиции*			
Физические рабочие	Переходный слой	Средний класс	Высший класс
0,5	2,9	30,2	66,3

* См. таблицу 1.

Очевидно намного более отчетливо можно проследить персональную «прецессию» в составе экономической элиты Сербии как следствие «заблокированной трансформации» в табл. 2. Поскольку лишь горсточка предпринимателей

⁵ См. более подробно характеристику опросных данных по результатам этого процесса конвертации капитала в [7].

⁶ Высшее образование представляется необходимым во всех случаях, так как 94,1% респондентов закончили университет. Конечно, университетский диплом был практически обязательным для менеджеров (как и на завершающей фазе социализма), однако значительное большинство средних и крупных предпринимателей также были выпускниками университетов.

⁷ При социализме был не очень распространен переход политика на управленческие позиции, и в большинстве случаев это представляло бы случай нисходящей мобильности, которая сама по себе являла исключение. См. данные и интерпретации в [5].

могла в то время претендовать на принадлежность к элитарному слою (приватизация еще только началась), понятно, что социалистические управленцы сохраняли свои позиции в течение 15 лет (на предприятиях, только сменивших свои вывески с самоуправляемых на государственные), или — вместе с политиками — занимались приобретением крупной частной собственности в ходе процесса затянувшейся рыночной трансформации сербской экономики⁸. Если под этим углом зрения рассмотреть наши данные по внутрипоколенческой мобильности экономической элиты в Сербии, можно заключить, что огромное большинство ее представителей начинали свои профессиональные пути с позиций специалистов при социализме и продвигались к управленческому и политическому статусу до начала системного изменения. Они были успешны в сохранении управленческих позиций даже после 1990 г., или еще более успешны, превращая свои властные позиции в крупный частный капитал. Только третья нынешней экономической элиты достигла этого положения после начала трансформации в Сербии, и почти вся она переместилась вверх с позиций среднего класса: из профессионалов или мелких предпринимателей в средние или крупные. Для представителей низших социальных страт внутрипоколенческий вход в ряды экономической элиты в Сербии был практически полностью закрыт после 1990 г.

Обратимся теперь к данным по межпоколенческой мобильности.

Межпоколенческая мобильность экономической элиты в Сербии в 1989, 1993, 2004 гг. (в %)

Статус отца*	1989	1993	2004
Крестьянин	31,9	35,3	12,2
Физический рабочий	27,7	24,6	18,5
Переходный слой	10,6	12,3	8,3
Средний класс	17,0	16,3	36,6
Высший класс	3,5	11,5	23,9
Другие	9,2	-	0,5

*См. табл. 1.

Здесь — вновь — можно отметить много общего в процессах внутрипоколенческого рекрутования экономической элиты в период социализма и в период заблокированной постсоциалистической трансформации, а также существенные изменения после того, как трансформация была разблокирована. Относительно открытый характер способов рекрутирования при социализме виден в пропорциях отцов представителей экономической элиты из низших классов, примерно соответствующих распределению страт в структуре населения Сербии в целом (много

⁸ Успешная конвертация капитала отразилась на возрастной структуре экономической элиты в Сербии. А именно, почти три четверти (72,7%) представителей элиты в нашей выборке старше 50 лет, тогда как остальные — от 31 до 50 лет. В 1993 г. лишь 31,2% экономической элиты принадлежали к самой старшей категории! Это «старение» экономической элиты является другим признаком системного изменения: отсутствуют возрастные ограничения для частных собственников в ведении дел их фирм.

времени спустя после Второй мировой войны Сербия оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной). В 1993 г. единственным изменением, заслуживающим внимания, был сильный рост доли отцов, принадлежавших к высшему классу. Это изменение согласуется с нашим предшествующим заключением о роли семейной классовой позиции в конвертации капитала: отцы, входившие в состав номенклатуры, открывали перед своим потомством⁹ возможность получения статуса предпринимателя и таким образом «наследования» более высокой классовой позиции. Это служило основанием реализации интересов представителей сербской номенклатуры «в три шага»: они не противостояли изначальному системному изменению в 1989/90 гг. (которое окончательно узаконило бы рыночную экономику и частную собственность), они блокировали углубление изменений в период 1991/97 гг. (чтобы использовать властную позицию для преобразования ее в личное благосостояние), и они помогли «разблокировать» трансформацию после 1997 г., особенно после 2000 г. (чтобы неограниченно использовать свою новую собственность в условиях рыночной экономики).

«Разблокирование» трансформации привело к значительным изменениям в межпоколенческой мобильности экономической элиты. В данном случае можно отметить выраженную тенденцию к «закрытию» высшего социального слоя. Количество людей крестьянского происхождения, имеющих возможность продвигаться вверх, было существенно сокращено (этот спад был намного интенсивней, чем уменьшение доли крестьян в сербском обществе, которая в настоящее время составляет около 15%). Падение доли детей физических рабочих среди представителей элиты было также заметно. С другой стороны, увеличение численности экономической элиты — выходцев из семей среднего класса шло очень быстро. И особенно важным был всплеск доли потомства высшего класса, выходцы из которого преуспевали в «наследовании» классовых позиций на вершине социальной иерархии в Сербии! Только сейчас в полной мере можно осознать последствия «заблокированной трансформации» для процесса, названного мною «реконструкцией элиты» [см.: 9]. То есть, бывшей номенклатуре удалось не только сохранить свои собственные доминирующие позиции в обществе (путем конвертации капитала), они смогли также обеспечить своим сыновьям (и реже дочерям) прямое наследование элитарных позиций — нечто такое, что лишь в исключительных случаях происходило при социализме. Подобный семейный перенос позиций, очевидно, происходил в двух формах (которые все больше и больше заявляли о себе как последовательные фазы): преобразование властных позиций в частный капитал и законное наследование частного капитала (наши межпоколенческие данные отражают эти случаи без разделения).

Синтезируя предшествующие выводы, можно заключить, что для индивида его/ее происхождение из среднего или высшего класса и/или элитарная позиция в социалистической системе значительно повышали вероятность перехода на элитарные позиции в ходе процесса постсоциалистической трансформации в Сербии. Подобная вероятность была здесь намного выше по сравнению с другими странами на первой фазе трансформации (если мы примерно сравним продвижение по пути приватизации и введения рыночной экономики и первое успешное изменение в составе правитель-

⁹ Это были преимущественно сыновья! — тогда как всего 10% экономической элиты в 1993 г. приходилось на женщин; процент женщин в составе экономической элиты «подскочил» до 17,4 в 2004 г.

ства на относительно свободных парламентских выборах, то придем к выводу, что Сербия находилась в 2003 г. там, где Венгрия, Польша, Чешская Республика и другие страны Центральной Европы в 1993 г., когда проводился опрос на тему «циркуляция элиты и воспроизведение элиты в трансформирующихся странах» (см. результаты исследования в: [15]). Это было относительно продолжительное следствие «заблокированной трансформации» в Сербии, из-за которого долгое время сербская трансформация оставалась особым случаем. Однако не будем пытаться делать спекулятивных предположений о других последствиях характерных процессов пополнения сербской экономической элиты 1990-х годов. Вместо этого попытаемся очень коротко продемонстрировать (эмпирически) два механизма, использовавшихся представителями элиты для занятия и/или сохранения своих позиций.

Первым из этих механизмов был «социальный капитал», понимаемый в данном случае как включение в совокупность, или сеть людей с элитарным статусом, что могло помочь человеку накопить экономический капитал или переместиться вверх к управленческой позиции. Мы спрашивали в нашей анкете, занимал ли кто-либо из членов семьи респондента (родители, дети, муж/жена) и его близких друзей элитарную позицию (в экономике и/или политике). По нашим данным, около двух третей (66,8%) опрошенных были очень тесно связаны с кем-то, принадлежавшим к эlite (почти в 10% случаев существовало свыше 3 таких связей). Одним словом, как ожидалось, сетевые связи оказались очень важным элементом внутри-элитного отношения в Сербии.

Широко известно, что членство в партии представляло собой один из ключевых механизмов получения и сохранения позиции в среде экономической элиты при социализме. Надо заметить, однако, что членство в Коммунистической партии не было абсолютным условием занятия управленческой позиции, как обычно полагают (по крайней мере, так не было в Сербии: в нашем опросе 1989 г. обнаружено, что 76,6% менеджеров были членами партии и 82,3% в Хорватии [6, р. 8]). Но главное предположение заключается в том, что разделение экономики и государства или введение принципов рыночной экономики делает членство в партии иррелевантным рекрутингу в экономическую элиту. Как отмечалось, заблокированная трансформация означала консервацию единства политической власти и экономического господства, когда менеджеры государственных/общественных предприятий тесно связаны с правящей Социалистической партией (независимо от того, являлись они формально ее членами или нет). Но тот же принцип был применим также к предпринимателям, поскольку успех на рынке зависел от тесных связей с государственным аппаратом (предприниматели, поддерживавшие оппозиционные партии, как правило подвергались наказанию государством в 1990-е годы: они не могли импортировать или экспорттировать лицензии, облагались большими налогами, контролировались полицией и т.д., так что большинство их вскоре прекратили — во всяком случае публично — финансировать эти партии).

После смены режима в 2000 г. многие менеджеры государственных фирм лишились рабочих мест из-за их связей с бывшей правящей партией. Однако это смещение — одновременно с процессом приватизации и введением принципов главенства закона — полностью не устранило тесных связей между политикой и экономикой в Сербии, что подтверждается результатами нашего исследования. То

есть, целых 19,5% наших респондентов заявили, что формально они были членами политической партии. Теперь, конечно, большинство их являются членами различных партий (которые, как правило, принадлежат к «демократическому блоку»¹⁰), в то время как 60% респондентов признались, что они были членами Коммунистической партии до или даже после 1990 г. Если добавить к этому создание новой политической партии одним из крупнейших предпринимателей в Сербии (Карич) и непосредственное вовлечение в партийную политику другого крупного предпринимателя (Дракулич), представляется, что развод политики с экономикой в Сербии далек от своего завершения.

*Перевод с английского
Н.В. КОРОВИЦЫНОЙ*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berkovic E. Socijalne nejednakosti u Jugoslaviji.* Beograd: Ekonomika, 1986.
2. *Fehler F., Heller A., Markus G. Dictatorship over Needs.* Oxford: Basil Blackwell, 1984.
3. *Highley, J., Lengyel G. Elites After State Socialism. Theories and Analysis.* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2000.
4. *Lazic M. Radnistvo i samoupravljanje.* Zagreb: IDIS, 1981.
5. *Lazić M. U susret zatvorenom družtvu.* Zagreb: Naprijed, 1987.
6. *Lazic M. Sistem i slom.* Beograd: Filip Visnjic, 1994.
7. *Lazic M. (ed.) Society in Crisis.* Belgrade: Filip Visnjic, 1995.
8. *Lazic M. (ed.) Račji hod.* Beograd: Filip Visnjic, 2000.
9. *Lazic M. Serbia: The Adaptive Reconstruction of Elites // Highley J., Lengyel G. Elites After State Socialism. Theories and Analysis.* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2000.
10. *Mrksic D. The Dual Economy and Social Stratification // Lazic M. (ed.) Society in Crisis.* Belgrade: Filip Visnjic, 1995.
11. *Obradovic J. Sociologija donosenja odluka u privrednim organizacijama.* Zagreb: IDIS, 1974.
12. *Popovic M. ed. Drustveni slojevi i drustvena svest.* Beograd: IDN, 1977.
13. *Popovic M. ed. Drustvene nejednakosti.* Beograd: ISI, 1987.
14. *Saksida S., Caserman A., Petrovic K. Drustvena stratifikacija i pokretljivost u jugoslovenskom drustvu.* Zagreb: Faculty of Philosophy, 1977.
15. *Szeleny I., Szeleny S. Circulation or reproduction of elites during the post-communist transformation of Eastern Europe // Theory and Society.* 1995. Vol. 24/5.
16. *Zupanov J. Radničko učešće i društvena moć u industriji // Sociology,* 1972, 14, № 3, p. 427—439.

¹⁰ 36,3% представителей элиты — кто заявил, за какую партию голосовал на последних парламентских выборах в Сербии, — предпочли Демократическую партию (у власти с 2000 г.), 22,5% и 9,9% — Демократическую партию Сербии и G17 plus соответственно (две партии, находящиеся у власти сейчас), тогда как 1,6% и 0,5% голосовали за Социалистическую партию и Сербскую Радикальную партию соответственно — две партии, правившие до 2000 г.

K.B. НИКИФОРОВ

**Сербия и Черногория:
общее и особенное
на путях трансформации**

Титовскую Югославию часто выделяют из других бывших европейских социалистических стран как нечто, непохожее и специфичное и даже стоявшее совершенно особняком во всем социалистическом лагере. При этом подчеркивается ее самостоятельная «аутентичная» революция, особый путь развития вне рамок «реального социализма» — так называемый югославский эксперимент, межэтнические войны 90-х годов взамен «бархатных революций» и т.п.

Ю.С. Новопашин, например, пишет, что по сравнению с другими странами, где произошли революции 1989 г., события в бывшей СФРЮ — «особая тема, ибо там превалировали этнополитические предпосылки и причины ... по отношению к которым вопросы антитоталитарных революционных преобразований, демократизации государственной и всей общественной жизни занимали сугубо подчиненное место» [1, с. 9]. Такой взгляд по наследству распространяется и на милошевичевскую сербско-черногорскую Югославию, которая также трактуется как нечто совершенно выбивавшееся из общего строя стран, решавших задачи трансформации. И только военное вмешательство НАТО якобы заставило эту страну повернуть на путь, схожий с другими странами региона.

Сразу же заметим, что вынесение югославских событий за рамки общих процессов, проходивших после Второй мировой войны в Восточной Европе (включая и Советский Союз) мы считаем неправомерным. При всем своем различии все эти страны подчинялись все же одним и тем же законам общественного развития.

Это, конечно, не означает, что в титовской Югославии не было своей специфики, связанной прежде всего с конфликтом между СССР и Югославией в 1948 г. Но и разрыв Тито со Сталиным, и эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным и вполне могут трактоваться как первая попытка реформирования тоталитарного социализма, поиска его модели с более «человеческим лицом». Чуть позже, в 50-е годы прошлого века подобные попытки отмечались в ГДР, Польше и особенно Венгрии.

В дальнейшем же развитие Югославии в общих чертах шло еще более синхронно с остальными европейскими социалистическими странами:

— 1964—1965 гг. — начало самых радикальных экономических реформ (для сравнения: в СССР — это время начала реформ Косыгина, чуть позже в ЧССР началась «Пражская весна»);

— в период подготовки к X съезду СКЮ и на самом съезде (1974 г.) — курс на свертывание преобразований, укрепление роли компартии и государства, усиление идеологического воздействия на все сферы жизни (аналогичный процесс проходил после подавления «Пражской весны» в СССР и других странах «реального социализма»);

— со второй половины 70-х годов время так называемого «застоя», характеризовавшегося прекращением попыток реформирования «самоуправления» (режимы сверху больше не реформируются — ни творческих, ни физических сил у стареющего коммунистического руководства уже нет);

— к 1989 г. — демократизация общественной жизни и первые многопартийные выборы.

И даже войны на территории бывшей Югославии не были чем-то совершенно особенным. Достаточно вспомнить такие события на территории бывшего СССР, как вооруженные конфликты вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, две чеченские войны, гражданскую войну в Таджикистане и т.д.

Остановимся теперь на последнем периоде существования титовской Югославии чуть подробнее. Кризисы в этом государстве начали возникать еще в начале 70-х годов XX в. Югославское руководство пыталось разрешить их сразу несколькими способами. Во-первых, жестким подавлением всех несанкционированных выступлений; во-вторых, завершением конституционной реформы и принятием новой конституции (1974 г.), расширившей еще больше права республик и краев; в-третьих, усилением параллельно с этим цементирующей роли партии и государства. Считалось, что именно партия не должна дать федерации расплзтись по республиканским квартирам. Однако сама партия постепенно также «федерализировалась». Еще труднее было совместить руководящую роль коммунистической партии с объективными законами рынка.

Одновременно со второй половиной 70-х годов самоуправленческие преобразования в Югославии в основном закончились, ничего принципиально нового придумано не было. Более того, самоуправление превратилось в некий «фетиш», догму, которую нельзя было критиковать. Вернее критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие — считались враждебными. Это вело к все большему застою в югославском эксперименте, власть использовала старый идеологический багаж и все более оторванные от жизни схемы. Одной из наглядных черт югославского застоя была формализация несменяемости власти стареющего Тито. Как известно, с начала 70-х он стал пожизненным председателем и партии, и государства.

Но именно Тито был последней помехой на пути к югославской дезинтеграции. После его смерти в 1980 г. начался новый и последний этап в развитии Югославии. Провозглашенную новым югославским руководством цель: «И после Тито — Тито» реализовать было невозможно. С начала 80-х годов Югославия ста-

ла неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис. Как с ним бороться, новые югославские руководители не знали. Они смогли предложить лишь программу «стабилизации», которая фактически консервировала существовавшее положение, да к тому же и не выполнялась с самого начала [2, с. 506—509].

Одновременно с кризисом в стране резко усилились позиции национальных бюрократий, или этнократий. Возникла концепция «национальной экономики», которая была призвана заменить «договорную» и согласно которой каждая республика сама производила для себя все необходимое. Более того, республики начали вводить специальные меры для защиты своих предприятий от конкуренции относительно других югославских республик, что привело к окончательному их экономическому обособлению. И без того хрупкий общеюгославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых. Центральное правительство все больше теряло контроль над экономическими процессами, а республики набирали все больше иностранных займов, которыми не могли эффективно распоряжаться. Ведя борьбу на двух фронтах, экономическом и национальном, югославское руководство проигрывало на обоих.

Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в сербском автономном kraе Косово. К тому времени он уже более чем на 80% был заселен албанцами. Сербское население края под давлением албанцев продолжало покидать Косово во все большем масштабе. В то же время албанское население также чувствовало себя ущемленным по сравнению с другими народами Югославии. По своей численности албанцы занимали уже третье место в стране после сербов и хорватов, но в отличие от них не имели своей республики. По уровню же жизни албанцы стабильно оставались в Югославии на последнем месте.

В марте 1981 г., меньше чем через год после смерти Тито, в Косово прошли демонстрации с требованием предоставления краю статуса республики (а значит, и «права на самоопределение вплоть до отделения»). Это было расценено в Белграде как первый шаг к объединению Косово с Албанией. Демонстрации были разогнаны с применением военной силы, но с тех пор успокоения в крае уже не наступало. Относительный порядок там мог держаться только благодаря военному присутствию федеральных сил.

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти снова пытались поднять вопрос об изменениях в конституции 1974 г. Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским пополнениям. В результате изменения конституции были заблокированы. Отсутствие правового способа решения проблемы не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилась и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий.

Тогда же в 1984 г. на политической арене Сербии и появился С. Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 90-х годов XX в. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству коммунистической партии. Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический уто-

пизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республике [3, с. 450—451, 454].

Непрекращающиеся волнения албанцев в Косово привели, в конце концов, к ответной реакции в Сербии. В частности, Сербская академия наук и искусств в своем известном меморандуме (точнее — проекте меморандума) фактически обвинила коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности, в создании антисербской коалиции в Югославии. Одновременно лидер сербских коммунистов С. Милошевич начал использовать такие настроения для упрочения своего положения в республике и Югославии в целом. Ему это удалось. Союз коммунистов Сербии в глазах многих сербов стал выглядеть главным защитником сербских интересов, прежде всего в Косово.

В конце 1988 г. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных акций протesta против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников. Аналогичные попытки делались и в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с революциями 1989 г. в Восточной Европе. Природа этих явлений была различной.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии наталкивался на рост национализма в северо-западных республиках — в Словении и Хорватии. В Словении открыто поддержали албанских сепаратистов в Косово. Попытка Милошевича направить в конце 1989 г. в Любляну 100 тысяч сербов для проведения там «митинга истины» о положении дел в Косово была расценена словенским руководством как новое доказательство стремления сербов расширить свое влияние на всю Югославию. Служба безопасности Словении не допустила проведения митинга, что привело к бойкоту словенских товаров в Сербии.

В конце 1989 г. гиперинфляция в югославской экономике достигла уже 3000% в год. Незадолго перед этим на пост премьер-министра (единственно оставшийся общеюгославский пост, который не замещался по очереди представителями разных республик) был назначен известный экономист-практик из Хорватии А. Маркович. Он заявил, что правительство может работать и без развалившейся компартии. Более того, распад партии, всегда вмешивавшейся в экономику, вроде бы развязывал премьер-министру руки.

В декабре 1989 г. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению экономики: превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, сбалансирование бюджета, свободное формирование цен, широкую приватизацию. Речь, таким образом, шла уже не о «стабилизации», а о резком повороте в сторону рыночной экономики. С разным успехом такая политика осуществлялась во всех восточноевропейских странах, которые переходили от социалистической административно-распределительной экономики к рынку.

В Югославии первые результаты реформы оказались на удивление успешными. С 1 января 1990 г. курс динара был привязан к немецкой марке и держался твердо, инфляция упала до нулевого уровня; экспорт увеличился на 25%, а импорт — на 40%; внешний долг снизился с 21 до 16 млрд. долларов США. Трудно сказать, чем бы реформа закончилась: возможно, у Югославии появлялся последний шанс, аль-

тернатива все более усиливавшемуся национализму. Однако времени для завершения реформ у Марковича уже не было.

Окончательно югославские республики разошлись на XIV чрезвычайном съезде СКЮ, начавшем свою работу в январе 1990 г. Словенская делегация после отклонения ее требования о реорганизации партии на конфедеративных принципах покинула съезд. Без словенцев не захотели продолжать работу депутаты от Хорватии и от Боснии и Герцеговины. На съезде был объявлен перерыв, который оказался бессрочным. Крах коммунистической партии не мог не иметь далеко идущих последствий. В политico-идеологическом плане югославские республики фактически больше ничего не связывало. Начинался последний акт югославской драмы.

Чуть раньше, в конце 1989 г., под давлением событий в Восточной Европе и своего собственного кризиса югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Еще в период подготовки к последнему съезду СКЮ сначала в Словении, а затем и в других республиках начали появляться новые партии, которым после полувековой коммунистической монополии предстояло участвовать в свободных выборах. В подавляющем большинстве эти партии образовывались исключительно на национальной основе, многие из них считали себя преемницами партий, существовавших в период между двумя мировыми войнами и даже раньше.

Так, в Сербии возникли, например, Демократическая партия и Сербская радикальная партия. Однако ведущие позиции сохранили коммунисты. Правда, им пришлось поменять название. Объединившись с Социалистическим союзом трудового народа (организация, выросшая из послевоенного Народного фронта и олицетворявшая «нерушимый блок коммунистов и беспартийных»), республиканский Союз коммунистов переименовал себя в Социалистическую партию Сербии (СПС).

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны по осень 1990 г. В отличие от выборов в Словении и Хорватии, где к власти пришли оппозиционеры, и от выборов в Македонии и Боснии и Герцеговине, где победили коалиции различных партий, в Сербии убедительную победу одержала Социалистическая партия, получившая три четверти мест в парламенте. Антикоммунистические и демократические силы не смогли составить ей конкуренцию. В Черногории, единственной из всех югославских республик, победил даже не поменявший своего названия республиканский Союз коммунистов. (Лишь через два года, в 1992 г., он стал именоваться Демократической партией социалистов Черногории).

В 1989 г. сербская скупщина приняла поправки к конституции Сербии. Автономные края Косово и Воеводина теряли атрибуты государственности (полученные ими по конституции 1974 г.) и вновь становились лишь территориальными автономиями. В этом вопросе фактически произошел возврат к нормам федеральной конституции 1963 г. В 1990 г. эти изменения были закреплены в новой конституции республики. После этого в Косово и Метохии (краю было возвращено это название) заметно усилился никогда не прекращавшийся там албанский сепаратизм, и сербские власти были вынуждены ввести в край дополнительные полицейские и воинские подразделения. Позже в условиях фактического военного положения в Косово албанцы провели нелегальный референдум, на котором они, составлявшие уже около 90% населения, проголосовали за независимость.

В конце 1990 г. на заседании Президиума СФРЮ было решено провести переговоры представителей всех республик об изменении федеративного устройства страны. Такие переговоры шли с начала 1991 г. Параллельно с ними происходили двусторонние переговоры республиканских делегаций. Но все эти переговоры не принесли желаемого результата. Столкнулись в основном две концепции: сохранение федерации или ее преобразование в конфедерацию. Первую концепцию выдвигали Сербия и Черногория, вторую — Словения и Хорватия. Промежуточное положение занимали Босния и Герцеговина и Македония. Впрочем, идея конфедеративного устройства (уже фактически существовавшего в стране) использовалась ее сторонниками главным образом лишь для того, чтобы замаскировать истинные цели — полное отделение от Югославии.

11 апреля 1991 г. на совещании представителей и председателей Президиумов всех республик вновь прозвучало два подхода к разрешению кризиса — федеративный или конфедеративный. Тогда же Словения оповестила о своей бескомпромиссной позиции — «стать самостоятельным, суверенным и независимым государством», согласно результатам проведенного плебисцита. Представители Хорватии также заявили, что в случае, если не удастся подписать договор о союзе суверенных государств, они самостоятельно предпримут шаги для выхода из Югославии.

В своей борьбе за сохранение единого государства Сербия (не считая маленькой Черногории) все больше оставалась в одиночестве. Действия ее руководства объяснялись тем, что, если другие народы бывшей Югославии при распаде федерации образовывали свои национальные государства, сербы наоборот оказывались разделенным народом. Треть сербов оставалась за рамками Республики Сербии. Поэтому сербская позиция содержала несколько принципиальных положений: желательность сохранения целостности Югославии при условии укрепления в ней демократических ценностей; признание за хорватами и словенцами права на образование собственных национальных государств, включающих хорватские и словенские «этнические территории»; признание за сербским народом такого же права на образование национального государства, включающего территории с преобладающим сербским населением; отказ признать межреспубликанские административные границы в качестве будущих межгосударственных границ [4, с. 407].

Таким образом, цели Сербии и северо-западных республик были противоположными. На компромисс никто идти не собирался. В какой-то степени свою роль сыграл и субъективный фактор. Лидеры трех ключевых для сохранения Югославии республик — Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины — были очень разными политиками, но в своей неуступчивости и национализме они в чем-то походили друг на друга. Про сербского и хорватского лидеров любопытную характеристику оставил тогдашний посол США в Югославии У. Циммерман. «В отличие от С. Милошевича, — пишет он, — которым руководило стремление к власти, Ф. Туджман был обуян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа...» [5, с. 136]. Добавим, что глава боснийских мусульман А. Изетбегович был обуян фанатичным религиозным чувством, причем также самого примитивного типа. Своими упорными попытками создать унитарную исламскую Боснию он провоцировал гражданскую войну, в которой затем погибли десятки и десятки тысяч его соотечественников.

Национализм существовал во всех югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. Однако в те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в провоцировании национальной истерии. И во всех югославских республиках, как и везде в Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался наоборот сохранить коммунизм у себя в республике [6, с. 375—376]. Это имело для сербов самые печальные последствия.

В то же время подчеркнем, что развал федерации был инициирован не только и не столько действиями Милошевича, сколько односторонней активностью ряда югославских республик. Понятно, что всегда предпочтительнее другой путь: предварительное решение спорных внутренних вопросов, уточнение границ, определение статуса и создание новых автономий, проведение плебисцитов, обменов территориями, населением и т.п. Это может происходить под международным контролем и, возможно, даже при жестком стимулировании поиска договоренностей. И лишь затем, при условии соблюдения и ряда других условий, — признание независимости новых государств. Кстати, предварительного решения политических, экономических, территориальных и других проблем перед признанием независимости того или иного государства требуют и нормы международного права.

В бывшей Югославии было иначе. Здесь пошли на раздел без договоренностей, что, как правило, почти всегда означает войну. Это понимали все — и желающие приобрести независимость северо-западные югославские республики, и поддерживающие их западные державы. Но все же и те, и другие выбрали именно этот путь. Случившееся далее было абсолютно закономерным.

Во время югославского кризиса череда нескольких войн распространялась с северо-запада на юго-восток бывшей Югославии, поочередно втягивая в свою орбиту возникавшие здесь новые государства. Напомним эти события по хронологии:

- 10-дневные вооруженные столкновения в Словении (июль 1991 г.);
- война в Хорватии (1991—1995 гг.);
- война в Боснии и Герцеговине (1992—1995 гг.);
- 78-дневная натовская агрессия против милошевичевской Югославии (Сербия и Черногория) в 1999 г.;
- наконец, в марте 2001 г. кризис распространился на Македонию, где развернулись военные действия между правительственными македонскими войсками и силами албанских сепаратистов.

Югославский кризис, войны и экономические санкции кардинальным образом повлияли на процессы трансформации в бывшей Югославии. Однако нельзя сказать, что милошевичевская Югославия была совсем особым местом на постсоциалистическом пространстве. Здесь тоже, хотя и медленно, проходили процессы трансформации, существовала деформированная, но многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически проводила акции протеста, принимавшие иногда массовый характер.

Так или иначе, но «бархатная революция» в Сербии после первых многопартийных выборов оказалась растянута почти на десять лет и завершилась только в октябре 2000 г., когда к власти в Белграде пришла демократическая оппозиция.

Таким образом, в отличие от других стран Восточной Европы, «бархатная революция» в Сербии протекала в виде долгого процесса — от антибюрократических квазиреволюций и первых многопартийных выборов до событий 5 октября 2000 г.

В то же время «октябрьская революция» в Сербии имела двойственную природу. С одной стороны, как упоминалось, она была, наверное, последней из череды «бархатных революций», начавшихся еще в 1989 г. С другой стороны, она открывала череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически это были «бархатные революции-2», революции в тех странах, где преобразования были половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций». Это — «бархатные революции» нового типа, так называемые «цветные» или «электоральные революции» начала XXI в. Ведь точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине. В какой-то степени созвучны им оказались и события, приведшие к смене власти в Киргизии.

Общее между двумя типами «бархатных революций» — протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же новых революций состоит в том, что они проходят во время выборов. Когда-то именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения. Происходящие в момент выборов «электоральные» революции призваны покончить с коррупцией и бюрократическим произволом новых властей, с социальной незащищенностью и вспыхивающим расслоением, с кичливыми сверхдоходами правящих кланов, часто строящихся по семейному принципу. По выражению В. Иноземцева, если в революциях 1989 г. свергали товарищей, то теперь свергают господ [7].

При желании можно найти еще довольно много отличий между первой и второй сериями «бархатных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, и выход на авансцену событий молодого поколения, аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии отличилась молодежная организация «Опора», в Грузии — «Хмара», на Украине — «Пора». Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в какой-то степени неожиданными. Теперь же все изменилось. Революции происходят во многом на западные деньги и по жестким западным лекалам. Отсюда и поразительное сходство революционных сценариев в Сербии, Грузии или на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие денежные вливания.

Причем, новые «бархатные» революции призваны решить и качественно новые задачи, а не только привести к смене власти. Они направлены не только против «бюрократически-авторитарного режима и кланового капитализма». По мнению, Л. Шевцовой, «не исключено, что на Украине, а может быть, и в Грузии антирежимная революция приведет к системной революции — смене не только лидера, но и принципов построения государства, то есть переходу от монополизма к плюрализму и расчленению власти» [8]. Другими словами, «цветные» или «электоральные» революции начала XXI в. призваны доделать то, что не было доделано «бархатными» революциями 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах — на Балканах и постсоветском пространстве.

И если в Центральной Европе для проведения трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для многих государств Балкан и Восточной Европы понадобились новые революционные потрясения. Соответственно, можно предположить, что для государств бывшей советской Средней Азии будет недостаточно даже двух попыток. Ничего необычного в этом нет. Вспомним, что для многих государств Западной Европы в свое время при утверждении буржуазного строя понадобилась целая серия революций. Самый хрестоматийный пример дает французская история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новопашин Ю.С.* Предисловие // Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие. М., 2001.
2. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966—1989. М., 2002.
3. *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад. 2001.
4. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1. М., 2002.
5. Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990—2000). М., 2001.
6. *Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарсић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002.
7. *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апреля.
8. *Шевцова Л.* Россия — год 2005: логика отката. Основные тенденции развития власти, экономики, социальной и внешней политики // Независимая газета. 2005. 21 января.

== Эмпирические исследования ==

Восточноевропейские исследования 1, 2005

Ладислав МАХАЧЕК

Молодые люди о «чехословацкой», национально-государственной и европейской идентичности

Нежная, или бархатная революция в Чехословакии и последующее разделение федеративной республики на два самостоятельных государства привлекли большее внимание международного общества к Словакии и словакам, чем много десятилетий назад при образовании общего государства. Субъективная оценка этого события гражданами Словакии и Чехии несколько различается. В Словакии его воспринимают как естественный результат более чем столетнего стремления словаков получить национально-государственный суверенитет. Это было и остается событием, значительно повлиявшим на процессы формирования наций на европейском пространстве. Разделение Чехословакии и спустя десятилетие остается вызовом для политиков и социологов. Ведутся поиски ответа на вопрос, насколько оправданным было это решение политических элит в контексте усиления европейской интеграции и сложных процессов распада крупных федераций (Югославии и Советского Союза), положения в мире и европейской стабильности, возможного сходства с движениями национального освобождения в Великобритании (Шотландия, Уэльс) и Испании (баскские провинции, Каталония).

Значение «чехословацкой» идентичности десять лет спустя

Так как Словацкая и Чешская республики до 1993 г. составляли две части общего государства, мы искали ответ на вопрос, сохранилось ли еще между участниками исследования¹ какое-либо ощущение принадлежности «к той другой

¹ Целью данного исследовательского проекта, финансировавшегося Европейской комиссией, было представление местным, национальным и европейским политикам информации о том, что для молодых людей значит «быть европейцем» и как понимают европейское гражданство. Респондентами были молодые мужчины и женщины в возрасте 18—24 лет — «новые европейские граждане». Исследование проводилось в ряде парных городов в странах и регионах, каждый раз исторически взаимосвязанных, однако различие хозяйственного, общественного и культурного контекстов проявилось в неодинаковом отношении их с остальной частью Европы. Это Братислава и Прага в Словацкой и Чешской республиках; Вена и Форарльберг — в Австрии; Мадрид и Билбао — в Испании; Кемниц и Билефельд — в Германии; шотландский Эдинбург и английский Манчестер в Великобритании. Кроме представительных выборок молодежи в возрасте 18—24 лет, проживающей в исследуемом городе как минимум пять лет, мы опрашивали и молодых людей,

республике». Аналитические данные 2002 г. позволяют сравнить ощущение принадлежности к локальной общности, стране и Европе (табл. 1). Высокий уровень идентификации опрошенных продемонстрирован в отношении стран и городов, в которых они ныне проживают и где как правило родились.

Таблица 1
Респонденты с высокой идентификацией со своим городом, страной и Европой (%)

Идентификация	Прага	Братислава
Город рождения	70,3	67,5
Родная страна	77,5	71,8
Чешская республика	—	14,8
Словакская республика	15,4	—
Европа	41,6	43,5

Исследовалась и интенсивность отождествления с конкретными национальными общностями. Хотя разделение Чехословакии произошло не так давно, мы просили респондентов выразить отношение к тому, насколько они ощущают себя «чехословаками». Подтверждением одинакового уровня идентификации с Чехословакией в обоих городах служит сравнение интенсивности ощущения себя «чехословаком» (диаграмма 1) и отождествления с другой республикой бывшей Чехословацкой федерации (табл. 1).

После разделения можно было ожидать у словаков или чехов различий в отношении к другой части прежде общего государства: лучшего или худшего. Раздел был делом политических элит, и в категорию «вечных» попал вопрос, что могло бы произойти, если решение принимали граждане в ходе референдума.

Несмотря на то, что наши респонденты живут уже десять лет в независимых государствах (для многих из них это около половины жизни), приблизительно каждый пятый продемонстрировал «чехословацкую» национальную идентичность.

Что касается обоих городов, надо помнить об их принципиальном различии. Прага — это город, который в нашем исследовании можно сравнивать только с Веной или Мадридом. Братиславе равноценны Эдинбург, Манчестер, Кембридж, Билфельд или Брегенцер. Очевидно, что доля тех, кто планирует остаться жить в своем родном городе и после тридцати лет, намного больше среди пражан, чем среди молодых братиславчан. В отличие от Братиславы Прага является крупным городским центром европейского или даже мирового уровня. Молодым пражанам никуда не надо ехать, чтобы оказаться в какой-либо европейской метрополии. Для молодых братиславчан Прага становится, естественно, одной из первых целей на пути в Европу и большой мир.

которые, как предполагалось, должны были бы в большей степени ощущать себя европейцами, поскольку их учеба или работа в большой степени ориентирована на Европу (это характерно для «элиты»). В ходе исследования осуществлялся сбор количественных (репрезентативный анализ) и качественных данных (углубленные полуструктурированные интервью). См.: *Sociológia/Slovak sociological review* 2004. № 3.

Диаграмма 1

Молодые люди о «чехословацкой», национально-государственной и европейской идентичности

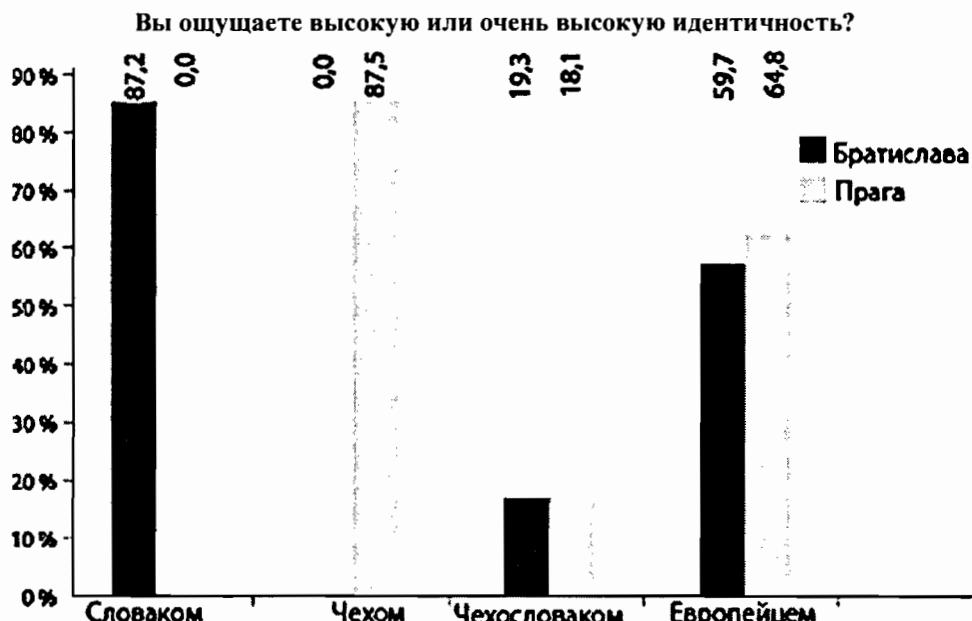
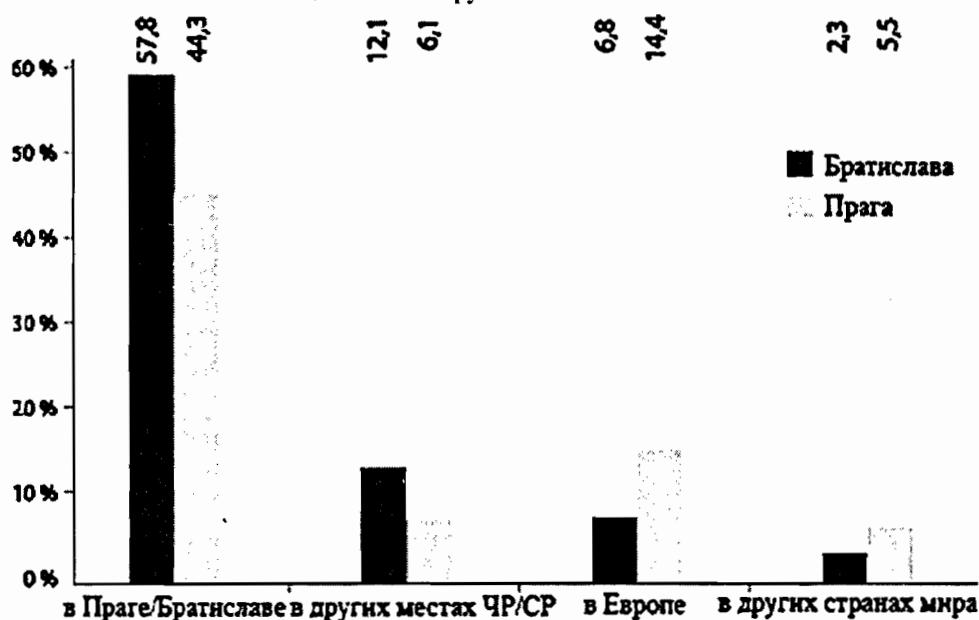

Диаграмма 2

Где вы планируете жить в 30 лет?

Коцепция «чехословацкой взаимности» среди словаков и после 1993 г. имеет своих сторонников из числа как известных культурных деятелей, так и простых граждан. На то есть не только традиционные и культурные (язык), но и многие социально-структурные (смешанные браки и дети в таких семьях в Братиславе и Праге) и экономико-политические (поддержка в процессах европейской интеграции и выгоды от соединение рынка) причины и основания. Больше половины представителей молодого поколения столиц подтверждают существование взаимности и общности чехов и словаков. Это проявляется в сотрудничестве двух самостоятельных республик на общеевропейском пространстве и в европейских институциональных структурах.

Идентификация с Европой и Европейским союзом

Насколько позитивно оценивается принадлежность к Европе и каковы взгляды молодых людей на европейское гражданство и Европейский союз — вот эффективные показатели европейской идентичности. Мы спрашивали респондентов, насколько они ощущают себя европейцами. Как видно, доля тех, кто считает себя не только словаком/чехом (80—90%), но и европейцем, довольно высока в обоих городах (60—65%).

Таблица 2
Доля ощащающих высокую или очень высокую идентификацию (%)

Быть	Прага		Братислава	
	Выборочная совокупность	Целевая группа	Выборочная совокупность	Целевая группа
Европейцем	64,8	77,4	59,7	74
Европейским гражданином	8,3	25,8	9,8	20,4
Будущим гражданином ЕС	43,9	68,5	59,4	69,4

Задавался также вопрос: «как часто вы ощущаете себя евrogражданином?». Сравнение полученных результатов показывает (табл. 2), что для респондентов быть европейцем (65% и 44%) — не одно и то же, что быть европейским гражданином (8,3% и 9,8%) или гражданином ЕС (43,9% и 59,4%). Особенно большие различия существуют в этом отношении между словаками и чехами.

Молодые люди в Праге (43%) и Братиславе (59%) из выборочной совокупности считают свое будущее гражданство в Европейском союзе очень важным делом. В Братиславе предполагаемому гражданству в ЕС придают то же значение, что и национальной идентичности (60% : 60%).

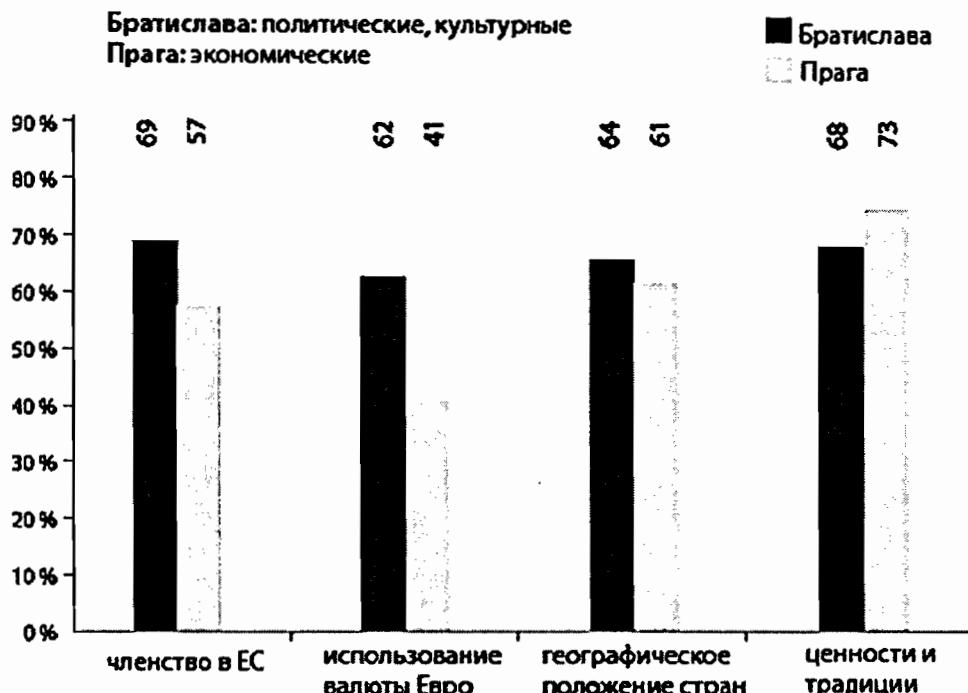
Таким образом, можно констатировать, что наше воодушевление по поводу разделения федерализированного государства или возникновения самостоятельных республик не всегда означает дефицит аналогичного чувства в отношении объединения Европы или Европейского союза.

Что значит для нас Европа

Почему существует такая большая разница в оценке важности гражданства в ЕС между *Братиславой* и *Прагой* (60% и 44%). Более детальный анализ того, «как мы воспринимаем Европу», или «что для нас значит Европа», возможен на основе следующих показателей: членство в Европейском союзе, европейская денежная система, географическое положение, определенные ценности и традиции.

Диаграмма 4

Критерии принадлежности к Европе

Европа — многосторонний феномен с целым рядом критериев принадлежности к нему. Евро, символизирующее экономическую сторону интеграции стран в ЕС, представляется среди этих критериев самым малозначительным для понимания факторов объединения Европы и формирования европейской идентичности у молодых людей в Праге. В случае Праги именно «евро» выступает в качестве единственного показателя, который там не относят к числу важных для понимания «Европы». Напротив, в Братиславе именно этот показатель принадлежности к Европе считается одним из главных. Это значит, что словаки как относительно молодая нация хорошо понимают, что только членство в ЕС позволит им стать признанными европейцами. Чехи, будучи нацией с богатой исторической и культурной традицией и самостоятельной государственностью, в своей современной истории такой проблемы не знали. Определенные сомнения относительно принадлежности словаков к Европе возникают у жителей всех городов, кроме австрийских и чешских.

Большинство молодых людей из Манчестера включило в состав Европы Турцию (54%), но лишь меньшинство — Чехию (44%) и Словакию (37%). Чаще признают европейской страной Чехию (58%) по сравнению со Словакией (49%) в Эдинбурге. Словакию считают Европой в Билефельде (56%) реже, чем в Кемнице (81%).

Словакия знакома европейцам как страна, у которой в результате мирного демократического разделения Чехословацкой федерации остался «Черный Петер». Через СМИ Словакия стала известна «своевольным» введением в эксплуатацию гидротехнического сооружения на Дунае Габчиково-Надьмарош. Хуже знают, что это решение одобрил Международный суд в Гааге. Словакия — это страна, которая стала членом НАТО всего на несколько лет позже Польши, Чехии и Венгрии. Только против Словакии были введены жесткие визовые меры некоторыми странами-членами ЕС в отношении своих граждан цыганской национальности. Они повели себя как первые словацкие евrogраждане и начали путешествовать по Европе на основании законов о беженцах, существующих в таких странах, как Бельгия, Великобритания, Финляндия. Словакия — страна, которая не так давно, в 2002 г. вызвала удивление тем, что здесь меньше всего по сравнению с другими странами ЕС (лишь 17%) граждан пришло избирать своих депутатов в Европейский парламент.

Кто относится к Европе с географической точки зрения?

Мы пытались понять, что значит Европа для исследуемых нами молодых людей. Им предлагался список стран, которые считаются европейскими. Из него можно было выбрать семь стран.

Некоторые из них являются членами ЕС (Великобритания), другие готовились к вступлению туда (Чехия, Словакия, Эстония, Турция), третьи оставались за ее пределами (Россия). Мы выбирали страны таким образом, чтобы они представляли различные географические «области» Европы. Например, Исландия на севере. Континентальный «угол» представляют Россия и Эстония на севере и Турция на юго-востоке. Страны перечислялись в алфавитном порядке, и респонденты должны были ответить — относятся они к Европе или нет (табл. 2). Словаки и чехи продемонстрировали самую высокую оценку своей принадлежности к Европе. Это можно объяснить общей историей, культурными традициями, географическим положением, непрерывным взаимодействием политики и культуры, сотрудничеством правительств и парламентов в процессе вступления в ЕС и НАТО.

Таблица 3
Доля молодых респондентов, относящих страну к Европе (%)

Страна	Прага	Братислава
Великобритания	90,4	81,1
Турция	27,5	50,4
Чешская республика	90,7	96,7
Эстония	60,9	49,4
Исландия	55,1	52,6
Словакия	93,4	96,0
Россия	49,0	55,9

У Турции наиболее низкие оценки, хотя в Братиславе выше, чем в Праге. Этому есть исторические объяснения. Турская оккупация в течение многих лет распространялась на Венгрию, вплоть до Вены и Комарно. Словакии и ее жителям от того времени остались воспоминания о многих исторических событиях, памятные места. (Например, известный колодец в Тренчинской крепости или история об Омаре, который много лет копал колодец в скале крепости, чтобы освободить свою любимую Фатиму.) Правда, для обеих стран — Словакии и Чехии — Турция является страной с иной, нехристианской религией. Турция — мусульманская страна.

И в Братиславе, и в Праге, как удалось установить, Эстония и Исландия воспринимаются как европейские страны. Эстония получила намного больше голосов в Праге, чем в Братиславе. На самом деле, это можно объяснить тем, что Чешская Республика наладила более интенсивные связи со странами Балтии, у нее прямая авиационная связь с Эстонией. В Словакии Эстония, Литва и Латвия все еще воспринимаются как однородное целое.

Россию относят к Европе чаще, чем Турцию, — и в Праге, и в Братиславе. Молодые жители Братиславы, однако, воспринимают Россию как европейскую страну чаще, чем молодые пражане. Одной из причин тому, как следует из качественных интервью 2003 г., стали болезненные последствия подавления Пражской весны в бывшей Чехословакии. Негативные последствия процесса нормализации в Чехии проявились сильней, чем в Словакии. Отношение к России в Словакии определяет, в частности, тот факт, что в ее восточной части проживает большая национальная группа с православным вероисповеданием. Помимо географической близости, большую роль в Словакии играет память о тысячах советских воинах, погибших во время Второй мировой войны на ее территории 60 лет назад. Наконец, сохраняют еще влияние и старые «славянофильские» традиции, напоминающие о поддержке Россией процессов словацкого национального возрождения (1848 г.). С другой стороны, не в Словакии, а в Чехии проживают сегодня многочисленные «новые богатые русские», сюда же идет «нашествие» беженцев из Чечни. Это вызывает беспокойство, главным образом, в Праге, что и проявляется в более низкой оценке России как европейской страны у пражан.

Электоральное поведение молодых граждан

Результаты социологического исследования «Молодежь и европейская идентичность» 2002 г. обнаружили, что избирательное поведение молодых людей обладает некоторыми особенностями долгосрочного характера.

В Братиславе выше, чем в Праге, доверие парламентской демократии и значение избирательной процедуры. В отличие от пражской, молодежь Братиславы, однако, все еще недооценивает роль местных и региональных выборов. Об этом свидетельствует и то, что фактические компетенции государства еще не перешли на упомянутые новые уровни общественного управления, прежде всего в Словакии.

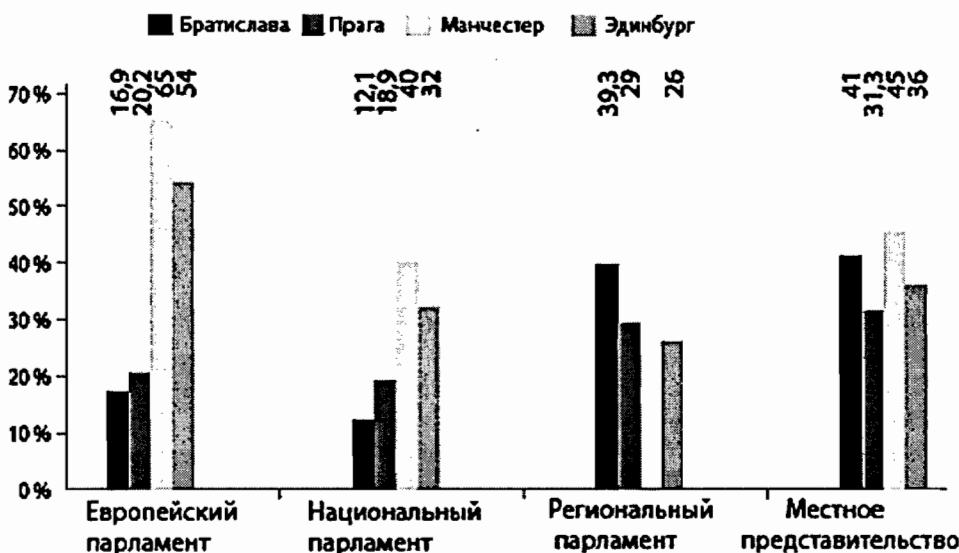
Примечательно, согласно результатам исследования, для обоих массивов опрошенных характерно признание равнозначности национальных парламентских выборов и выборов в Европейский парламент.

Молодые люди о «чехословацкой», национально-государственной и европейской идентичности

Ожидаемое участие молодежи в выборах в Европейский парламент в 2002 г. в сравнении с некоторыми европейскими странами было довольно высоко. Только в Австрии оно достигло еще более высоких показателей. Что же произошло в 2002—2004 гг., в результате чего фактическое участие граждан Словакии в выборах в Европейский парламент оказалось совсем не таким, как предполагалось?

Диаграмма 5

Политическое участие: не пойду на выборы

Жители Словакии в борьбе с собственным государством, собственными политическими партиями, собственными приватизаторами после 1993 г. учатся гражданственности. Они открыли для себя, что и *неучастие в выборах является иногда самым эффективным средством проявления своей гражданской смелости и ответственности*, демонстрации своей политической воли и ориентации. Почему 80% граждан Словакской республики, имеющих избирательное право, в том числе много молодых людей, отказались голосовать?

Во-первых, закон о выборах не обязывает их участвовать в выборах, как в некоторых странах-членах ЕС. Граждане знают, что за «выборы ногами» их не ждут ни жесткие санкции, как это было до 1989 г., ни денежные штрафы, которые существуют сегодня в некоторых странах Евросоюза.

Во-вторых, в соответствии с законом — совсем нетрадиционно для современной истории Словакии — выборы проходят в течение одного дня (например, в Чешской республике это два дня — пятница и суббота). Многие граждане в воскресенье шли голосовать прямо из церкви. Этот факт можно расценивать как за-

программированную выгоду для политической партии, избирательный потенциал которой образует специфический круг граждан. Христианско — демократическое движение неожиданно получило 15% голосов и 3 мандата.

В-третьих, другой политической партии помогло, что ее кандидатом в Европейский парламент стал символ успеха Словакии на хоккейных чемпионатах мира Петер Штястны, хоккейный менеджер. У него оказался европейский депутатский мандат с наибольшим количеством преференциальных голосов. Словацкая демократическая и христианская коалиция тоже получила 15% голосов и 3 мандата.

Неучастие словацких граждан в выборах в ЕП необходимо внимательно «читать»

Это общественный протест словацких граждан против низкой политической культуры, против раздоров представителей правительственные политических партий, против политической нестабильности страны. Декларативное неучастие, замеченное Европой, необходимо интерпретировать (прочитать) как громкую пощечину словацких граждан своему правительству и партийной политике как таковой.

Не низкое участие в выборах в ЕП, а сами их результаты особенно важны. Кого Словакия послала в ЕП? Из 14 депутатов нет ни одного члена Компартии Словакии или Словацкой национальной партии. Из 14 депутатов пятеро составляют женщины, двое — представители венгерского национального меньшинства. Реальность такова, что мандат всех депутатов «слабый»: он предоставлен только 17 процентами избирателей. Граждане подождут, останутся ли словацкие депутаты «сердцем в Словакии», как обещали. Будут наблюдать и за тем, где окажется их «кошелек» — в Брюсселе или Братиславе. Такое шутливое дополнение получил предвыборный лозунг о том, где будет «сердце» депутата, на рекламном щите одной политической партии. Проблема в том, что Брюссель сейчас действительно является сердцем Европы, где принимаются решения по Словакии.

Свыше 50% граждан на референдуме 2003 г. высказались в пользу вступления Словакии в ЕС. Главным образом, молодые словаки отождествляют с ним не только лучшую жизнь, преимущества свободного передвижения и более широкого рынка труда, безопасное и мирное будущее для своих детей, но особенно признание европейской идентичности нашей относительно молодой европейской нации, которая за время после 1993 г. достигла того, на что другим народам потребовались десятилетия.

В мае 1994 г. граждане Словакии приняли уже более массовое участие во втором туре президентских выборов — без руководящего влияния со стороны правительственные коалиционных демократических политических партий. Можно даже сказать: они избирали вопреки их воле. Граждане Словакии пришли к избирательным урнам в «эффективном» количестве для того, чтобы Владимир Мечиар не стал президентом Словацкой республики.

Будущее не является монополией молодежи, но именно молодые люди могли бы, воспользовавшись своими гражданскими правами, повлиять через избирательную процедуру на процесс выработки политического курса своих стран, а в будущем и Европейского союза.

Заключение

В 1993 г. отсутствовало однозначное общественное мнение по вопросу о разделении Чехословакии. В Чехии 40% было за и 40% против разделения, остальные не определились. Словацкое общество (47,8 %) оценивало разделение негативно, 26% не сформировали позицию по этому вопросу и только 29% относились к происходящему позитивно. Политические элиты в обеих странах (В. Клаус и В. Мечиар) сознавали, что референдум граждан мог бы привести к такому результату, и потому отказались от его проведения.

Исследование 2001 г. [21] показало, что разделение Чехословацкой федеративной республики со временем предстало в новом свете. Общее государство словаки и чехи рассматривали как невыгодное для словаков (57,1%) и чехов (55,8%). Но более предпочтительным для чехов считали такое государство не только словаки (75%), но и сами чехи (61,9%). Независимую Чешскую республику оценивали как преуспевающую чехи (67,9%), но особенно словаки (80,5%). Независимая Словацкая республика после разделения не воспринималась в качестве процветающей не только чехами (74,9%), но еще больше словаками (82,7%).

Критическое отношение словаков к изменениям в своем положении после разделения общего государства (более низкий уровень жизни) не выражалось в каком-либо растущем неприятии ими чехов или общественной трансформации, произошедшей после 1989 г. [21, с. 19]. Специалисты в области чешско-словацких отношений [15, 19] всегда ценили прежде всего редкий исторический симбиоз взаимной солидарности, тонкой иронии и состязательности этих двух очень близких народов. Историческая декада 1993—2003 гг. продемонстрировала, что разделение позволило эти отношения улучшить. Процессы общественной трансформации, приватизации, роста политического плюрализма и европейской интеграции, завершившейся вступлением обеих стран в Европейский союз, свели в самостоятельных странах к минимуму возможность чешского и словацкого «националистического» выбора. В обоих государствах «национализм» был приглушен².

В новом государстве словаки отстаивали гражданскую модернизацию у национальной политической и экономической элиты. Возникли для Словакии нетрадиционные политические партии с более либеральной ориентацией³, сформировалось гражданское общество, в котором большая роль принадлежит гражданским молодежным движениям⁴.

Важным компонентом новой национальной идентичности словаков стала экзальтированная манифестация коллективной солидарности посредством международного признания «производительности», «смелости», «способности к сотрудничеству» молодых словаков. Успешная история словацких хоккеистов в 1993—

² Велика вероятность, что экономическая ситуация в восточной Словакии, высокая безработица могли привести в Чехословакии к росту недовольства центральными, федеральными органами власти и в результате — чешской политической элитой. Это означало бы появление в Чехословакии напряжения, негативно влияющего на европейский интеграционный процесс, как это случилось в бывшей Югославии.

³ Появилась политическая партия с либеральной ориентацией — Союз нового гражданина (основатель и председатель — Павол Руско, владелец самой успешной телевизионной станции с названием Маркиза).

⁴ Добровольческий или неправительственный сектор гражданского общества успешно развивался в 1993—1998 гг. при поддержке международных фондов и представлял собой очень важный фактор трансформации и гражданской модернизации Словацкой республики. В основном благодаря его активности молодые избиратели пришли к избирательным урнам, за чем последовали политические перемены, которые принесли парламентские выборы 1998 г. [14].

2003 гг. является классическим тому подтверждением. Словакская республика приобрела международное признание, а граждане уверены в собственных силах и способностях.

Аналогичным вызовом для Словакской республики стал Европейский союз. После 1993 г. и парламентских выборов 1994 г. (победа коалиции национальных политических партий — В. Мечиар и Й. Слота) все процессы интеграции в НАТО и ЕС приостановились. Ситуация изменилась только в 1998 г., причем благодаря молодому поколению, которое отдало свои голоса на выборах тем политическим партиям, которые обещали больше демократии, ориентацию на европейскую интеграцию и социальную справедливость.

В 2003 г. Словакия вместе с Чехией, Польшей, Венгрией, Словенией, Эстонией и Мальтой успешно завершила переговоры о вступлении в ЕС и с 1 мая 2004 г. стала членом ЕС. Хорошие отношения Словакии с США и Россией позволили Братиславе (2005 г.) стать местом проведения саммита президентов Владимира Путина и Джорджа Буша.

*Перевод со словацкого
Любы КРАЛЁВОЙ*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bunčák J., Piscová M.* Modern National Identity of Slovaks and Their Attitude Towards Europe // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2000. Vol. 32. № 3. P. 289—310.
2. *Bútorová M.* Slovakia's NGOs // *A Civic Archipelago of Hope and Action*. Bratislava 1997, NGOs News 7. P. 10.
3. *Bútorová M., Fialová Z.* Neziskový sektor a dobrovoľníctvo na Slovensku. Bratislava: Focus, SAIA, 1995, 87 s.
4. Creation of the Civil Society in Slovakia: 1990—1993 / Ed. L. Macháček. Bratislava: Institute for Sociology Slovak Academy of Sciences, Bratislava. P. 90.
5. Čambalíková M. Sociologická reflexia občianskych typov v období budovania právneho štátu (Charakteristika typov «zmocňovač» a «podrývač») // *Právny obzor*, 1994, roč. 77, č. 3.
6. Demeš P. The Third Sector and Volunteerism // *Slovakia 1998—1999. A Global Report on the State of Society*. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. P. 347—364.
7. Findor A. (De) Constructing Slovak National Mythology // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2002. Vol. 34. № 3. P. 195—208.
8. Fountaine P. Europa in Zehn Lektionen. Brussel-Luxemburg: EGKS-EG-EAG, 1995. 46 s.
9. Jamieson L. Theorising Identity, Nationality and Citizenship: Implications for European Citizenship Identity // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2002. Vol. 34. № 6. P. 507—532.
10. Jamieson L. et al. 2001. International Findings Report № 1: Random Sample Surveys of 18—24 year olds in site across Europe. (<http://www.sociology.ed.ac.uk/youth>)
11. Laiferová E. Reception of Nation and National Dynamics in the Work of Alexander Hirner // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2000. Vol. 32. № 6. P. 539—554.
12. Les E. The Voluntary Sector in Post-Communist East Central Europe. Publ. by CIVICUS-World Alliance for Citizen Participation. Washington: D. C. USA, 1994. 12. P. 257—270.
13. Macháček L. Príprava občanov SR na európsku integráciu // *Právny obzor*. 1997. 80. č. 3, s. 372—377.

14. Macháček L. Youth and Creation of Civil Society in Slovakia. *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2000. Vol. 32. № 3. P. 241—255.
15. Machonin P. Slovaks and Czechs on the Threshold of the European Union. On the Possibility of Mutual Emancipation of Nations // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2002. Vol. 34. № 6. P. 547—562.
16. Machonin P. Post-communist Social Transformation and Modernization // *Sociológia /Slovak sociological review*. 1996. 28: Spring. P. 5—12.
17. Názory občanov v SR a ČR. Interný materiál. Praha-Bratislava: Sociologický ústav ČAV a Ústav sociológie ČAV, 1993.
18. Pauer J. Historické rozpravy a politika v Českej a Slovenskej republike po roku 1989. OS-fórum občianskej spoločnosti. Vol. VII. July-August 2003. P. 11—16.
19. Roško R. Slovensko na konci tisícročia. Bratislava: VEDA, 2000. 404 p.
20. Roško R. Smer moderné obcianstvo. Bratislava: SU SAV, 1995. 108 s.
21. Tuček M. et al. Ako sa máte Česi — Jak se máte Slováci: 10 let po rozchodu. Prague: Median, 2003. 207 p.
22. Turčan L. The Circumstances of the Development of Sociology in Central European Countries — Slovak Sociology in the 20th Century // *Sociológia/Slovak Sociological Review*. 2000. Vol. 32. № 6. P. 507—520.
23. Woleková H., Salomon L.M. Neziskový sektor na Slovensku — ekonomická analýza. Bratislava: SPACE, 2000.

Е.Н. ДАНИЛОВА

Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций

В научной и популярной литературе активно обсуждаются проблемы интеграции современного российского общества, природа и причины этнических конфликтов в постсоветское время, рост национального самосознания русских, угроза ксенофобий из-за притока этнических мигрантов и т.п. [1]. Тем не менее, не так часто рассуждения опираются на эмпирические данные. В нашем распоряжении «социальные факты», полученные в репрезентативных исследованиях населения России и Польши. В центре внимания находятся идентификации с широкими общностями — этническими и гражданскими. Мы анализируем, насколько часто взрослые жители этих стран отождествляют себя с такими сообществами, каково их место и значение в системе множественных идентификаций.

Казалось бы, какой смысл рассматривать в сравнении две страны, столь разные с точки зрения этнической композиции и гражданских традиций. Тем не менее, полученные данные позволили по-новому взглянуть на вроде бы уже известные представления не только о роли этноса и государства, но и о соотношении этих идентификаций в моноэтничной Польше и многонациональной России, для которой эти проблемы чрезвычайно остры.

Один из волнующих вопросов: что важнее — принадлежность к этносу или государству? Считается, что в Польше доминирует национальная идентификация. О российской идентичности идет много споров. Одни считают, что государственная составляющая превалирует. Известен тезис о том, что в России всегда речь шла об идентичности в рамках государства, которое бесспорно считалось основой идентичности русских. Другие акцентируют внимание на росте национального самосознания русских и национальных чувств, подогреваемых столкновениями с «чужими» культурами, приносимыми потоком мигрантов, возрождением русской православной церкви. Тем не менее, сегодня говорить о той или иной тенденции с достаточной уверенностью трудно. Есть ли принципиальные различия между русскими — этническим большинством России (именно о них пойдет речь, поскольку в рассматриваемой выборке их 86%) — и жителями Польши, на что они указывают?

Другой вопрос — о роли этнических и гражданских идентичностей в интеграции общества. Идентификации с гражданскими общностями, несут позитивный потенциал, не таящий в себе межнациональных трений и конфликтов. Но нельзя не

согласиться с тем, что сегодня в России отсутствует достойный общегражданский проект, позволяющий интегрировать все общество. Каковы тенденции в этнической и гражданской идентификациях россиян по сравнению с поляками? Попробуем ответить на эти вопросы, основываясь на эмпирических данных.

Методика исследования

Исследование проводилось по сопоставимым методикам в двух странах одновременно¹. В результате мы получили профильные срезы по национальным репрезентативным выборкам населения старше 18 лет. В России использовалась квотированная выборка, ее объем — 1600 человек, в Польше рандомизированная — 1100 человек. Применялись две методики. Обе предоставляют респонденту возможность соотнести себя с различными социальными категориями. Предлагаемый для соотнесения список включал широкий диапазон социальных общностей: национальные, государственные, связанные с конкретным регионом, полом и семьей, религией, политикой, возрастом, профессией, социальным слоем.

Одна методика была нацелена на регистрацию личностной самоидентификации (условно — «я-идентификации»)². Она состояла в следующем. Из 41 предложенных характеристик респондент отбирает те, которые он считает для себя подходящими, например, «молодой», «отец», «гражданин России». В опросе это звучало следующим образом: «Мы хотим спросить, что Вы думаете о себе. На этих карточках много характеристик. Пожалуйста, выберите те характеристики, которые подходят для Вас, и отложите в сторону те, которые не подходят». Респонденту дают карточки, на которых указаны различные характеристики и просят разложить их в две стопки. Респондент может выбрать любое количество относящихся к себе характеристик из предложенных на карточках. После того, как респондент разложил карточки в две стопки, его просят ранжировать по важности отобранные характеристики: выбрать самую для него важную, далее — самую важную из оставшихся, затем следующую наиболее важную и так далее. Интервьюер регистрирует каждый выбор респондента. Таким образом, для каждого респондента получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, ранжированных по степени их значимости.

Вторая методика направлена на выявление групповых идентификаций (условно «мы-идентификации»)³. Респондента просили выразить свое мнение относительно различных социальных общностей. Вопрос звучал так: «В жизни мы встречаем разных людей. С одними быстро находим общий язык, легко их понимаем, другие же нам чужие, хотя живут рядом с нами. Сейчас я буду называть Вам разные группы людей. Как часто Вы чувствуете, что они Вам близки, о каких вы можете сказать — это Мы?» (Варианты ответов: часто, иногда, никогда, трудно сказать). В результате респондент высказывал свое мнение относительно каждой предложенной группы (общности).

¹ Исследования проводились дважды: в мае 1998 г. и июне 2002 г. В статье используются данные 2002 г.

² Методика фиксирования «Я-идентификаций» была предложена польскими коллегами К. Косзлой совместно с М. Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской.

³ Вопрос в точности повторял тот, что был использован в опросах 1992–1998 гг. См.: Социальная идентификация личности-2 / Под. ред. В.А. Ядова. М.: ИС РосАН, 1994; В.А. Ядов. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3—4. С. 167–174; Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76—86

Различия методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификаций. Идентичность может быть «чувствуемой» как близость, сопереживание какому-либо сообществу, либо «распознаваемой» как принадлежность человека к этому сообществу. Психологический механизм отбора я — и мы-идентификаций во многом аналогичен — в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако в отличие от отбора карточек (я-идентификаций), где респондент фокусирует внимание на своей собственной принадлежности к социальным общностям, «примеряя» к себе названные категории, в вопросе о мы-идентификациях акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к другим окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он чувствует их близость или отторжение. Условно можно считать «я-идентификации» — скорее когнитивными, «мы-идентификации» — скорее эмоциональными.

В нашем исследовании к этническим мы условно относим все те категории, которые по своему содержанию связаны с кровными, родовыми и культурными корнями этническости. Они же могут трактоваться как традиционные. Это — определения себя русским или поляком, близость по религии и культуре, славянская идентичность.

Гражданские идентификации определяем как те, которые связаны с разными уровнями и формами отношений с общественными институтами, где не родовые или кровные связи, мифы и легенды о своей нации, а правовое поле и экономическая деятельность являются основой взаимодействия, обеспечивающей важность и востребованность соответствующей идентичности. Гражданскими в нашем исследовании выступают государственные идентификации, такие как «граждане России», «россияне», субгосударственные (муниципальные) идентификации — «жители одного поселения, местности», и надгосударственные идентификации — «европейцы», т.е. граждане Европы.

Место и значение этнических и гражданских идентификаций для россиян и поляков

Наблюдается сходство двух стран в большой значимости и распространенности этнической и государственно-гражданской идентификаций, причем этот вывод следует из анализа данных, полученных по обеим методикам. Принадлежность к нации и государству являются самыми важными характеристиками среднего россиянина и поляка. Я-идентификации с государством и этносом по распространеннести конкурируют с такими первичными человеческими идентичностями, как гендерные и семейные (табл. 1).

В России в целом для всего населения этническая и государственная идентичности идут на равных⁴, в то время как в Польше значимость национальной выше, чем гражданской. Различия в следующем: в России в число пяти самых распространенных попадает местная идентификация, которую мы относим к гражданским, а в Польше — религиозная, которая скорее тяготеет к этническим.

⁴ Однако, если взять подвыборку русских (тех, кто называет себя русскими), то по распространенности этническая опережает государственную. Об этом пойдет речь ниже.

Таблица 1
Пять наиболее распространенных «я-идентификаций»

В РОССИИ (N=1603)			В ПОЛЬШЕ (N=1069)		
Ранг	Идентификации	Распространенность (%)	Ранг	Идентификации	Распространенность (%)
1—3	Гражданин России	79	1	Поляк	84
1—3	Мужчина/Женщина	79	2—3	Человек верующий	77
1—3	Русский	78	2—3	Мужчина/Женщина	77
4—5	Мать/Отец	69	4—5	Гражданин Польши	70
4—5	Житель региона/ города/местности	65	4—5	Мать/Отец	67

Казалось бы, национальные и государственные сообщества не являются теми, принадлежность к которым ощущается повседневно. Тем не менее, как видно из таблицы 2, по частоте выбора гражданами двух стран в качестве эмоциональных идентификаций «воображаемые» (конструируемые) [2] сообщества остро конкурируют с реальными группами повседневного общения, такими как семья, друзья, близкие по духу, товарищи по работе.

Неудивительно, что большой процент респондентов в двух странах выбирает в качестве близких малые реальные группы. Но и достаточно много россиян и поляков указывают на сильную эмоциональную близость к национальному и государственному сообществам. Для России близость по этническому признаку «с людьми моей национальности» (более 70%) демонстрируется чаще, чем с гражданским сообществом «россияне». Однако примечательно, что и эта категория, когда-то выпущенная в жизнь первым российским президентом, работает — более 60% опрошенных считает ее своей «мы-группой».

Из таблицы 2 видно, что поляки в целом реже, чем россияне, выражают те или иные идентификации, но порядок предпочтений примерно одинаков.

Таблица 2
Самые распространенные «мы-идентификации»

В РОССИИ (N=1603)			В ПОЛЬШЕ (N=1069)		
Ранг	Идентификации	Распространенность (%)	Ранг	Идентификации	Распространенность (%)
1	Семья. Друзья	86—88	1	Семья	87
2	Сверстники. Люди того же достатка. Единомышленники	78—80	2	Друзья	76
3	Люди той же нацио- нальности. Земляки	72—74	3	Единомышленники	62
4	Люди той же профес- сии. Россияне. Коллеги	63—64	4	Поляки. Люди того же достатка	54—57

Сходство проявляется и в том, что большинство россиян и поляков наиболее часто выбирают в качестве близких себе групп семью и друзей. Отличие — для большинства поляков более значимы, прежде всего, семья и друзья, в то время как большинство россиян декларируют близость не только с семьей и друзьями, но и с другими группами⁵.

Подытоживая, можно сказать, что наряду с малыми группами и ближайшим окружением жизненный мир россиянина и поляка вмещает воображаемые большие сообщества — нацию и государство. Для поляков традиционные ценности остаются незыблемыми и в эпоху перемен, их мир основывается на «трех китах»: семья, нация, вера. Государство имеет меньшее значение. Для русских важен расширенный микромир (семья, товарищи по работе, коллеги, близкие по духу, сверстники), своя национальная общность, своя «малая родина» и ... государство.

Две модели взаимосвязей этнических и гражданских идентификаций

Рассмотрим теперь все множество гражданских и этнических идентичностей. Сравнение с Польшей оттеняет проблемы российской идентичности. Особенно отчетливо видны различия двух стран, если сравнить идентификации, условно подразделяя их на две группы: гражданские и этнические. Повторим, что к комплексу этнических идентификаций относятся и религиозные и культурные, которые тесно связаны с этничностью и подтверждают приверженность национальным традициям. Славянская идентичность также может быть отнесена к этническим. Комплекс гражданских идентификаций включает в себя принадлежность к государственным сообществам, к субгосударственным — к местным сообществам, а также надгосударственные — европейскую и идентификацию с человечеством «гражданин мира».

Как видно из таблицы 3, в России более распространены я-идентификации государственно-гражданского комплекса, а в Польше — этнокультурного.

Таблица 3

Различия гражданских и этнических идентификаций в России и Польше («я-идентификации»)

РОССИЯ (N=1603)	% в выборках		ПОЛЬША (N=1069)
Гражданские идентификации			
Гражданин России	79	70	Гражданин Польши
Житель своей местности	65	50	Житель своей местности
Советский человек	44	25	Гражданин ПНР

⁵ По данным мониторинга, россияне на протяжении 1990-х годов выбирают в качестве близких им групп семью, друзей, сверстников — людей одного поколения, коллег по работе, земляков. Первичные группы образуют устойчивый базовый комплекс коллективных идентификаций. Ориентации на семейные и дружественные связи, на своих сверстников и земляков преобладают и в других странах восточноевропейского региона. Так, например, в исследовании эстонских коллег также выяснилось, что большинство эстонцев во многом отождествляют себя с первичным группами. Причем это не только семья и родственники, а друзья, коллеги, люди, разделяющие общие ценности. И восточные немцы отличаются от западных большим весом первичных групп в своих идентификациях.

РОССИЯ (N=1603)	% в выборках		ПОЛЬША (N=1069)
Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой	35	10	Гражданин страны незначительной в мире
Гражданин Великой державы	28	28	Гражданин страны, важной в мире
Европеец	24	45	Европеец

Этнические и культурные идентификации

Русский	78	84	Поляк
Верующий	47	77	Верующий
Сторонник православной церкви	39	50	Сторонник католической веры
Славянин	36	27	Славянин
Приверженец Русской национальной идеи	17	55	Приверженец польских народных традиций
Представитель своей национальности	10		

- Жирным выделены идентификации, которые более распространены

Польская идентичность очень гомогенна — она базируется на нации, традиции и ценностях веры. Для большинства поляков естественен выбор идентичностей, указывающих на национальную принадлежность. *Религиозные идентичности* в Польше также важны, как и национальные. Вместе они образуют сплав «польскости». Так, около 70% поляков одновременно выбрали самоидентификации «поляк» и «верующий».

На фоне Польши россияне выглядят в определенном смысле более современными: они чаще выбирают идентификации гражданского комплекса. Но российская идентичность сложнее, в ней содержатся противоречивые тенденции.

Россияне сильнее выражают идентичность именно с государством — и с современным российским, и с бывшим советским. Россиян отличает более глубокий след имперского и советского прошлого, в самоидентификациях россиян сильнее чувствуется драматичность утраты бывшего государства — Советского Союза. Советская идентичность запечатлена в памяти людей старших поколений. Спустя почти полтора десятилетия с того момента, как перестал существовать Советский Союз, причастность к советскому народу еще живет в людском сознании: более 60% выбирают такую идентификацию либо когнитивно, либо эмоционально, из них почти 17% не приемлют нынешнего российского гражданства (не выбирают характеристику «гражданин России»). Тем не менее, российская идентичность вытесняет советскую. В России больше 40% населения предпочитают новое российскую гражданство и не ассоциируют себя с «советским человеком» (табл. 4), из них, правда, 10% чувствуют близость к советскому народу. Среди поляков, предлагающих современную Польшу социалистической ПНР, около половины.

Интересно, что и для части поляков социалистическое прошлое имеет значение: более 20% поляков одновременно считают себя и гражданами современной Польши, и гражданином бывшей Польской Народной Республики (ПНР), но только 2% предпочитают ПНР современной Польше.

Таблица 4

Сочетания выборов современных и ретроспективных гражданских идентификаций (по методике «я-идентификация», доля в выборке)

	Одновременно выбрал и «Гражданин России» и «Советский человек»	Выбрал «Гражданин России», и НЕ выбрал «Советский человек»	Выбрал «Советский человек» и НЕ выбрал «Гражданин России»	НЕ выбрал НИ «гражданин России», НИ «советский человек»
РОССИЯ Вся выборка (N = 1603)	38	41	6	15
	Одновременно выбрал и «Гражданин современной Польши», и «гражданин ПНР»	Выбрал «Гражданин современной Польши» и НЕ выбрал «Гражданин ПНР»	Выбрал «Гражданин ПНР» и НЕ выбрал «Гражданин современной Польши»	НЕ выбрал НИ «Гражданин современной Польши», НИ «Гражданин ПНР»
ПОЛЬША (N = 1069)	22	49	2	27

Самое примечательное, что 27 % поляков вообще безразличны к обоим видам гражданства. В России таких 15%.

Отличительной чертой россиян является и более частый выбор идентификаций с местным сообществом. *Локальная идентификация* является одной из самых распространенных. В я-идентификациях она уступает российской и национальной принадлежности (табл. 1), однако в мы-идентификациях — чувства близости к «землякам» идут на равных с чувствами принадлежности к «россиянам» (табл. 2).

А такая глобальная гражданская идентичность как *европейская* естественно выбирается чаще поляками, чем россиянами. В России эту идентичность выбрали всего 24% населения. Это, видимо, связано с распространенной в правящих элитах и среди населения идеи об особом пути России⁶.

В Польше гораздо меньше искушений «особым путем» и евразийством. Кроме того, правящая элита в 2002 г. (в момент опроса) определенно готовила страну, уже вошедшую в НАТО, к вступлению в Евросоюз. Но несмотря на все это, оказалось, что не так много поляков — всего 45% — выбрали эту идентичность.

Что касается этнокультурного комплекса идентификаций, то здесь, как было сказано, лидирует Польша (табл. 3). Однако распространенность чисто этнических идентификаций, если суммировать выбравших идентификацию «русский» (78%) и «представитель своей национальности» (10%, в сумме 88%) в России и в Польше (84%) практически одинакова.

В Польше важнее культурные составляющие национальной идентичности. Сравнение с Польшей по распространенности религиозных идентификаций, наверное, могут проиграть многие страны.

⁶ В 2002 г. 63% населения считали, что «России нужно следовать не чужим образцам, а собственным традициям и особенностям». См.: Общественное мнение. По материалам исследований. М.: ВЦИОМ, 2002, с. 155—157. См. также анализ этого вопроса в кн.: Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация России. М: ОГИ, 1998.

Интересно, что и в России после 70-летнего периода забвения церкви почти половина населения относит себя к верующим, причем людьми других национальностей этот выбор делался чаще, чем русскими (53% против 46%). Причем среди русских вера практически сливается с церковно-институциональной принадлежностью: идентификации «сторонник православной церкви» и «верующий» идут почти на равных (40 и 46%). А в Польше более значима категория «верующий», чем «сторонник католицизма» (разница в распространенности почти 30%). Таким образом, русский — человек православный, а поляк — человек скорее верующий, чем католик, вопреки стереотипам. В постсоветской России, многоконфессиональной, имеет место институциональная экспансия православной церкви, в то время как в Польше католицизм не испытывает в этом необходимости.

Такая разновидность этнокультурной идентификации, как *славянская*, более распространена в России, чем в Польше (табл. 3), и естественно среди русского населения.

Итак, россияне чаще, чем поляки, выбирают комплекс гражданских идентификаций. Однако на протяжении 90-х годов набирали силу и этнические, и локальные идентификации. В этот период усиливалось чувство близости россиян ко всем большим «воображаемым» сообществам. Самым заметным был прирост этнических и локальных идентификаций (табл. 5). Прирост гражданских идентификаций немного ниже, но также весом.

Таблица 5

Динамика распространенности этнических, гражданских и локальных мы-идентификаций (% респондентов, называющих чувство близости к тому или иному сообществу; сумма ответов «часто» и «иногда»)

Называют чувство близости к:	Май 1992	Дек 1992	Март 1993	Июнь 1993	Ноябрь 1993	Июнь 1994	Ноябрь 1994	Янв 1997	Май 1998	Июнь 2002	Прирост (%) 2002—1992
Людям той же национальности	75	76	74	72	77	78	76	85	91	95	+20
Россиянам	71	71	66	67	77	71	70	71	84	88	+17
Общности «Советский народ»	47	46	44	39	49	49	44	54	52	63	+16
Гражданам СНГ	49	42	38	36	38	39	34	50	63	66	+17
Землякам (тем, кто живет в нашем городе, поселке)	73	75	71	76	75	80	80	83	92	96	+23

Иллюстрацией существующих тенденций в российской общегражданской идентификации служат результаты факторного анализа (табл. 6).

Таблица 6

**Виды взаимосвязей между мы-идентификациями
(по результатам факторного анализа 8 переменных,
приводятся первые и вторые факторы после ротации)**

РОССИЯ	ПОЛЬША
Фактор 1	Фактор 1
Этнические и локальные идентичности	«Открытая» этническая идентичность
Люди той же национальности 0.71	Поляки 0.74
Земляки 0.71	Все человечество 0.71
Местные традиции 0.68	Люди той же национальности 0.67
Приверженцы национальных традиций 0.48	Приверженцы национальных традиций 0.60
Фактор 2	Фактор 2
«Открытые» гражданские идентичности	Ретроспективные идентичности*
Все человечество 0.78	Местные традиции 0.83
Граждане СНГ 0.73	Сторонники ПНР 0.68
Россияне 0.63	Приверженцы национальных традиций 0.60
Советский народ 0.63	
Приверженцы национальных традиций 0.48	

*Высокие средние значения фактора
получены для подвыборки крестьян

В сравнении с Польшей, где национальная идентичность является стержневой конструкцией, связывающей и поддерживающей все остальные, включая гражданские, в России такой консистентности нет — этнические (и локальные) идентификации, судя по результатам факторного анализа, автономны от общегражданских (в число последних входит гражданство России, СНГ, советское гражданство и даже ощущение себя гражданином мира).

Соответственно, есть респонденты, которым важнее этнические и локальные сообщества, те, кто готов солидаризироваться с другими гражданами, независимо от их этнической и локальной принадлежности. Процессы усиления и конструирования региональных и местных идентификаций обсуждаются исследователями, рассматриваются как затрудняющие становление общегражданской идентичности в постсоветской России [3].

Таким образом, основное отличие между польской и российской моделью выявилось во взаимосвязях этнических и гражданских идентификациях. В структурах факторов обнаружились два типа идентичности: открытые и закрытые. Открытый тип — когда отношение к более узкому сообществу не препятствует включению в более широкое, вплоть до «всего человечества».

В России такими открытыми идентичностями являются гражданские, включая идентичность «россияне». А этническая и локальная идентичности ведут скорее к закрытости, замкнутости в этих сообществах. В Польше — другое: принадлежность к этническому сообществу не мешает открытости, а идентичности, связанные с прошлым, являются закрытыми.

Русские и нерусские Соотношение государственной и этнической идентификаций

Более подробно остановимся на идентификациях по этническому признаку и идентификациях с государством. Польша — моноэтничное государство, а Россия — полигетничное, мультикультурное, поэтому рассмотрим отдельно подвыборки россиян, относящих себя к русским и представителям других национальностей.

Напомним, что если взять всю российскую выборку, то в я-идентификациях принадлежность к нации и государству по распространенности идут примерно на равных. Однако, разбив нашу выборку на подвыборки по национальному признаку, мы видим несколько иную картину.

Русские чаще выбирают этническую принадлежность, в то время как люди других национальностей реже — 88% против 70%. В выборе же российского гражданства практически нет различий между русскими и другими национальностями (77 и 79%).

Различия более заметны, если проанализировать комбинации этнических и гражданских я-идентификаций. Являясь одновременно и гражданином страны, и членом этнического сообщества, не все люди считают обе принадлежности важными, некоторые выбирают только национальную, другие — только гражданскую. Есть и такие, для кого эти характеристики вообще не имеют значения (табл. 7).

Большинство людей и в России, и Польше отмечают одновременно свою принадлежность и к национальности, и к государству. Но особенно характерно это для русских: российское гражданство для большей части русских является столь же распространенным выбором, сколь и этническая принадлежность. Людям других национальностей совмещение государственной и этнической идентичностей дается труднее. Среди русских таких 73%, среди других национальностей — 55% (различия значимы).

В российской выборке в целом примерно одинаковый удельный вес тех, кто выбрал этническую принадлежность без гражданства, или гражданство без этнической принадлежности. Однако, в подвыборке русских выше доля тех, кто склонен выбирать только этническую принадлежность, чем только гражданскую (15% против 6%), а среди нерусских выше доля тех, кто выбирает только гражданскую (22%). Более 15% нерусских выбирают только свою национальную принадлежность.

Если сравнивать с Польшей, указанные профили идентификаций русских и поляков похожи и тяготеют к предпочтению этнической идентификации. Интересно, что российское гражданство «в чистом виде» чаще выбирается представителями других национальностей.

Вопреки распространенному мнению этническая принадлежность когнитивно выбирается русскими чаще, чем людьми других национальностей, проживающими среди русских. В этом смысле русские более схожи с поляками, которые, однако, живут в моноэтничной стране. Скорее всего, русским легче указывать свою этническую принадлежность, а представители других национальностей менее охотно делают это в ходе опроса. А связано ли это с ростом национального самосознания русских, либо российская государственная идентичность не является для части населения однозначно позитивной, а этническая когнитивно более доступна — вопросы для более глубокого анализа.

Таблица 7

**Соотношение национальной и гражданской идентификаций в России
и Польше (по методике я-идентификаций, в % от выборки)**

	Одновременно выбрал и «русский (или «представитель своей национальности»)/поляк», и «гражданин России/Польши»	Выбрал «русский (или «представитель своей национальности»)/поляк», и НЕ выбрал «гражданин России/Польши»	Выбрал «гражданин России/Польши» и НЕ выбрал «русский (или «представитель своей национальности»)/поляк»	НЕ выбрал НИ «гражданин России/Польши» и НИ «русский (или «представитель своей национальности»)/поляк»
РОССИЯ				
Вся выборка (N = 1603)	64	13	15	8
Подвыборка (указали, что русские, N = 1385)	73	15	6	6
Подвыборка (указали, что другой национальности, N = 213)	55	15	22	8
ПОЛЬША				
Вся выборка (N = 1069)	62	22	8	8

Осознание принадлежности к сообществу и отношение к нему

Поводы для ощущения себя гражданами страны или представителями национальности не обязательно связаны с противостоянием чужим, или другим, но прежде всего с тем, какие конструкции и смыслы предлагают политики и СМИ, насколько общие проблемыщаются своими, приходится ли чувствовать и решать их сообща. Наши данные позволяют взглянуть и на такую проблему: является ли человек, заявляющий о своей собственной принадлежности национальному или государственному сообщству, эмоционально включенным в это сообщество, переживает ли близость по отношению к другим его членам.

Можно ли говорить о национальной или гражданской идентичности, если национальная общность ничего не значит для человека, хотя когнитивно он определяет себя как принадлежащий к ней? Или о гражданской идентичности, если факт принадлежности к сообщству кажется человеку несущественным? Иными словами, каково соотношение когнитивных и эмоциональных идентификаций? Анализ совмещения я — и мы-идентификаций иллюстрирует этот вопрос. Всю выборку мы поделили на четыре группы по типу соотношения этих двух форм идентификаций.

Человека можно считать более включенным в сообщество, когда он считает себя принадлежащим к сообщству, а его членов близкими себе, чувствует причастность к сообщству, сопреживает его проблемам. Условно назовем таких людей

«вовлеченными в сообщество». Это наиболее сильные идентификации. Предположительно, этот тип обладает сильным солидаризующим потенциалом в рамках сообщества, но он наиболее возбуждаемый, когда речь заходит об интересах сообщества, когда можно играть на эмоциональной составляющей этой идентификации.

Другой тип — те, кто когнитивно заявляют о своей принадлежности, но не испытывают чувства близости к сообществу. Вряд ли можно говорить о том, что такой человек сильно обеспокоен проблемами своего сообщества, эти чувства не актуализированы. Такие идентификации менее эмоционально нагружены: это нормальное состояние людей в спокойной ситуации. Условно назовем этот тип «когнитивно осознающие принадлежность к сообществу». Они скорей всего сравнительно нейтральны в отношении положения и проблем своего сообщества.

Третий тип — те, кто не говорят о своей принадлежности сообществу, но при этом испытывают чувства близости и причастности к нему, т.е. сообщества и их проблемы для них небезразличны. Можно провести параллель с болельщиками спортивных команд, основная роль которых заключается в выражении эмоциональной поддержки команде. Условное название — «болельщики», или сочувствующие. Вероятно, этот тип содержит солидаризующий потенциал, по крайней мере, эмоциональное сопереживание и потребность в поддержке. Хотя не исключено, что такие чувства могут быть и декларативными. Тем не менее, можно говорить о том, что чувства и интерес по отношению к сообществу актуализированы, их легче «подогревать», как в случае с болельщиками.

И наконец, есть и такие, кто не признают ни своей принадлежности к сообществу, ни чувств к нему — «абсентеисты».

Эти группы мы рассмотрим в отношении к этническим и государственным сообществам России и Польши.

Этнические сообщества. В России в целом более 60% граждан осознают свою принадлежность к национальным сообществам и связаны с ними близкими солидарными чувствами. «Вовлеченных в сообщество» больше среди русских (67%), чем среди людей других национальностей⁷ (53%) (табл. 8).

В Польше, однако, где высоко значение национальной идентичности, доля «вовлеченных в национальное сообщество» ниже (около половины), чем в России. Среди поляков довольно значительна (35%) доля «когнитивно осознающих этничность», то есть тех, кто выбирает свою индивидуальную «польскуюсть», но не разделяет близкие чувства к другим полякам. «Болельщиков» в отношении этнического сообщества совсем немного.

Интересно, что в подвыборке русских распределения похожи. Относительно высока доля «когнитивно осознающих свою этничность», и как и в Польше, мала доля «сочувствующих болельщиков». Поляки, при большой символической значимости нации, более нейтрально относятся к национальному сообществу. Для русских также характерен «синдром большинства».

Отношения людей других национальностей к своим этническим сообществам не так однозначны. Половина — определяют себя членами сообщества, чувства близости и персональная принадлежность совпадают. Остальные такого совпадения не демонстрируют. Здесь относительно высока (более 20%), в отличие от русских, доля

⁷ Важно иметь в виду, что здесь мы рассматриваем не население национальных республик, а тех, кто попал в общероссийскую выборку, то есть, тех, кто большей частью живет среди русских.

«сочувствующих болельщиков», для которых важнее не столько собственная этническая идентичность, сколько соучастие и поддержка своего национального сообщества.

Таким образом, *русский этнос чувствует себя вполне комфортно*, при этом этническая идентификация вполне сильна и отчетлива: большинство ощущают себя включенными в этническое сообщество, остальные воспринимают его нейтрально. В этом проявляются определенные сходства русских с поляками как титульных наций. Самоопределение же других национальностей сложнее, среди них меньше «вовлеченных и когнитивно осознающих» членов сообществ, но больше тех, для кого связь и поддержка национальных общностей и сетей важнее, чьи этнические чувства более актуализированы. Т.е. люди менее охотно указывают свою собственную принадлежность на когнитивном уровне, но не могут не выразить свою эмоциональную близость с этническим сообществом.

Таблица 8
Типы этнической идентификации
(по комбинации я — и мы идентификаций) (в % от выборки)

	I. «Вовлеченные в сообщество» (Одновременно выбрали «я-русский» (или «представитель своей национальности») / «поляк», и чувствуют близость к «людям своей национальности»)	II. «Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу» Выбрали «я-русский» (или «представитель своей национальности») / «поляк», и не чувствуют близость к «людям своей национальности»	III. Болельщики или Сочувствующие (Чувствуют близость к «людям своей национальности») и НЕ выбрали «я-русский» (или «представитель своей национальности») / «поляк»	IV. Абсентеисты НЕ выбрали «я-русский» (или «представитель своей национальности») / «поляк», и НЕ чувствуют близость к «людям своей национальности»
РОССИЯ Вся выборка (N = 1603)	58	19	16	7
ПОЛЬША (N = 1069)	49	35	8	8
РОССИЯ Подвыборка тех, кто указал, что они русские, N = 1385)	67	22	8	4
РОССИЯ: (Подвыборка тех, кто указал, что принадлежат другой национальности, N = 213)	53	17	22	8

Государство. Традиционно в Польше государственная идентификация не имеет такой силы, как национальная, а для поляков проблема гражданства не так значима, как для России. Однако и в современной России только половина населения ощущают себя «вовлеченными» гражданами страны, то есть когда персональ-

ная принадлежность совпадает с чувством причастности, близости с государственным сообществом (табл. 9).

В обеих странах государственная идентификация скорее выражена на когнитивном уровне, чем эмоциональная причастность к сообществу. Для всех выборок относительно высока доля «когнитивно осознающих», чем «сочувствующих».

Таблица 9
Типы государственной идентификации (в % от выборки)

	I. «Вовлеченные в сообщество» (Одновременно выбрали «я-гражданин России/Польши», и чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»)	II. «Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу» Выбрали «я-гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»	III. Болельщики или Сочувствующие (Чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши» и НЕ выбрали «я-гражданин России/Польши»),	IV. Абсентисты НЕ выбрали «я-гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»
РОССИЯ Вся выборка (N = 1603)	51	29	12	8
ПОЛЬША (N = 1069)	42	29	15	15
РОССИЯ (Подвыборка тех, кто указал, что русские, N = 1385))	51	28	13	8
РОССИЯ: (Подвыборка тех, кто указал, что другой национальности, N = 213)	48	29	11	12

Таким образом, для проживающих среди русских представителей других национальностей гражданская (государственная) идентификация более выражена на когнитивном уровне, нежели на эмоциональном, а этническая — на эмоциональном (ср.: строку 4 в табл. 8 и 9). А для этнического большинства (русских и поляков) обе идентификации: гражданская (государственная) и этническая скорее когнитивны, чем эмоциональны (ср.: строки 2 и 3 в табл. 8 и 9).

Заключение

На протяжении истории России и Польши идеи этноса и государства формировались в этих странах по-разному. Чувство принадлежности к сообществу государственному и сообществу этническому в России и Польше рождалось в разных условиях, след тех давних событий проступает и в наши дни.

В Польше традиции и наследие XIX и XX веков проявляются в сплаве этнической общности с общностью вероисповедания. В XIX веке, ключевом периоде для формирования современных наций, здесь не было самостоятельного государства. Национальную территорию приходилось постоянно отвоевывать у соседних империй. Поэтому исторически идея этнонационального сообщества главенствовала в Польше, где, в отличие от России и Западной Европы, не власть, а элиты взяли на свои плечи задачу формирования чувства принадлежности к особому народному сообществу.

В России картина в принципе другая. В российской империи государство всегда стремилось превалировать над этносом. Государство вторгалось в религию, принуждало к обязательной военной службе, контролировало систему воспитания и образования. Такие действия принесли плоды: у большинства обывателей понятия страны, отчизны, великого государства и святой земли всего народа слились воедино. В Советском Союзе линия имперского сплочения была продолжена.

Серьезным вызовом для россиян стали события последних лет, в ходе глубоких трансформаций их представления об этнических и государственных общностях менялись, приобретали иные смыслы. В России изменилось само государственное сообщество, соотнесение с которым ныне требует от людей определенных усилий. Сложность самоопределения вызвана многими факторами. Один из них — болезненный процесс смены советской идентичности на общероссийскую гражданскую. В данном случае этническое самосознание может стать конкурентом государственной и общегражданской идентичности.

Такое сообщество, как «россияне», можно считать гражданской идентичностью. Эта более широкая общность в многонациональном государстве позволяет подняться над узко-этническими интересами. Известно, что в начале реформ само название «россияне» казалось мало приемлемым как для правящих элит национальных субъектов Российской Федерации, для которых принцип права наций на самоопределение послужил мощным орудием в борьбе за власть и ресурсы, так и для русских этнонационалистов, опасающихся растворения русского ядра в сверхэтнической общности [4, р. 213]. Тем не менее, как показывают данные, это сообщество все более принимается большинством населения, особенно на когнитивном уровне (методика «я-идентификации»).

Многие наблюдатели считают, что для русских идея государства важнее этноса, а идентичность в России было принято связывать с государственностью, в том числе и советской, нежели с этносом. Согласно точке зрения П.Кольстё, Советский Союз — надэтническое государство. Он считает, что и дореволюционная Россия была державой, надэтнической «сверхнацией», ядром которой составлял русский этнос, а верхушка обладала державным, имперским, но не национальным самосознанием. Советская власть также пыталась сконструировать «новую историческую общность «Советский народ», которая, по сути, была надэтнической. Соответственно, этнической идентичности русские практически не испытывали. Ссылаясь на данные опросов 70-х — начала 80-х годов, норвежский автор Поль Кольстё отмечает, что в то время как 80% граждан других национальностей связывали свою родину с национальной республикой, 70% русских заявляли, что их родина — Советский Союз [4, р. 198].

По мнению Ю.Левады, категория «Советский народ» — более вместительна и многоаспектна, это суперэтническая категория была видоизмененной или превращенной формой, синтезирующей идею государственности и национальной идентичности («семья народов») [5, с. 14—18]. Она подавляла и заменяла в прошлом остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические.

В связи с этим возрождение этнического самосознания русских и его конкуренцию с общегражданским рассматривают как естественный процесс после распада СССР.

Другой аспект сложного процесса формирования общегражданской идентичности — идентичность с «Великой державой». Более выраженная по сравнению с Польшей важность государственной общности демонстрирует горечь от распада советской империи и ностальгию по принадлежности к «Великой державе» и «Советскому народу». Драматизм утраты великого государства и не соответствующий ему образ нынешней России также объясняют трудности становления новой гражданской идентификации и причины живучести (особенно среди старшего поколения) идентификаций с «советским народом». Критическое отношение россиян к своему нынешнему государству и его структурам установлено множеством исследований.

Тем не менее, *наши данные позволяют сделать несколько позитивных выводов*. Позитивным фактом являются то, что общегражданская идентичность «россияне» принимается населением страны и довольно широко распространена. Причем именно гражданские идентификации в России являются наиболее открытыми, позволяющими включаться и в более широкие сообщества, вплоть до граждан мира. Одновременно в России есть тенденции к более быстрому нарастанию этнических и локальных идентификаций. А этническая и локальная идентичности ведут скорее к закрытости, замкнутости в этнических и местных сообществах.

Русский этнос чувствует себя относительно комфортно, также как польский в Польше. Но в сравнении с поляками, россияне независимо от своей национальности сильнее выражают потребность в гражданской и государственной идентификации. Это возможно свидетельствует о сохранении стремления россиян к общегражданской идентификации. Россия, будучи преемницей Советского Союза, идеалами гражданского проекта которого восхищались западные мыслители [6, с. 12], в определенном смысле обладала более модернизированными по сравнению с Польшей позициями: у россиян были все предпосылки идти по пути современной общегражданской идентичности. Однако вместо того в России может наметиться тенденция замыкания в этническом или местном сообществе. Чувство причастности к этническим и локальным сообществам, как показало наше исследование, автономно существуют здесь наряду с общегражданской российской идентичностью.

В Польше же картина принципиально иная. Здесь сохранились традиционные ценности и идентичности, характерные для модели национального государства XIX века. По образному выражению наших польских коллег: россияне от уваровской триады в свое время ушли, а поляки приходят. Этническая идентичность поляка на протяжении веков выполняет роль интегрирующей силы. И социалистическое прошлое не вытеснило традиции и не изменило идентичность поляка. Но дело не только в истории и традиции, но и стимулирующей роли элит и гражданского проекта, направленного на объединение с Евросоюзом. В сознании поляков силь-

ны идентификации не только этнические, религиозные, но и государственные. Это разновидность идентификации, представляющей идею национального государства, усиленного вызовами в виде объединения с Европой, но и одновременно *открытого* внешнему миру и объединению с другими странами. То же, по-видимому, и в других бывших социалистических странах. Возможно, поэтому восточноевропейским странам, вдохновленным идеей возрождения своих национальных государств, было легче перейти на «новые рельсы» и при этом воссоединиться с Европой. В России же постсоветские трансформации, отягченные трудностями становления новой общегражданской идентичности, имеют более болезненные проявления и характер маятниковых движений.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М: МИСЭН, 2003.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
3. См., например: Центр и региональные идентичности в России / Под ред В. Гельмана и Т. Хонфа. СПб — Москва, 2003.
4. Kolsto P. Political construction Sites: National building in Russia and the Post-Soviet States./ Trans. from Norwegian. Boulder, Colorado; Oxford, UK: Westview Press, 2000.
5. Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хорх и др. М.: Практис. 2002.

Научная жизнь

Восточноевропейские исследования 1, 2005

«Феномен славянства»: концепция и первые результаты исследований (проект Прешовского университета)

Сложность и противоречивость тенденций мировой политики ведет к сосредоточению общественного, культурного и в широком смысле духовного внимания на европейском пространстве, где реализуются наши силы и амбиции. Вступающая в новую стадию своего развития Европа как континент многих народов стоит перед необходимостью самоопределения. Возникает вопрос, будет она способна освободиться от «пережитков» прошлого или найдет основу движения вперед именно в диалоге с прошлым, содержащим богатый опыт, включающий «живые» элементы.

Реальностью сегодняшнего дня является плюрализм различных идентичностей — социальных, культурных, религиозных, цивилизационных, философских. Мы стоим перед очень серьезной проблемой поиска меры и равновесия между человеческой (национальной) идентичностью и плюрализмом. Этот процесс сложного и противоречивого синтеза европейского и национального, глобального и частичного (регионального) можно назвать «энигмой», символизирующей важную сторону нашего зна-

ния — чего мы еще не знаем, а само оно еще не обрело рациональных очертаний.

Феномен славянства принадлежит сфере духовного развития человеческой цивилизации, а его конкретные формы проявления находят отражение в критической (само) рефлексии и в междисциплинарном исследовании, включающем множество интересных направлений. При «вертикальном подходе» к феномену славянства раскрывается его многослойная структура, воспринимаемая как философская, политическая, теологическая, историческая и литературная рефлексия. С точки зрения «горизонтального подхода», данный феномен предстает в системе географических, этнических, языковых и межкультурных отношений как своеобразная проблематика в контексте эволюции духовной и общественной «практики» европейского общества.

Актуальность этой проблематики и ее междисциплинарный характер побудили обществоведов Прешовского университета СР под руководством проф. Рудольфа Дупкалы начать ее систематическое изучение в рамках исследовательского проекта, решавшего две основ-

ных задачи. На первом этапе работы над проектом сконцентрировалась на изучении — философском, историческом, политологическом, литературно-историческом, теологическом — славянства и славянской взаимности, включая определение основных понятий и категорий. Результатом стали аналитические исследования, опубликованные в сборнике «*Феномен славянства I*» («Fenomén slovanstva: jeho filozofické, teologické, politologické a literárnohistorické reflexie na Slovensku I.»/eds: V. Bilasová, R. Dupkala, V. Žemberová Fenomén slovanstva. Prešov: Prešovská univerzita, 2004, 186 s.). Второй этап исследования, осуществляющийся сейчас, ориентирован на анализ более частных проблем: нами предпринимается попытка дать конкретно-эмпирическую основу изучения особенностей духовной и культурной жизни обществ западного и восточного типа.

Взгляды на продуктивность идеи славянства различаются — от полного отрицания до поиска возможностей наполнения ее позитивным содержанием. 150 лет существования этой идеи в форме исторической философии, культурных представлений, политических и религиозных движений, вплоть до попыток создания политических программ объединения славян не могут пройти бесследно и в эпоху интеграции и глобализации. В современных условиях идея славянства переживает принципиальную, качественную метаморфозу. Учитывая исторический опыт различных видов национализма и его последствий во многих странах, где он приобрел доминантный статус, в нынешних условиях славянство, славянскую взаимность следует изучать, прежде всего, как культурный феномен.

В наше время актуализируется потребность осмысления новых культур-

ных основ собственной идентичности. Необходимо искать ответ на вопрос, в какой степени идея славянства еще может быть продуктивна и «инвариантна» в процессах интеграции и формирования европейства. Если исходить из точки зрения, что ЕС не ведет к национальной унификации и интеграция является не целью, а средством полноценного экономического, политического, а в равной мере и культурного, национального развития, можно ожидать «оживления» идеи славянства. Этот шаг связан с реальными процессами открытия национальных экономик и национальных культур в интегрированной Европе и с преодолением различных видов — латентных и транспарентных — и форм властного и державного национализма (включая социалистический интернационализм)¹.

Вопреки взглядам на историческую преодоленность национального деления Европы и в условиях формирования современной идентичности как европейской — «наднациональной» — считаем необходимым и актуальным постановку и поиск ответа на вопрос о месте и функциональности идеи славянства на современном этапе развития европейской цивилизации. Надо признать существование определенных «кодов» нашей цивилизации, корни которых переплетаются в историческом прошлом славянских народов. Несмотря на то, что нередко можно встретить точку зрения, что необходимо считать «отношение к славянскому вопросу (идее, мысли) закрытым, хотя и интересным, поучительным, но все же лишь завершенным делом» [1, s. 4], мы, скорее, наоборот,

¹ В качестве примера можно привести опыт формирования нового качества отношений чехов и словаков, расставшихся с прежним национализмом. Путь, аналогичный тому, который за относительно короткое время преодолели оба государства, интегрируясь в ЕС, ждет и другие государства на Балканах и востоке Европы.

считаем изучение идеи славянства теоретически продуктивным и для нынешнего этапа интеграции Европы весьма полезным. Историю и современность нельзя воспринимать как *factum brutum*, однако надо пытаться «искать отклонения, предоставляющие более эффективные возможности» [2, s.182].

Славянская идея в свое время нашла поддержку образованной части отдельных наций и распространилась посредством художественных и научных трудов и дискуссий. Сам славянский «мир» состоит не из разрозненных, не связанных в культурном отношении сообществ. Убедительным свидетельством тому является язык славян, с помощью которого распространялась духовная литература в ее латинских переводах (глаголических), достигалось взаимопонимание и взаимопроникновение. В конечном счете, именно славянская языковая общность убедила Яна Коллара в реальности его культурного проекта славянской взаимности.

Для представителей интелигенции с художественными, научными, а также практическими политическими амбициями славянская идея служила основой их размышлений по поводу славянского народа, языка, литературной взаимности, вылившихся в представление о единстве славян. У каждой славянской национальной культуры в европейской среде XVIII—XIX вв. имелся свой носитель этой идеи (особенно в чешском, польском, украинском и русском обществе), однако «судьба» национальности, конкретное наполнение ее, зависели от исторического фона и объективной роли каждого из национальных сообществ в исторических процессах политического, экономического и идейного развития в Европе.

Попыткой актуализации идеи славянской взаимности и наполнения ее со-

держания стал созыв Первого славянского съезда в 1848 г. в Праге. Его участники отвергли принцип всякой национальной исключительности, сепаратизм и панславизм, и хотя этот съезд имел «австрославистские лимиты», он превзошел свое время» [3, s. 5]. Участники съезда искали объединяющую платформу славянских народов Европы, отстаивая свои права. У них, однако, не было общего взгляда на формы, методы и способы достижения и наполнения конкретным содержанием этой цели. Съезд завершился принятием единственного официального документа, которым стал Манифест к европейским народам. В этом Манифесте выражались прогрессивные требования равноправия народов, свободы и самостоятельности, принципиально осуждалось какое-либо национальное угнетение.

Сегодня мы должны осознать тот факт, что динамика общественного развития не замыкается в национальных рамках. Происходит процесс, при котором в условиях перехода к новому типу разделения труда, развития технической основы транспорта и коммуникаций, миграций и т.п. народы утрачивают важную часть прежних функций. В Европе открывается простор для господствующей тенденции глобализации, неотделимой от плюрализма во всех сферах общественной жизни.

Европейский дух, связанный с культурными традициями, на которые оказало влияние славянство, может обогатиться их «нестареющей традицией». Процесс универсализации в сфере науки, техники, экономики, культуры, в образе жизни проявляется как вызов и обращение к идентификации и самоидентификации II, как отмечает Б. Уолденфельс, «проблема Европы плодотворна не как чистый поиск ею самой себя, а как проблематика, открывающая иное в собственном, а

значит всегда и другую Европу, Европу в множественном числе» [4, с. 87]. Это платформа, на которой универсальное и индивидуальное не взаимно исключаются, а индивидуальное по отношению к универсальному становится «его paradigmой» [5, с. 10]. Взаимосвязи, даже взаимозависимость культур, являются обязательным условием гармоничной культурной коммуникации или межкультурного (межэтнического) диалога.

Открытость и взаимодействие в рамках одной или нескольких этнических групп (славянские страны) и их взаимное влияние создают почву для свободного развития культуры и ее укрепления в диалоге, а также для самого культурного и межкультурного диалога. Составной частью понимаемых таким образом процессов интеграции является принятие идеи славянства. Ее исторические корни усиливают жизнеспособность процессов развития демократии и гражданских обществ в Европе, и в таком виде интеграция становится — и для славянских народов — содержательно богатым процессом, наполняясь реальным смыслом.

«Культура как *spiritus movens* человеческого бытия могла и должна была бы в определенном смысле не подтверждать или консервировать, а трансцендировать цивилизацию» [5, с. 4], — и мы согласимся с Далимиром Гайко, добавив, что напряжение, которое рождает новая ситуация поиска места среди «иных», оборачивается не только драматическим столкновением с ними, но и самоидентификацией через иное. Многомерность этих отношений ведет к развитию межкультурной коммуникации и в определенном смысле к наступательной политике «сохранения инаковости»: мир велик, в нем достаточно места для обычая, вкуса, принципа, явления любого вида.

Вступительную статью к сборнику «Феномен славянства I: К истокам славянской духовности» Рудольф Дупкала посвящает проблеме модификации содержания духовности славян до начала их языковой и культурной дифференциации. Тематический замысел статьи ориентирован, прежде всего, на археологию славянской духовности, попытку реконструкции духовных артефактов и эскиза пантеона славянского неба. Используя результаты исследований выдающихся археологов, этнографов, на основе анализа древнейших письменных упоминаний славян и этимологических разборов автор набрасывает контуры решения спорных точек славянской космогонии и космологии, положения человека в славянской мифологии, этического измерения проблемы добра и зла, как и представления о посмертной жизни у древних славян. Автор утверждает, что славянская мифология «была — *sui generis* — оригинальным продуктом культурного творчества древних славян, который создавал почву не только для их дальнейшего автономного культурного развития, но представлял немаловажную фазу «кидейной подготовки» к принятию (ими) христианства» (с. 9). Помимо реконструкции духовного мира славян перед принятием ими христианства, исследование вносит вклад и в проблему христианизации славянского мира и последующей модификации первоначального содержания духовности древних славян.

На бесспорно важное место археологии в изучении средневековой проблематики славянского этноса обращает внимание исследование Мариана Виздалы *К развитию интерпретации переломных процессов и основных проблем по ис-*

тории славян. Начиная с описания состояния славянской археологии в Словакии, автор посвящает статью, прежде всего, вопросам славянского расселения и отдельных волн колонизации Словакии, описанию славянско-аварских отношений, а также рассматривает интеграционные процессы у славян. Наибольший вклад делается в изучение специфики христианизации в Горном Потисье — в связи с открытием и датированием археологической находки ротонды (Я. Виздалом) в Михаловцах. Автор включается в полемику по поводу интерпретации находки текста на каменной плите и критически замечает, что «мы являемся свидетелями того, как могут ошибочные выводы при решении отдельной проблемы выливаться в создание ошибочных исторических конструкций» (с. 38).

Идея славянства как проблема философской рефлексии в Словакии в XVIII и XIX вв. — тема статьи Штефана Костелника и Яны Поспишиловой. Авторы обращаются к проблеме генезиса философской рефлексии феномена славянства, поднятой Гердером, в философской плоскости развивавшейся в Словакии, прежде всего, Колларом и Шафариком и вылившейся в философскую парадигму мыслителей штурновской генерации. Анализируются философские импульсы ее возникновения, идейные источники и влияния, процессы укрепления ее позиций в словацкой интеллектуальной среде. Отмечаются усилия поколения штурновских мыслителей по включению философски понимаемого славянства в идейный каркас национально-просветительской, культурной, государствообразующей и реформаторской деятельности славянских народов. Указывая на негативы в виде радикальных и контпродуктивных течений мессианства и панславизма, авторы констатируют, что «фило-

софская рефлексия славянства открыла новые возможности изучения и применения феномена славянства в жизненной практике славянских народов, их наследия, актуальность которого нарастает в политических и культурных условиях современной Европы» (с. 52).

В исследовании *Феномен славянства — философские и культурные контексты* Веры Биласовой и Веры Жемберовой подчеркивается, что Европа вступает в новую стадию развития, поэтому в определенном смысле встает перед необходимостью преодоления самой себя. Бессспорно актуальной становится потребность освобождения от структур прошлого, причем основу дальнейшего развития и подъема Европы надо искать не в повторении прошлого, а в диалоге с ним. Панславизм и русофильство как проявления реально существующего славянства в процессе его развития относятся к числу потенциально контрпродуктивных. Авторы пишут о необходимости «идентификации себя через иное» (с. 67), т.е. идея славянства вступает в процесс объединительного европейского развития как позитивный интеграционный элемент.

К философии истории славян генерации Всеславия Ленки Матисовой — исследование, посвященное, прежде всего, личностям Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика, в творчестве которых нашла наибольший отклик в Словакии философия истории гуманизма. Если Шафарик «обосновал» славянство как исторический феномен, Коллар попытался представить его как актуальное явление в контексте европейского культурного развития. Автор констатирует, что «П.Й. Шафарик вместе с Я. Колларом перенесли центр тяжести славянской истории из вымышленного мира мифов в «аутентичную» историческую ре-

альность и предложили для своей эпохи целостный образ исторического бытия славян» (с. 75).

Тибор Пихлер в статье *Скрытая и нежелательная политика славянской взаимности (концепция Яна Коллара)* приходит к выводу, что «славизм Коллара был евроцентричным» (с. 83) и проявлялся главным образом в культурной плоскости, а не в политическом исполнении славян. Рассматривается этнически дифференцированный аполитичный концепт универсальной человечности, но отмечается ошибка Коллара, связывавшего последнюю только с развитием культур и литератур, но не с формой и практикой политической жизни. Концепт взаимности понимается как попытка конструирования славянского народа как культурной реальности при сознательном исключении его политизации. Помимо критики аполитичности Коллара, отмечается, что с помощью концепта литературной взаимности Коллару, несомненно, удалось мобилизовать в культурном отношении интеллектуальную элиту центральноевропейских славянских народов.

Авторы статьи *Идея славянства в координатах развития языка и этничности в средней Европе* Гелена Джупкова и Гита Геремешова исследуют функцию языка при создании национальной идентичности славянских народов, а также его нынешние позиции в глобализирующемся мире, который «вторгается» в мир славян. Констатируется, что язык «был и остается в центрально-восточной Европе политикой, был и остается сферой игр политической власти...» (с. 88). Как и в прошлом, язык — это главное «сырье» в создании концепции национального. В диалоге с противниками «малых» языков аргументы автора связаны с тем, что «малые» языки обладают исключи-

тельной способностью взирать на вещи с иного угла зрения, иначе, по-своему толковать прошлое, настоящее и будущее. В мире, переполненном образами, это обязанность и долг каждого из нас и всех славян вместе» (с. 93).

Ян Кошка в своей работе *Словацкое славянство* указывает на отсутствие определителей «словацкости», частое смешение его со «славянством» в словацкой среде. Обращается внимание на факт, что Ян Голлы и П.Й. Шафарик привили современное славянство современной «словацкости» с помощью словацкой литературы, особенно XIX века. Акцентируется внимание на потребности редефиниции упомянутых понятий в связи с поиском культурной и исторической идентичности европейских народов, обусловленной нынешними интеграционными процессами в Европе. Эта потребность вызвана реальностью существования словацкой нации, которую спасло «ее славянство перед культурной гибелью» (с. 101).

Проблема так называемого славянства и его взаимосвязи — название статьи Иво Поспишила, который детально анализирует проблематику славянства в чешской среде на отдельных этапах его развития в XIX и XX вв. Он указывает на специфику развития идеи славянства, которая в чешской среде находит противоположные интерпретации — от панрусизма до критического отношения, иногда в самых крайних проявлениях, по отношению к России. Чешский вариант славянства обретает свой особенный pragmatism в контексте неоднозначного отношения Чехии к Вене. Автор представляет галерею исторических фигур, демонстрирующих характер чешского понимания славянства, начиная с К.Г. Боровского, Т.Г. Масарика и Э. Бенеша. XIX век, независимо от отношения

к славянской идеи или идее славянской взаимности, вскрыл кризис этого понятия, поскольку отождествление славянской взаимности с идеей панруссизма и панславизма рождало тревогу. Автор придерживается строго исторического взгляда на феномен славянства, который «позволяет нам понять функцию этого явления в современной действительности, ясней осознать его потенциал и различие форм» (с. 107). Он касается также проблемы организации научной деятельности в области славистики как научной дисциплины.

Ян Зозуляк в исследовании *Идея славянства между восточной и западной культурой* пытается посмотреть на проблему славянства в теологическом аспекте, обращая внимание на проблематику «сна славянской религии» (с. 119). Он цитирует Н. Велимировича, по мысли которого, именно религия должна была бы стать основой, а значит и сплачивающей и объединяющей силой славянского государства. В этой роли не могут выступать только наука или экономика, как в западных странах. Теологическое понимание может быть силой, которая превратит славянскую культуру в равноправного партнера восточной и западной культур.

Проблему культуры славянских стран исследует Антон Ткач в статье *Славянская культура в межкультурной коммуникации*. Автор указывает на новые реалии в изучаемой проблематике, которые принес процесс европеизации, усиливший межкультурную коммуникацию. А. Ткач сосредотачивается на проблеме сохранения двух (по его мнению) основных приоритетов, которыми являются самосохранение славянских культур и увеличение их соответствия нынешним и будущим потребностям самовыражения славянских народов.

Статья Любицы Гарбулевой

Стратегия идеи славянства в российской внешней политике посвящена проблеме славянской взаимности и славянофильских идей в российском обществе не только в XIX в. (спор славянофилов и западников), но и в определенных общественных сферах и кругах — в веке XX. Автор высказывает гипотезу, что благодаря интересу славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы к России и русофильству части их населения, «на российской политической сцене сохранялось представление о том, что посредством славянства можно укрепить и расширить Российскую империю, распространить за ее пределы свою культуру и образ жизни» (с. 129). На основе хронологического подхода в статье доказывается, что славянство в отдельные исторические периоды в российских властных кругах приобретало приоритетное или вторичное значение в зависимости от падения или подъема интереса России (с 1922 г. — Советского Союза) к региону Средней и Юго-Восточной Европы. Из выводов следует, что идею славянской взаимности как целенаправленный инструмент российской внешней политики использовала дипломатия царской России, после нее — дипломатия российского Временного правительства, а также Советского Союза.

Положение идеи славянства и славянской взаимности рассматривается в статье Роберта Иштока *Современное российское геополитическое мышление в контексте идеи славянства и славянской взаимности*. Автор обращается к анализу взглядов российских авторов, важному для понимания идеи славянства и славянской взаимности в современном российском геополитическом мышлении. Во введении делается исторический обзор проблематики с целью показать

корни двух важнейших направлений, которые символически представляют российское западное (в смысле славянское) и восточное направления ориентации — славянофильство и евразийство. Исследуя их современное состояние, автор приходит к выводу, что «примечательным для современного геополитического мышления является возврат к евразийству» (с. 144). Доминирующее течение российской общественной мысли включает многообразие взглядов, но славянство среди них занимает лишь второстепенное положение. Из аналитического диагноза актуального положения, поставленного в статье, следует, что славянство не стало фундаментом новой российской идеологии, а «славянский дискурс, представляющий Россию как защитника и покровителя славян, становится старомодным» (с. 145).

Ирина Дудинская в статье *Славянофильство в социальных и философских взаимосвязях* (рефлексия Владимира Соловьева) рассматривает вклад русского философа в решение национального вопроса в России. Указывая на связь судеб русского народа с судьбами славянских и неславянских народов, автор обращается к вопросу об образе жизни и достоинстве этнических и конфессиональных меньшинств в Российской империи. Говорится о требовании Соловьева делегировать гражданские права национальным меньшинствам, его способности переступить через славянофильские ограничения и высказаться в пользу демократизации, гуманизации и признания достоинства человека независимо от его расовой, религиозной и национальной принадлежности.

Работа Любицы Баботовой *Идея славянства в культуре русинов-украинцев* рассказывает о значительном позитивном и конструктивном влиянии идеи взаимности славянских народов на фор-

мирование национальной идентичности русин-украинцев, на обоснование их автохтонности и генетического родства со славянами, проживающими к востоку от Карпат. Анализ взглядов передовых представителей движения возрождения русин-украинцев свидетельствует о влиянии на этот процесс работ Шафарика и Коллара, в которых развивалась идея более широкого славянского национального единства. По мнению автора, это были очень важные взгляды, ибо «их (русин-украинцев) геополитическое пространство привлекало интерес держав (России, Венгрии), а те стремились доказать свое право на эту область» (с. 164).

Конфронтационный анализ *К славянской идее в словацко-польских взаимосвязях* подготовил Петер Каша. Демонстрируя развитие словацко-славянской взаимности на основе работ Я. Коллара, П.Й. Шафарика и Л. Штура, он отмечает, что во всех трех словацких проектах славянской идеи обнаруживается основное противоречие славянского «мифа» и неславянской «реальности» в аксиологически изменяющихся формах, причем «проблематика славянства становится катализатором словацкого национального движения» (с. 169). Во второй части статьи рассматриваются обстоятельства возникновения и специфики польского славянофильства до 1831 г., проявившего себя в исторической, социальной и литературно-художественной деятельности и колебавшегося между панславизмом, русофильством и антирусской ориентацией.

Толкование библейских текстов в культуре словацких народов Марии Тимковой посвящено вопросам места и значения толкования библейских текстов при создании культурных устоев славянских народов на начальном этапе христианизации и распространения образования

среди славянских народов. Автор раскрывает специфику толкования библейских текстов в славянской культурной среде и подчеркивает значение переводов отдельных текстов Библии на уни-

кальный старославянский язык, уже при зарождении славянской христианской культуры продемонстрировавший свои возможности как литургический язык христианской церкви.

**Вера БИЛАСОВА,
Вера ЖЕМБЕРОВА,
Штефан КОСТЕЛНИК**

*Перевод со словацкого
Н.В. КОРОВИЦЫНОЙ*

ЛИТЕРАТУРА

1. Weber V. Slovanská myšlenka včera a dnes // 150 let Slovenského sjezdu. Historie a současnost. / Zborník referátu z vědeckého kolokvia 11. června 1998 v Praze. Pr.: Národní knihovna ČR, 2002.
2. Loewenstein B.W. My a ti druzí. Dějiny, psychologie, antropologie. Brno: Doplněk, 1997.
3. Slovanská vzájemnost. Včera dnes a zítra. Historie a současnost. Pr.: Slovanská knihovna, 1998.
4. Waldenfels B. Znepokojivá zkušenosť cizího: Pr.: Oikuméne, 1998.
5. Hajko D. Etika v dialógu kultúr // Kulturologické pohľady. č.1. Nitra, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa, 2002.

Сотрудничество в области культуры как проявление славянской взаимности (дискуссия в Софийском университете)

2 декабря 2004 г. в старейшем в Болгарии — Софийском университете имени Св. Кл. Охридского состоялась конференция «Культурное взаимодействие и взаимопомощь между славянскими общностями в Болгарии и сотрудничество в области культуры между Болгарией и славянскими странами — вчера, сегодня и завтра». Она была организована историческим факультетом Софийского университета и ассоциацией «Эсперо». В ней приняли участие специалисты из разных университетов и институтов Болгарской академии наук — историки, этнографы, журналисты разных поколений, связанные общими научными интересами в области изучения славянских стран и славянских общностей в Болгарии.

Конференция была задумана давно, но совпала с президентскими выборами на Украине, как раз в период между двумя турами. Поэтому центральным вопросом, по которому развернулась основная дискуссия, оказалась история и политическая обстановка в этой славянской стране. Так как интрига тех выборов хорошо известна и получила название «оранжевой революции», назову основные идеи выступавших по этой теме.

Д-р истории Зоя Иванова, преподаватель истории Советского Союза на

историческом факультете Софийского университета, представила доклад на тему «Путь Украины к независимости», начав с некоторых вопросов истории Речи Посполитой и заканчивая расстановкой политических сил на последних президентских выборах. Участниками форума было отмечено, что нынешняя ситуация на Украине, поведение польского президента, также как и заявление Збигнева Бжежинского о том, что без Украины Россия не может быть империей, — сильно напоминает «большой смуту» времен Бориса Годунова.

Эти идеи развил в своем выступлении д-р Пламен Димитров, журналист газеты «Болгарская армия». Он высказал предположение относительно нескольких возможных сценариев исхода президентских выборов, хотя никто из присутствующих не сомневался в победе Ющенко. Ведь события были аналогичны «революции роз» в Грузии, устранению Милошевича в Белграде, всем остальным «бархатным революциям» начала 1990-х годов в Восточной Европе. На вопрос, почему этот сценарий продолжает работать, прозвучали неоднозначные ответы. Профессор Варненского Свободного университета Нина Дюлгерова высказала мнение, что данный сценарий

необходим для того, чтобы победила демократия и тем самым было обеспечено спокойствие и стабильность региона, значение которого обусловлено его связующим положением между Европой и российскими природными ресурсами, а также его собственными ресурсами.

Д-р Ваня Янакиева, специалист по Балканам, и в частности, по Албании, член Общества русофилов, не согласилась с этим, считая, что сценарий не направлен на победу демократии и стабильности, а как раз наоборот — на поддержание постоянного напряжения в регионе Юго-Восточной Европы и на постсоветском пространстве, что открывает возможность вмешательства внешних сил.

Был поставлен вопрос о возможности федерализации Украины наподобие Германии как цивилизованное решение конфликта между западной и восточной частями страны. Тем более, что на конференции присутствовал и украинец болгарского происхождения доцент д-р Михаил Иванов из Киевского славянского университета, который рассказал о поддержке болгаров Ющенко и об их опасениях относительно его намерения ввести украинский язык в качестве единственного официального языка.

Д-р Пламен Димитров отверг возможность федерализации Украины, учитывая предшествующий опыт политики интеграции регионов Грузии (включая Абхазию, где население имеет российские паспорта), которая проводилась победителем «революции роз» Михаилом Саакашвили, активно поддерживаемым США.

Профессор кафедры всеобщей истории нового и новейшего времени Софийского университета Христина Мирчева перевела внимание участников дискуссии на территории западнее Укра-

ины. Ее доклад был посвящен Белоруссии 1990-х годов. Она остановилась на особенностях пути развития Белоруссии как независимой республики, начиная уже с 27 мая 1990 г. по сравнению и с Украиной, и с другими соседними государствами, прежде всего, прибалтийскими и, конечно, — с Болгарией. Проф. Мирчева подчеркнула трудности перестройки экономики страны, высоко оценив сотрудничество между Белоруссией, Польшей и странами Балтии в сфере торговли в условиях отсутствия западного интереса и дискриминационных мер в отношении режима президента Лукашенко. Она отметила, что в силу происхождения новой политической элиты из рабоче-крестьянской номенклатуры, политика Белоруссии отличается умеренностью не только во внешней политике, но и в пропаганде национализма, что соответствует и национальному характеру белорусов.

Доцент кафедры этнологии Софийского университета д-р Таня Бонева в своем докладе «Социализм и модернизация в историях жизни болгар на Украине» предложила для обсуждения другую тему, касающуюся истории и культуры славянских общностей. Начиная с 1995 г., она изучала жизнь болгар на Украине, провела среди них множество опросов, составив в результате представление о механизмах сохранения болгарами национальной идентичности в условиях модернизации, сопровождавшейся в прошлом русификацией.

Тему славянских общностей продолжила специалист по современной истории и, в частности, истории Восточной Европы доцент Софийского университета д-р Искра Баева. Она подчеркнула цивилизационное по своему историческому значению участие чехов в формировании болгарского государ-

тва, образования, культуры, городского благоустройства конца XIX — начала XX веков. При наличии личных и профессиональных причин переезда в славянскую страну, незадолго до этого освободившуюся от турецкого владычества, чехи делали свой выбор жить и работать в Болгарии еще и в силу широкого распространения среди них идеи славянской взаимности.

Старший научный сотрудник Института фольклора Болгарской академии наук д-р Катя Михайлова рассказала о своих исследованиях другой славянской общности в Болгарии — общности польских женщин. Поляки, как и чехи, имеют давнюю историю расселения в болгарских землях — еще с XIX в., в период турецкого владычества. Однако организация польских женщин в Болгарии была образована только в 1981 г. и объединяет полячек, вышедших замуж за болгар. В 1990 г. их было около 2 тыс., но из-за процессов реэмиграции трудно установить их нынешнюю численность. Они и сегодня участвуют в жизни организации, которая всегда пользовалась поддержкой польского государства.

Доцент факультета журналистики и массовых коммуникаций Софийского университета д-р Здравка Константинова в своем докладе «Периодические издания на славянских языках в Болгарии и болгарские периодические издания на славянских языках за рубежом до 1944 г.» проанализировала прессу на родном языке как один из важных инструментов сохранения национальной идентичности в чужой, хотя и близкой среде.

Д-р Ваня Стоянова из Института истории Болгарской академии наук посвятила свое выступление другой важной институции — Болгарской православной церкви и ее роли в поддержании чувства славянской общности и взаимности, не-

смотря на попытки использования этой институции в политических целях болгарскими правителями во время Второй мировой войны.

В нескольких докладах раскрывался вклад выдающихся представителей русской интеллигенции в историю культуры Болгарии. Один из них — Петр Михайлович Бицилли. Его творчество стало особенно популярно после демократических перемен в Болгарии, хотя специалистам его произведения давно известны. Но их значение возросло после того, как завершился период абсолютного господства марксистской философии истории.

Профессор историографии Софийского университета Мария Велева представила на конференции свою книгу о П. Бицилли и болгарском периоде его жизни — «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (изд. «Гутенберг», С., 2004). Она поделилась впечатлениями о биографии и творческом стиле этого ученого, чьи труды и деятельность в качестве университетского преподавателя оказали большое влияние на среднее поколение болгарских историков. Внучка ученого рассказала о том времени, когда его уволили из университета и остались без права на пенсию в 1951 г., так как он работал как «иностраник по договору». Следует напомнить, что до Второй мировой войны 35 русских профессоров преподавали в Софийском университете, передавая свои знания болгарским ученикам и студентам.

Специалист по российской истории Софийского университета д-р Дарина Григорова, работая с архивом Бицилли, проанализировала его взгляды на судьбу русской интеллигенции, вынужденной жить во внутренней эмиграции в силу отставания российского общества. Взяв на себя роль народного лидера и

формируя миф о народе, интеллигенция иногда проявляла моральный тоталитаризм. Она обрекала себя на непонимание со стороны самого народа, ведя в конце концов к разрушению мифа о нем.

Роль интеллигенции в Восточной Европе периода социализма и постсоциализма в интерпретации русской исследовательницы Натальи Коровицыной была представлена старшим научным сотрудником Института истории Болгарской Академии наук д-ром Илианой Марчевой. Она познакомила участников конференции с новой книгой Коровицыной «С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития» (М., 2003), в которой автор утверждает, что восточноевропейская интеллигенция в условиях «консервативной модернизации» эпохи социализма продолжала выполнять роль духовного лидера общества. Однако более радикальная неолиберальная модернизация конца 1980-х — начала 1990-х годов лишила интеллигенцию этой, присущей ей в доиндустриальный период

характеристики, превращая в высокооплачиваемых экспертов.

Журналист Калина Канева напомнила о другом духовном лидере и Болгарии, и России — академике Дмитрии Лихачеве. Она поделилась воспоминаниями о своих встречах с этим эрудитом, так много сделавшим для изучения болгарской средневековой литературы и культуры. Сейчас она работает с записями своих бесед с Д. Лихачевым, надеясь в перспективе опубликовать их.

Участники конференции выразили удовлетворение состоявшейся научной встречей, на которой они получили возможность представить и обобщить свои исследования славянских общностей. Они поблагодарили организационного секретаря конференции доцента Искру Баеву и ассоциацию «Эсперо» за хорошую и полезную инициативу собраться и вместе порассуждать о значении культурного вклада славянских общностей в усиление взаимопонимания между славянскими народами и государствами.

Илиана МАРЧЕВА

Р е ц е н з и и

Восточноевропейские исследования 1, 2005

Sociologický časopis/Czech Sociological review (Praha)

История социологических журналов, издаваемых на чешском языке, уходит в период существования первой Чехословацкой республики (1918—1939 гг.), когда в обоих главных центрах социологических исследований и преподавания в Чешских землях — Праге и Брно — не было не только своих социологических школ, но и высококачественных социологических журналов. В Брно существовал журнал *Sociologická revue*, созданный в 1930 г., *spiritus agens* которого был лидер местной социологической школы Арношт Блага. Социологи Праги, где под руководством Йозефа Крала развивалась самостоятельная школа, основали свой журнал под названием *Sociální problémy* в 1931 г. Достаточно отчетливые различия между этими двумя журналами и соперничающими школами вскоре в новой исторической ситуации утеряли значение. После паузы в несколько лет, вызванной фашистской оккупацией, в 1945 г. оба журнала возобновили свою деятельность, чтобы приостановить ее вновь после коммунистического переворота 1948 г. Издание социологических журналов стало возможным только с обновлением чешской и словацкой социологии в середине 1960-х годов, когда социология освободилась от клейма бур-

жуазной псевдонауки и все больше стала приниматься во внимание реформистскими политическими элитами. Именно в это время возник новый журнал как флагман чешского социологического общества. Первый выпуск *Sociologický časopis* вышел из печати в 1965 г., положив тем самым начало достаточно длительной — по крайней мере по чешским стандартам — и памятной истории старейшего из существующих социологических журналов Чешской Республики.

Отдавая должное всем остальным журналам, внесшим свой вклад в развитие чешской социологии в различные периоды ее истории после 1965 г., необходимо отметить, что часто, хотя в каждом конкретном случае только ограниченное время, одно или несколько социологических обозрений выступали с альтернативными *Sociologický časopis* подходами к социологическим проблемам и даже состязались с ним за популярность среди авторов и читателей. По большей части недолговечные, эти журналы, как и *Sociologický časopis*, были крайне важны для выживания и восстановления чешской социологии. Типичным примером трудностей, с которыми этим изданиям приходилось сталкиваться, стала судьба обозрения *Sociologica*, которое выходило

в течение нескольких месяцев в 1969 г. в Университете Палацкого в Оломоуце. Вышло всего два номера, после чего издание было закрыто коммунистической властью. Речь идет о самом начале так называемого периода «нормализации», когда пространство плюрализма в сфере журналистики было сокращено до минимума, хотя были и исключения из этого правила, к которым можно отнести обозрение *Sociologie zemědělství*, посвященное проблемам социологии села. Оно регулярно выходило до 1989 г. Случай противоположного рода представляет *Sociologický Obzor*, самиздатовский журнал, публиковавшийся в период между 1987 и 1989 гг. двумя ведущими чешскими социологами — Йозефом Аланом и Милославом Петрушеком. Этот журнал, резко критиковавший официальную социалистическую социологию, ее наиболее жесткие и догматические проявления, может считаться одной из первых ласточек, которые в конце 1980-х годов явились предвестниками глубоких политических перемен. Журнал был обновлен в 1992 г. под несколько иным названием *S-Obzor*, но прекратил существование в 1995 г. Аналогичным образом сложилась судьба другого продукта издательского бума периода после 1989 г. — журнала *Sociologické actuality*, который тоже «не выстоял» в первые годы перехода к демократии.

Наиболее постоянным новым явлением среди чешскоязычных социологических обозрений 1990-х годов оказался журнал, ориентированный на биографическую социологию *Biograf*. Он публикуется с 1996 г. главным образом благодаря доброй воле его основателя и одновременно спонсора Йозефа Алана, а также энтузиазма его редактора Зденека Конопасека, которому помогают молодые социологи, ориентированные на

качественную и биографическую социологию. *Biograf* выходит три раза в год в печатной и электронных версиях. Самое последнее прибавление в серию чешских социологических журналов, о котором надо упомянуть, это издание факультета социальных исследований Университета Масарика в Брно *Sociální studia*, которое сначала существовало в виде факультетского ежегодника, но в 2004 г. превратилось в регулярный журнал. Выходя дважды в год, оно включает, однако, статьи не только по социологии, но и политической науке, международным отношениям.

Кратко охарактеризовав издательский ландшафт, частью которого является *Sociologický časopis*, можно сказать, что его положение в определенном смысле особое и привилегированное. Это не только старейший социологический журнал, но также и единственный цитируемый в международной базе данных по общественным наукам (*Social Sciences Citation Index*), а также единственный с наиболее прочной институциональной основой. Ее представляет Институт социологии Академии наук Чешской республики, издающий журнал с самого первого его выпуска. Нет нужды подчеркивать, что такая тесная связь с одной из самых престижных социологических институций ЧР, конечно же, представляет собой огромный по важности фактор жизнеспособности журнала. Тем не менее, с другой стороны, эта тесная связь не всегда помогала журналу, прежде всего в период 1970—1989 гг., когда Институт подвергался жесткому идеологическому контролю, не позволявшему многим социологам даже думать о публикации в нем своих материалов.

В первые пять лет его существования (1965—1970 гг.) журнал возглавляла Ирэна Дубска, получившая известность главным образом благодаря своим кни-

гам об американском обществе, а в начале 1960-х годов монографии об Огюсте Комте. Редколлегия состояла из ведущих деятелей чешской социологии того десятилетия, сыгравших решающую роль в восстановлении этой дисциплины. Можно считать хорошим показателем жизненного потенциала обновленной дисциплины и духа плюрализма, возобладавшего в большей части чешского общества, что *Sociologický časopis* публиковал материалы очень разнородных групп авторов: социологов самого старшего поколения, кому либерализация конца 1960-х годов дала последний шанс вернуться в публичную академическую жизнь — таким как Йозеф Людвик Фишер; ведущих социологов среднего поколения, сыгравших главную роль в воссоздании социологии как полноценной академической науки в Чешских землях после потерь, понесенных в сталинский и постсталинский период — здесь надо упомянуть такие имена, хорошо известные не только в чешских социологических кругах, как Павел Махонин и Иржи Мусил; и, в-третьих, журнал публиковал материалы самого молодого поколения авторов, несколько представителей которого стали в следующие десятилетия выдающимися социологами. Не желая оставаться в стороне от политических потрясений чехословацкого общества 1968 г., журнал включился в движение возрождения общественной и академической дискуссии, последствия которого оказались в годы «нормализации». В 1970 г. Ирэна Дубска и большинство членов редколлегии были смешены, и должность главного редактора *Sociologický časopis* стала *номенклатурной*. Но несмотря на кажущуюся стабильность, олицетворяемую новым руководством в лице Карела Рихтаржика, назначенного в 1970 г. и возглавлявшего журнал до 1989 г., более тщательное

изучение публикаций журнала двух десятилетий нормализации позволяет обнаружить некоторые неявные сдвиги и в содержании журнала, и в составе его редколлегии. Какими бы значительными эти сдвиги ни казались специалистам до 1989 г., они не могли составить противовеса гораздо более радикальным переменам иной направленности, происходившим в период господства Компартии.

Новый состав редколлегии и с 1991 г. новый главный редактор Иржи Вечерник с чрезвычайной энергией, характерной для первого переходного года, взялись за обновление (в третий раз в XX веке!) чешской социологии. Это усиление увенчалось несколькими глубокими переменами, такими как интеграция в семью признанных научных обозрений и создание параллельного англоязычного *Czech Sociological Review* в 1992 г. В 1994 г. ответственность за оба, чешский и английский, журналы перешла к новому главному редактору Милошу Гавелке, остававшемуся на этой должности до 2001 г.

В период 1990 — 2001 гг. журнал сумел использовать преимущество сверхпопулярности проблематики посткоммунистической трансформации, опубликовав ряд статей, тематических выпусков и обзоров по различным ее аспектам. Тем не менее, трансформация была далеко не единственной сферой интереса обозрения, как явствует из выпуска, посвященного 100-летию первой публикации Томаша Гаррика Масарика классического исследования *Česká otázka* (№ 1, 1995), или блока статей, объединенного концепцией так называемой «неполитической политики» и помещенного в международные рамки Вацлавом Гавелом, — и сегодня сохранившей свое влияние в чешском политическом дискурсе (№ 4, 1998). Нельзя не упомянуть

и тематический выпуск по гендерному анализу, первый в своем роде в чешских научных журналах (№ 1, 1994 по-чешски и № 2, 1999 по-английски), тематический выпуск по чешско-германским отношениям (№ 2, 1998, редактор тематического выпуска Любомир Брокл) и два тематических выпуска 2001 г.: первый, сфокусированный на изучении ценностных изменений в чешском обществе (№ 1, 2001, ред. Ладислав Рабушиц) и второй, представляющий инспирирующую подборку статей отечественных и иностранных авторов по социальной философии чешского по происхождению социального антрополога Эрнста Геллнера (№ 2, 2001, ред. Иржи Мусил). Разумеется, после 1990 г. журнал был открыт не только для чешских и словацких авторов, но и для бывших репрессированных чешских социологов и вновь признанных западных авторов, чьи материалы впервые вышли на чешском языке (среди них У. Бек, Дж. Эспинг-Андерсон, И. Селеньи, И. Валлерстайн).

В конце 2001 г. *Sociologický časopis* претерпел дальнейшие изменения и на персональном уровне, и в издательской политике. Чешская и английская версии журнала, первоначально независимые одна от другой, были объединены в одну, которая теперь издается под общим названием *Sociologický časopis/ Czech Sociological Review*. Иржи Вечерник вернулся на должность главного редактора, на этот раз взяв на себя ответственность за выпуск дважды в год англоязычных номеров журнала, в Марек Сковайса стал новым редактором четырех ежегодных чешскоязычных номеров. Сформировались две отдельные редакции, но сохранилось единство формальных аспектов и структуры обеих языковых версий. Обусловленные различиями в составе круга потенциальных авторов и читателей, вы-

пуски, публикуемые по-английски, больше концентрируются на проблемах посткоммунистического перехода в странах Центральной и Восточной Европы, тогда как тематический спектр чешскоязычных выпусков включает более разнообразную проблематику, в частности, социологию городов, *cultural studies* или социолингвистику. Если редакция выпусков на английском языке в основном международная по составу, то чешских — включает отечественных социологов и одного представителя словацкой социологии. Члены этой редакции представляют важнейшие чешские социологические институции, включая Институт социологии АН ЧР и социологические отделения в ведущих университетах страны (в Праге, Брно, Оломоуце). Состав редакции объединяет также приверженцев различных социологических парадигм и социологов всех поколений.

В 2003 г. журнал существенно изменил оформление обложки, сохраняя преемственность внутренней организации выпусков. Все редакторы с начала 1990-х годов настаивали на анонимности процесса рецензирования как важном условии повышения качества материалов, принимаемых к публикации.

В последние годы журнал регулярно отвергает свыше 60% статей, предлагаемых отечественными и зарубежными авторами, в то же время постоянно пытаясь уйти от имиджа элитарного академического издания для узкого круга авторов, ведя поиск новых групп потенциальных авторов и рецензентов. Это проявляется и в стремлении к открытости по отношению к широкому тематическому спектру статей, публикуемых в *Sociologický časopis*. Не только общая социология и отраслевые социологические дисциплины, но и социальная антропология, политическая наука,

социолингвистика или демография находят в последние годы свое место на страницах журнала.

Издание начало культивировать традицию публикации тематических выпусков — примером тому сдвоенный выпуск (№ 1—2, 2002), посвященный текущей ситуации в чешской социологии. Аналитические материалы, демонстрирующие глубокое понимание вызовов, перед которыми стоит чешская социология в самом начале XXI в., дополняются материалами о нынешнем этапе развития различных отраслей этой дисциплины и круглым столом, на котором молодые чешские социологи высказали свою точку зрения относительно современного состояния профессии социолога в Чешской республике. Информационная насыщенность этого сдвоенного выпуска усиlena разделом, содержащим описание главных центров социологических исследований и преподавания в ЧР, а также аннотированную библиографию 100 оригинальных чешских социологических работ, опубликованных в период между 1990 и 2001 годами. Среди остальных, заслуживающих здесь упоминания, тематических выпусков после 2002 г., упомянем следующие: *Социолингвистика и социология языка* (№ 4, 2002, ред. Иржи Неквапил), *Урбанистическая социология* (№ 2, 2003, ред. Михал Иллнер), *Высшее образование* (№ 3, 2003, ред. Петр Матейю), *Социология культуры, исследования культуры и культурология* (№ 1—2, 2004, ред. Милослав Петрушек) или *Социология жилища* (№ 2, 2005, ред. Мартин Люкс).

Соответствуя своим функциям форума, помогающего рефлексии чешского социологического сообщества, журнал опубликовал тематический выпуск, фокусирующийся на истории чешской социологии в период после ее обновления

в 1960-е годы и до конца коммунистического режима в 1989 г. (№ 5, 2004). Хотя и не лишенный противоречий, он был позитивно воспринят критикой как попытка изменить и прояснить отношение научного сообщества к своему прошлому.

Другая важная функция, выполняемая *Sociologický časopis* как часть ее служения социологическому и более широкому общественно-научному сообществу, является стимулирование дискуссий по вопросам, вызывающим интерес читателей и авторов. Имея в виду эту цель, редакция журнала организовала ряд обсуждений в форме круглых столов, в частности, на тему обновления чешской социологии (1991 г.), об электоральных итогах в Чешской республике (1996 г.), проблемах, стоявших перед молодыми чешскими социологами (2001 г.), и чешской истории периода коммунизма (2003 г.). *Sociologický časopis* организовал в 2004 г. встречу главных редакторов четырех центральноевропейских социологических журналов, на которой обсуждалось предложение о создании общего центральноевропейского англоязычного социологического журнала. Хотя окончательное соглашение не было достигнуто, встреча внесла вклад в улучшение связей между социологическими журналами Венгрии, Польши, Словакии и Чешской республики.

Помимо статей, составляющих костяк любого из выпусков, *Sociologický časopis* публикует также более короткие материалы, такие как книжные рецензии, доклады на конференциях и текущие или завершенные проекты, книжные аннотации, портреты и некрологи выдающихся социологов и документы, относящиеся к истории чешской социологической мысли. В этом и других отношениях журнал сохраняет традицию, установившуюся 40 лет назад, когда публиковал-

ся его первый том. Поиск непростого и нестабильного баланса между должным уважением к традиции и в той же мере жизненно необходимым стремлением к инновациям и динамизму — главная задача тех, кто связан с журналом на протяжении многих лет его существования, будь то редакционный работник, член редколлегии или автор, другой сотруд-

ник. Как бы ни было трудно достичь этого баланса даже в будущем, журнал верен своему главному изначальному предназначению: публиковать лучшие академические материалы, в тоже время оставляя место для научных дискуссий — свободных и плодотворных на пользу их участников, всего социологического сообщества и общества в целом.

Марек СКОВАЙСА

Sociológia/Slovak Sociological Review (Bratislava)

Словацкий журнал *Sociológia* был основан в 1969 году. Сначала он выходил ежеквартально, 4 номера в год, а с 1972 г. — по 6 номеров. В последние годы журнал издается на двух языках: первый, второй, четвертый и пятый номера выходят на словацком языке, а третий и шестой — на английском под названием *Slovak Sociological Review*. Подзаголовок журнала гласит, что он является «журналом по вопросам социологии» и публикует оригинальные научные тексты, максимально широко освещдающие проблемы социологической мысли и социологических исследований. Кроме того, журнал является местом проведения научных дискуссий по актуальным проблемам словацкого общества. Журнал цитируется в *Sociological Abstract* и в *Current Content/Social and Behavioural Sciences* и внесен в список изданий *Institute of Scientific Information (ISI), USA*.

На протяжении последних десяти лет (с 1995 г.) главным редактором *Sociológia* являлся Ладислав Махачек, в

2005 г. его сменила Моника Чамбаликова. Что касается выпускающих редакторов, то для номеров журнала на словацком языке — это Роберт Клобуцкий, а на английском — Андрей Финдор. У журнала есть собственный сайт в Интернете на английском языке: <http://www.sociologia.sav.sk//socas/review/index.html>. На сайте издателя <http://www.aepress.sk/sociol/sochome.htm> опубликовано содержание всех номеров с 1998 г., а также резюме статей на английском языке.

Журнал *Sociológia* сохраняет стабильную структуру, публикую, прежде всего, научные статьи, информацию и рецензии. В тоже время в отдельных номерах появляются рубрики: «Профили и интерпретации», «Обзоры» или «Из социологических исследований». В рубрике «Информации» публикуются материалы о научных конференциях, семинарах, о деятельности Словацкого социологического общества, в целом о значительных событиях в социологической жизни страны и мира. Рубрика «Ре-

цензии» ориентирована на критический анализ книжной продукции словацких авторов, а также словацких и чешских переводов зарубежных социологических изданий. В рубрике «Профили и интерпретации» в период с 1999 по 2004 гг. были опубликованы записи интервью с видными представителями словацкой социологии. Их воспоминания и размышления помогли наметить основные ориентиры научного поиска для историков словацкой социологии. Возможность не только обратиться к прошлому, но и высказать свои взгляды по поводу нынешнего состояния этой дисциплины получили ведущие социологии: Ян Пашиак, Дильбар Алиева, Роберт Рошко, Ладислав Махачек, Гейза Блаас, Ян Стена, Петер Ондрейкович.

В последние годы одной из тем, чаще всего поднимавшихся на страницах журнала, стало исследование трансформации общества. Макросоциологический аспект этой проблемы освещается в статье Павла Махонина, который использует теорию модернизации для объяснения постсоциалистических перемен (№ 5, 2002). На той же основе строится аргументация и Яна Бунчака (№ 2, 2002). В статье Дильбар Алиевой (№ 1, 1999) делается попытка проследить новые макросоциологические подходы в западной социологии, связав их с процессами трансформации и модернизации. Кроме того, статья привносит необходимую рефлексию самой проблемы макро — и микроуровней социологического анализа.

Если в статье Моники Чамбаликовой (№ 6, 1998) рассматривается проблематика социального партнерства между работниками и работодателями в ходе процессов трансформации, то статья Валентины Гармадиовой и Яна Бунчака (№ 6, 1998), как и их статья, написанная совместно с Акошом Рона-Ташом

(№ 3, 1998), касается оценки установок и структуры элит в контексте того же процесса. Трансформация затронула и сферу общественного управления, претерпевшую процессы реформирования и децентрализации. Та же проблема, но уже в политологическом аспекте не раз поднималась на страницах *Sociológia*. В этой связи нужно упомянуть прежде всего статьи Людмилы Маликовой (№ 6, 1999; № 3, 2000), в том числе в соавторстве с Катариной Староньовой (№ 1, 2002; № 3, 2003), а также статью Яна Бучека (№ 4, 1998). Петер Гайдош посвящает свои работы (№ 2, 1999; № 2, 2001; № 4, 2002) последствиям трансформации Словакии с точки зрения социологии окружающей среды. Аналогичные проблемы затрагиваются в статье Рене Матловича (№ 2, 2004).

Тематика трансформации тесно связана с проблематикой гражданства и гражданского общества. Ей посвящен отдельный монотематический номер журнала (№ 5, 2002). Подходя к данной проблеме теоретически, Роберт Рошко (№ 5, 1999; № 5, 2002) попытался дать новые определения некоторым понятиям, связанным с гражданством и гражданским обществом, вводя понятие «гражданократия» (см. статью в этом номере журнала — *прил. ред.*). В свою очередь, Ладислав Махачек в своих статьях (№ 3, 2000; № 5, 2002) и в соавторстве с Барбарой Лаштицовой (№ 3, 2003) сосредоточивается на разных аспектах проблематики гражданского общества применительно к молодому поколению.

Следующей темой, которая анализировалась в эти годы на страницах журнала, были выборы в словацкий парламент, которые проходили в 1998 г. и завершились поражением Владимира Мечиара — известного политика популистского толка, занимавшего пост пре-

мьер-министра и часто критиковавшегося Западом за свои недемократические методы. Эти выборы часто оценивают как поворотный пункт в политической ориентации Словакии, в конечном счете, приведший ее к вступлению в НАТО и ЕС. Анализ как самих этих выборов, так и поведения избирателей, проводится в статьях Владимира Кривы и Яна Стены в № 1, 1999 г. За год до этого (№ 1, 1998) теоретическую статью, анализирующую разные теории, касающиеся поведения избирателей, опубликовал и Ян Сопоци.

Систематически на страницах *Sociológia* отражается и проблематика нации, этнической принадлежности и идентичности. Особенно часто к данной проблематике журнал обращался в 1992—1994 гг. Тогда повышенный интерес был мотивирован разделом Чехословакии. Вторая волна интереса к нации и этническим группам, начавшись приблизительно в 1999 г., актуальна и поныне. Причем указанные проблемы все чаще рассматриваются в контексте процессов глобализации с учетом вступления Словакии в различные наднациональные структуры. Необходимость исследования цыганского населения становится особенно настоятельной в конце 1990-х годов. Журнал откликается на нее изданием монотематического номера, посвященного проблематике цыган (№ 5, 2001).

С конца 1990-х годов в журнале начинают появляться статьи, оперирующие понятием идентичность с позиций конструктивизма. Это статья Зузаны Куса и Андрея Финдора (№ 6, 1999) и две статьи Андрея Финдора (№ 1, 2000; № 3, 2002). В статье Дильбар Алиевой представлен обзор разных концепций личностной идентичности, обращается внимание на ее дисконтинуальность и фрагментированность в современных

условиях (№ 4, 2000). Статьи Я.Бунчака и М.Писцовой (№ 3, 2000), а также Франтишека Зиха (№ 5, 1999) содержат результаты исследований идентичности в контексте европейской интеграции. Свидетельством исключительной частоты обращения к этой теме стали два монотематических номера *Sociológia* — № 6, 2002 и № 3, 2004, — причем последний из них, англоязычный, был посвящен международному проекту Европейской комиссии по исследованию молодежи и ее отношения к европейской идентичности и гражданству.

Большое место в журнале занимала и проблематика социальной патологии. Ей посвящен ряд статей, опубликованных в № 5 за 1999 г. Среди них теоретическая статья Петера Ондрейковича наряду с материалами о динамике преступности в Словакии (Габриэла Лубелцова) и в Чехии (Мирослав Шейност). Женская преступность находится в центре внимания Любославы Сейчовой (№ 2, 2002), а Габриэла Лубелцова анализирует значение альтернативных наказаний в регулировании преступности (№ 1, 2005). В рамках темы социальной патологии нельзя не отметить попытку применить к словацкому обществу дюркгеймовское понятие общественной аномии. Надо заметить, в обеих статьях, где такая попытка предпринимается, авторы констатируют, что современная Словакия представляет собой именно такое аномичное общество. Петер Ондрейкович (№ 4, 2000) связывает аномию, прежде всего, с процессами модернизации, Юрай Шенк (№ 2, 2004) стремится не только дать определение аномии, но и измерить ее эмпирически.

Одной из главных задач журнала *Sociológia* является освещение истории словацкой социологии. Этой теме уделяют внимание Людовит Турчан и Эва

Лайферова. Перу Л.Турчана принадлежат статьи об изучении христианской социологией социального вопроса (№ 2, 1998; № 1, 2001), Э. Лайферова стремится определить место проблематики национализма в христианской социологии (№ 2, 1998; № 1, 2001). Эти авторы подготовили статью, в которой совершаются попытка наиболее полного раскрытия картины развития словацкой социологии в период после 1948 г. (№ 2, 2002). Роберт Клобуцкий развивает проблему формирования ранней словацкой социологии на рубеже XIX-XX веков (№ 2, 2001), а также исследует историю социологии (№ 2, 2005). Редакция журнала подготовила англоязычный монотематический номер, посвященный выдающемуся социологу второй половины XX в. Александру Гирнеру (№ 6, 2000). Опубликована статья Майка Ф.Кина и Януша Мухи о развитии социологии в Центральной и Восточной Европе (№ 3, 2000).

Из других проблем, которым *Sociológia* посвятила монотематические номера, можно назвать социологию религии (№ 1, 2001), проблему безопасности и вооруженных сил (№ 5, 2003) и социологию права (№ 1, 2005).

Среди научных дискуссий, которые велись в последнее время на страницах журнала, надо упомянуть, прежде всего, дискуссию, инспирированную Петером Сикорой. Он встал на защиту социобиологических принципов, обвиняя словацких обществоведов в «биофобии», пренебрежении новой парадигмой (№ 4, 1999).

В ответ Татьяна Седова обозначила круг ограничений, типичных для социобиологического подхода к познанию социальной реальности (№ 1, 2000). К критике присоединился Мартин Кановский, который упрекнул автора в недо-

статочном знании социологической и антропологической литературы, где и идет успешный диалог с социобиологией.

Другую дискуссию инициировала Эрика Квапилова, подвергнув критике концепции государственной политики в вопросах семьи, дискриминировавшей нетрадиционные формы семейного сожительства (№ 5, 2000). На эту статью откликнулась Терезия Ленцова (один из авторов этой концепции), защищая политику, ориентированную, прежде всего, на традиционную супружескую семью и на институт брака, который, по ее мнению, надо охранять (№ 4, 2001). Ответ Эрики Квапиловой, в котором она выступила за так называемую имплицитную семейную политику, учитывающую индивидуальные права членов различных семейных образований, помещен в том же номере. Йозефа Матулника, Алоиз Ритомский и Кароль Пастор в соавторстве на основе эмпирических исследований проанализировали макросоциальные факторы динамики рождаемости в Словакии (№ 4, 2003).

Несмотря на отсутствие ссылки на вышеупомянутую дискуссию, они высказываются в пользу незаменимости супружеской (нуклеарной) семьи для воспроизводства населения. Напротив, Йозеф Младек и Яна Сирочкива в своем исследовании внебрачных сожительств в Словакии (№ 5, 2004) обращают внимание на возрастающее число детей, рожденных вне брака, рассматривая эту тенденцию в более широком европейском контексте. Этим же контекстом оперирует и М. Писцова, когда, опираясь на эмпирические исследования, определяет зависимость между ценностными ориентациями и демографическим поведением (№ 3, 2002).

Таким образом, в журнале *Sociológia* мы находим разработки таких

профилирующих тем, как трансформация общества, анализ идентичностей, исследование этнической принадлежности и нации, наряду с проблематикой гражданства и гражданского общества, социальной патологии и социологией семьи или историей словацкой социологии. Разумеется, это темы, которые наиболее часто освещаются на страницах журнала. Кроме того, значительное место в журнале занимают и вопросы развития современной зарубежной социологии, которым посвящена серия статей Дильбар Алиевой, а также методологические вопросы социологической науки — их представляет, в частности, Зузана Куса. Необходимо отдельно упомянуть о теоретических и обзорных материалах Яна Сопоци и работах по социологии молодежи Ладислава Махачека. В последнее время все чаще на страницах журнала звучат темы бедности, социальной эксплозии и т.д.

Журнал *Sociológia/Slovak Sociological Review* как единственный общественно-научный журнал в Словакии, зарегистрированный в базе данных Current Content, имеет перспективу усиления его междисциплинарной направленнос-

ти, связей с близкими научными дисциплинами: политологией, социальной географией и демографией. В журнале, особенно в его англоязычных номерах, находят место статьи западноевропейских социологов. Круг читателей журнала расширится, когда осуществится наше намерение сделать тексты статей посредством Интернета доступными им в полном объеме.

Обзорную рецензию журнала *Sociológia* можно было бы завершить констатацией факта, что журнал отражает состояние словацкой социологии со всеми ее плюсами и минусами. Словакскую социологию часто воспринимают как достаточно небольшую по масштабам и преимущественно эмпирическую сферу знания. Поэтому и в *Sociológia* преобладают тексты прикладного характера, в то время как статей, которые были бы нацелены на теоретико-методологические проблемы общественно-научных дисциплин, печатается гораздо меньше. Однако, по крайней мере, в рамках Центральной Европы наш журнал во многих отношениях может сравниться с другими зарубежными периодическими изданиями этого типа.

Роберт КЛОБУЦКИЙ

Studia Socjologiczne (Warszawa)

Ежеквартальный журнал *Studia Socjologiczne* — одно из ведущих периодических изданий по общественным наукам в Польше. Обзор его содержания концентрируется на отдельных, избранных выпусках. Журнал представлен в контексте истории социологии в Польше и других периодических изданий аналогичного профиля. Мы информируем об организации работы, правилах подбора материалов и главных целях, которые ставим перед собой. Анализ польского общества и теоретическая интерпретация современного мира как главные темы публикуемых в журнале статей и материалов, находятся в центре внимания и данного обзора его содержания. Особо акцентируется проблематика участия журнала в международных социологических дискуссиях и связях.

Польская социология опирается на столетнюю традицию. С уверенностью можно констатировать, что это самая продолжительная институализированная традиция в социологии Центральной и Восточной Европы. Польская социология полностью сформировалась в самостоятельную отрасль знания в межвоенный период, особенно благодаря усилиям Флориана Знанецкого. Университеты Познани и Варшавы были центрами исследований и преподавания социологии. Два периодических издания возникли в то время: *Przegląd Socjologiczny* («Социологическое обозрение») and *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny* («Правовое, экономическое и социологическое движение»). Оба печа-

тались в Познани. Сразу после Второй мировой войны (до 1949 г.) социологи проявляли высокую активность в научных разработках и преподавательской деятельности. *Przegląd Socjologiczny* выходил в свет в период между 1946 и 1949 гг., оставаясь единственным периодическим изданием в этой области. В период сталинизма исследования и преподавание социологии были приостановлены, однако вновь активизировались в 1956 г. В 1957 г. *Przegląd Socjologiczny* был воссоздан (но переместился из Познани в Лодзь) и основан журнал *Kultura i Społeczeństwo* («Культура и общество»). В 1961 г. Были учреждены *Studia Socjologiczne* («Социологические очерки») и *Polish Sociological Bulletin* («Польский социологический бюллетень»), с 1993 г. сменивший название на *The Polish Sociological Review* — англоязычное издание, финансируемое Польской Социологической ассоциацией), возобновлена публикация *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*.

Studia Socjologiczne первоначально финансировались Институтом философии и социологии Польской Академии наук, но начиная с третьего номера 1970 г. — совместно Институтом и Комитетом по социологическим наукам (сейчас — Комитет по социологии) нашей Академии. Комитет представляет собой небольшое образование (около 30 членов) и избирается на три года всеми, кто имеет ученую степень по социологии или другим дисциплинам, признанным предыдущим составом Ко-

митета социологами. Зигмунд Бауман (работавший в то время в Варшавском Университете) стал первым главным редактором (но только с третьего номера 1962 г. его имя появляется на обложке). Владислав Маркевич был следующим главным редактором (1968—1991 гг.), за которым последовали Иоланта Кулпиньская (1991—1997 гг.), Хенрик Доманьский (1997—2000 гг.) и Януш Муха (с 2001 г. по настоящее время).

В течение первых 40 лет, редакторы просто назначались издателями, и критерий подобного назначения сегодня не совсем ясен. Ситуация изменилась в 2000 г., когда издатели объявили открытый для всех конкурс на должность главного редактора. Редакционный совет журнала также сменился. С 2001 г. в него входят все бывшие главные редакторы, нынешний директор Института философии и социологии ПАН, председатель Комитета по социологии, действующий президент Польской Социологической ассоциации.

В начале 1990-х годов редакционная коллегия изменила правила подбора статей для публикаций. Теперь в соответствии с западными стандартами каждый поступающий материал «вслепую» прочитывается как минимум двумя рецензентами. Их список, включающий как членов редакколлегии, так и экспертов, не входящих в нее, публикуется в каждом номере. Резюме наших статей печатается в журнале *Sociological Abstracts*. У нас есть собственный электронный сайт: <http://www.ifispan.waw.pl/studiasocjologiczne>. На нем можно найти информацию о содержании всех номеров за период с 1980 по 2000 гг. и резюме статей, начиная с 2001 г., на польском и английском языках.

Каждый новый состав редакколлегии публикует письмо «От редакторов»

(также доступно на веб-сайте), в котором излагается основное предназначение журнала. Позволю себе процитировать некоторые выдержки из «письма» нынешнего состава редакколлегии.

«Сохранение высоких стандартов развития теории, эмпирических исследований и методологии по-прежнему считается наиболее важной целью деятельности редакколлегии. Мы будем пытаться следовать ей таким образом, чтобы *Studia* продолжали оставаться важным центром обмена интерпретациями и открытиями в сфере научного анализа общества. Мы будем публиковать тексты, представляющие все аспекты социологического знания, включая теоретический анализ и эмпирические исследования, что вносит вклад в обобщающий анализ социальных явлений. Мы признаем право на существование различных по форме материалов: от социологических эссе до систематических рефлексий по поводу методологически усложненного количественного анализа. Однако мы не будем публиковать в *Studia* никаких явно описательных исследовательских докладов, рабочих материалов или комюнике. К числу главных целей *Studia* относятся:

- поддержание контактов между польской социологией и социологией международной путем критического отражения и интерпретации исследований социологов других стран и их подходов;
- анализ социальных процессов, происходящих сегодня в мире, различных его регионах, особенно в Центральной и Восточной Европе;
- анализ наиболее важных социальных явлений в Польше периода становления новой экономики, новой социальной структуры и новой культуры.

Для того, чтобы сохранить очень высокий научный уровень, *Studia* будут

продолжать следовать правилам, изложенным выше. Как и прежде, наши рецензенты будут анализировать рукописи анонимно. Позитивные и негативные мнения будут затем рассыпаться авторам. Не только члены редколлегии, но и другие признанные ученые, представляющие различные сферы социологии, будут рецензировать рукописи. Список этих «внешних рецензентов» публикуется на обороте первой страницы. Мы также будем указывать имя члена редколлегии, ответственного за данный выпуск. Мы надеемся, что все социологическое сообщество продолжит активно с нами сотрудничать. Мы надеемся, что *Studia* останутся значительным фактором в развитии нашей дисциплины».

В *Studia Socjologiczne* мы нечасто прибегаем к практике монографических выпусков. Однако, мы посвятили не один выпуск теме национального выбора (теоретические и эмпирические эссе — № 3, 1998; №№ 1—2, 2000), вышел номер, представляющий социологические и политические дебаты на первых частично свободных парламентских выборах в 1989 г. (№ 2, 1997), номер по качественной социологии (№ 1, 1997), специальный номер с материалами польской переписи 2002 г. (№ 1, 2004), специальный номер об украинском обществе (№ 4, 2004; см. об этом подробнее ниже).

По поводу выпуска, содержащего результаты национальной переписи населения. Предшествующая перепись проводилась в Польше в 1988 г. Ее итоги очевидно прорабатывались аналитиками (включая социологов) из Главного Статистического Управления (ГСУ, или GUS), но мало дискутировались в рамках академической социологии или использовались для аргументации в социологических исследованиях. Мы хотели изменить ситуацию. Мы также хотели пойти даль-

ше искусственных (даже и социологических) комментариев первых и пробных результатов, публикавшихся в печатных и электронных периодических изданиях. Поэтому мы пригласили специалистов по некоторым социологическим субдисциплинам и попросили их представить состояния отдельных сфер польского общества на основании имеющихся в их распоряжении результатов переписи. Что интересно, во многих случаях авторы доверяли больше социологическому анализу, основанному на разного рода выборках, чем данным переписи. Более того, стало ясно, что ГСУ использовал иную категоризацию, чем социологи, и, следовательно, трудно произвести сравнительный анализ. Кроме того, ГСУ не публикует никаких таблиц необработанных данных, и его методы сбора информации мало помогают в социологическом анализе. Мы надеемся, что при подготовке следующей переписи наш специальный выпуск будет принят во внимание правительственные службами.

Все ведущие польские социологи публиковались *Studia Socjologiczne*, большинство из них неоднократно. Идеи некоторых из их статей позже получили развитие в очень серьезных монографических трудах, изданных в Польше и за рубежом. Однако мы принимаем к публикации материалы, четко руководствуясь одинаковыми для всех, независимо от положения автора, критериями. И относительно молодые ученые предоставляют нам свои работы, многие из которых (статьи, обзорные очерки, книжные рецензии) в конечном счете публикуются. Очень трудно назвать самые важные области социологии, представляемые *Studia*. Действительно, мы проявляем интерес к целому ряду сфер социальных исследований. Возможно, это одна их черт, существенно отличаю-

щих *Studia* от других социологических периодических изданий с аналогичной специализацией.

Studia Socjologiczne — это польскоязычный журнал и многие публикуемые здесь эмпирические исследования основываются на польских материалах. Однако мы публикуем все больше и больше сравнительных исследований. Более того, мы всегда были открыты для социологических разработок зарубежных обществ, осуществляемых польскими и иностранными учеными. За последние 45 лет мы опубликовали статьи 50 заграничных социологов (не считая украинского выпуска). Только 8 из них (в том числе Зигмунд Бауман, Университет в Лидсе) были поляками, на момент выхода в свет их статей в нашем журнале работавшими в зарубежных университетах. Первые публикации поляков-эмигрантов фактически стали возможны после 1988 г., а на практике они начали появляться в печати с 1994 г. К числу «непольских иностранцев», издававшихся в нашем журнале (43 автора), относятся специалисты из различных стран Запада и Востока, таких как Австралия, США, Италия, Германия, Австрия, Франция, Россия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Чешская Республика, Индия и др. Среди них А.Г. Здравомыслов (№ 2, 1970), М.Н. Руткевич (№ 4, 1975), Тамаш Колоши (№ 1, 1988), Клаус Оффе и Дэвид Старк (№№ 3—4, 1992), Джэймс Коулман (№ 1, 1993), Фриц Шутце и Вольф Лепенис (№ 1, 1997), Сеймур М. Липсет (№ 2, 1997).

Мы всегда интересовались социологией, развивающейся за пределами

Польши. Многие годы у нас существовал раздел «Социология за рубежом», и польские ученые вместе с иностранными специалистами обсуждали текущее состояние знания в общественных науках вне Польши. Такой рубрики сейчас нет, но интерес к зарубежной социологии остался. Кроме многочисленных рецензий книг заграничных авторов, мы публиковали отдельные статьи о словацкой социологии (№ 4, 2002) и чешской социологии (№ 3, 2004). Вышел специальный номер об украинском обществе (№ 4, 2004) с семью статьями украинских ученых (опубликованными ранее по-украински в Киеве). И словаки, и чехи печатали в своих ведущих журналах (*Sociológia* и *Sociologický Časopis*) очерки о содержании *Studia Socjologiczne*, а украинцы опубликовали в 2005 г. в двух выпусках своего ведущего периодического издания *Социология. Теория, методы, маркетинг* статьи польских авторов о польском обществе, вышедшие ранее в *Studia Socjologiczne*.

В завершение этой короткой презентации нашего журнала хотел бы акцентировать внимание на его главных функциях. Журнал важен как дискуссионный форум профессионалов, в основном академического профиля, социологов, для обсуждения теорий, методов и существенных характеристик польского общества в сравнительной перспективе. Он выполняет также образовательную роль: используется учащимися, которые специализируются в области общественных наук, как один из важных источников информации о теориях, методах и об обществе.

Януш МУХА

Szociológiai Szemle/the Review of Sociology (Budapest)

Венгерская академия наук в 1972 г. начала издание первого специализированного журнала по социологии в Венгрии — *Szociológia*. В 1991 г. вместо него стал выходить журнал Венгерской Социологической ассоциации *Szociológiai Szemle/Review of Sociology*.

Главной его задачей является, прежде всего, обеспечение взаимосвязей и коммуникации в рамках венгерской общественной науки. Вследствие известной изоляции венгерского языка, который считается слишком трудным (возможно накладывая отпечаток даже на английский перевод), восприятие международным сообществом обществоведов этих публикаций затруднено. Хотя венгерские социологи являются авторами значительного числа статей в международных периодических изданиях данного профиля, мы считаем, что время от времени целесообразно выпускать англоязычный номер, подготовленный венграми, чтобы дать представление о нашем издании, отражающем состояние венгерской общественной науки.

Szociológiai Szemle/Review of Sociology публикует оригинальные исследовательские работы, обзорные статьи и рецензии на книги в области социологии. Статьи, предложенные для публикации, проходят двойное анонимное рецензирование. Журнал выходит 6 раз в год. Мы публикуем два англоязычных выпуска и четыре венгерских. Венгерские выпуски содержат резюме статей на английском языке.

1000 экземпляров каждого выпуска *Review of Sociology* выходят из печати и распространяются среди членов Венгерской социологической ассоциации, а также по библиотекам, учреждениям и среди индивидуальных подписчиков.

Статьи, публикуемые в нашем журнале, представляют различные отрасли социологии, теоретические подходы и эмпирические методы. Тем не менее, несложно определить специфические черты материалов, которые печатаются в журнале. Эмпирические исследования различных аспектов постсоциалистической трансформации часто можно встретить на страницах нашего издания. *Review of Sociology*, однако, не замыкается на региональной проблематике. Здесь публикуются и чисто теоретические разработки, в последние годы освещаются некоторые специфические теоретические подходы. Читатели нередко могут найти как теоретические, так и эмпирические исследования, базирующиеся на сетевой теории. Эта сфера знания, переживающая процесс становления, сверхпредставлена среди материалов журнала. Значительное присутствие теории рационального выбора также составляет специфическую черту *Review of Sociology*. Но многие статьи основываются на известных макросоциологических теориях. Немецких социальных теоретиков особенно много среди наших авторов.

Присутствие инновативных теоретических подходов обязано редак-

торской политике, явно поощряющей публикацию статей молодых ученых. В настоящее время это в основном говорящие на венгерском языке молодые исследователи, многие из которых представляют наиболее престижные высшие учебные заведения Европы и Северной Америки. Ряд факторов благоприятствует международному разнообразию и авторского состава, и читательской аудитории. Некоторые из этих ученых, работая в Западной Европе или Северной Америке, проводят исследования социальных проблем Центрально-Восточной Европы и часто представляют свои статьи в *Review of Sociology*, поскольку у него наиболее широкий круг читателей среди венгерских специалистов (членский взнос в Венгерскую Социологическую ассоциацию включает оплату подписки на журнал). Более того, благодаря большому числу говорящих на венгерском языке граждан, в таких странах, как Румыния, Словакия и Сербия и Черногория, у *Szociológiai Szemle/Review of Sociology* значительная читательская аудитория, а также огромное предложение материалов университетами и исследо-

вательскими центрами стран Центрально-Восточной Европы. Наконец, люди, работающие в качестве посещающих исследователей/профессоров в международных научных институциях и высших школах в Венгрии, тоже обычно предлагают для публикации высококачественные статьи.

Редколлегия строго следует линии на поощрение дальнейшего роста международного многообразия авторского и читательского состава. В то же время, однако, мы ориентируемся на усиление доминирующей позиции журнала на венгерском рынке. Год назад мы начали переговоры с ISI Journal Database, и *Review of Sociology* в этом году станет цитируемым журналом.

В состав редколлегии в 2004 г. входили: Габор Фелеки, Имре Ковач (главный редактор), Йозеф Саад, Золтан Санто, Роберт Тардош (главный редактор – англоязычные выпуски). Президент редсовета — Георгий Лендьель.

Все выпуски журнала доступны на веб-сайте: <http://www.mtapti.hu>

С 2005 г. открыта еще одна линия: <http://www.szociologia.hu>

Имре КОВАЧ

Авторы

Вера БИЛАСОВА — доцент кафедры философии Прешовского университета, Словакия.

Криштоф ГОРЛАХ — профессор Института социологии Ягеллонского университета, Краков, Польша.

А.Н. ДАНИЛОВ — доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор, главный редактор журнала *Социология* (Минск).

Е.Н. ДАНИЛОВА — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Хенрик ДОМАНЬСКИЙ — профессор, директор Института философии и социологии Польской Академии наук.

Вера ЖЕМБЕРОВА — профессор кафедры словацкого языка и литературы Прешовского университета, Словакия.

Роберт КЛОБУЦКИЙ — выпускающий редактор журнала *Sociológia* (Братислава).

Имре КОВАЧ — директор по науке Института политологии Венгерской академии наук, главный редактор журнала *Review of Sociology* (Будапешт).

Н.В. КОРОВИЦЫНА — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Штефан КОСТЕЛНИК — докторант кафедры философии Прешовского университета, Словакия.

Младен ЛАЗИЧ — профессор философского факультета Белградского университета, Сербия и Черногория.

Илияна МАРЧЕВА — старший научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук, ученый секретарь болгарско-российской комиссии историков.

Ладислав МАХАЧЕК — профессор философского факультета Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия.

Януш МУХА — главный редактор журнала *Studia Socjologiczne* (Варшава).

Павел МАХОНИН — научный сотрудник Института социологии Академии наук Чешской Республики.

К.В. НИКИФОРОВ — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.

Р.Г. ПИХОЯ — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Российской Академии государственной службы при Президенте РФ.

Марек СКОВАЙСА — главный редактор журнала *Sociologický časopis* (Прага).

Ж.Т. ТОЩЕНКО — член-корреспондент РАН, главный редактор журнала *Социологические исследования* (Москва).

Роберт РОШКО — 1932—2000 гг.

EAST EUROPEAN STUDIES
International Journal in Social Sciences and Humanities
Nº 1, 2005

Contents

- KOROVITSYNA Natalya (Russia), MACHÁČEK Ladislav (Slovakia) The new stage in cooperation of east-european social scientists: international comparative studies after 1989 3

Articles

- PIKHOIA Rudolf (Russia) Evolution of power and management system in the USSR and Russia in the second half of the 20th century: from Soviets and the CPSU to President and Duma 12
- TOSCHENKO Jhan (Russia) Forms and methods of political transformation in Russia 27
- DANILOV Aleksandr (Belarus) Post-soviet transformation: choosing future for the whole world 41
- ROŠKO Róbert (Slovakia) The civil society: an attempt at historic sociologic reflection. 57
- MACHONIN Pavel (Czech Republic) Social status crystallizaton and post-socialist transformation 67
- DOMAŃSKI Henryk (Poland) The middle class in transition from communism to capitalist society 81
- GORLACH Krzysztof (Poland) The end of peasantry. 97
- LAZIĆ Mladen (Serbia and Motenegro) Post-socialist transformation in Serbia: changing recruitment patterns of economic elite 114
- NIKIFOROV Konstantin (Russia) Serbia and Montenegro: the common and specific in transformation 125

Empiric Studies

- MACHÁČEK Ladislav (Slovakia) Young people about «czechoslovak», national-state and european identity 134
- DANILOVA Elena (Russia) The Russians and Poles in the mirror of ethnic and civil identification 146

Research Information

- BILASOVÁ Viera, ŽEMBEROVÁ Viera, KOSTELNÍK Štefan (Slovakia) «Slavonic phenomenon»: the concept and first research results (project of Prešov University) ..163
- MARCHEVA Iliyana (Bulgaria) Cultural cooperation as manifestation of Slavonic mutuality (discussion at Sofia University) 172

Reviews

- SKOVAJSA Marek (Czech Republic) Sociologický časopis/Czech Sociological Review (Praha) 176
- KLOBUCKÝ Robert (Slovakia) Sociológia/Slovak Sociological Review (Bratislava) ...181
- MUCHA Janusz (Poland) Studia Sojologiczne (Warszawa) 186
- KOVÁCH Imre (Hungary) Szociológiai Szemle/The Review of Sociology (Budapest) ...190

ISBN 5-9265-0210-1

9 785926502104

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Московская типография № 9»
109033, Москва, ул. Волочаевская, д. 40,
тел. 362-89-59
Бумага 80 гр. 1-оффс. Гарнитура «Times».
Объем 12 п. л. Тираж 500 экз.
Заказ 956. Цена договорная.